

ОККУЛЬТИЗМ и СЕКСУАЛЬНОСТЬ

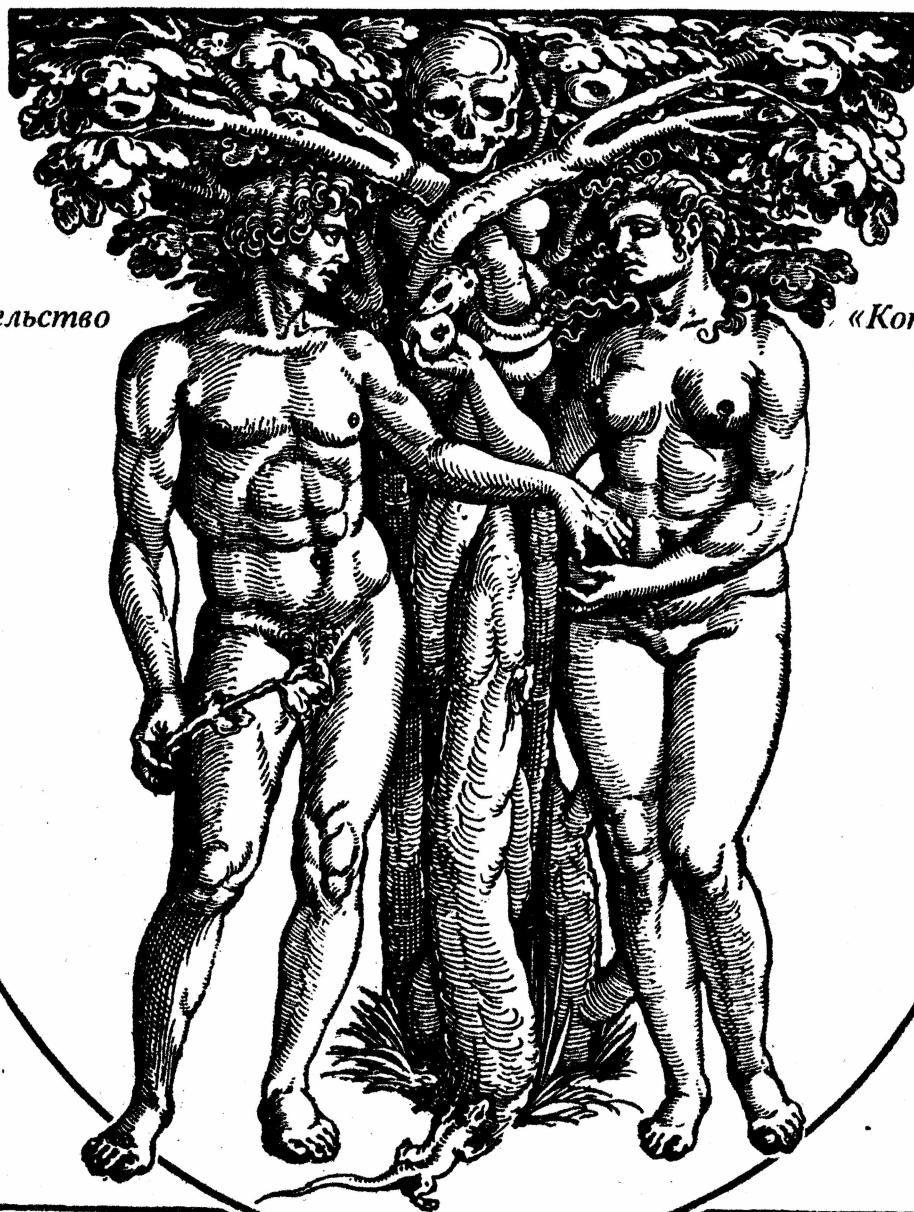

Ганс Фреймарк

ОККУЛЬТИЗМ и СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Издательство

«Константа»
1994

Исследование по истории
культуры и психологии
настоящего и прошлого

ББК В6

Ф 11

Фреймарк Г.
Ф 11 **Оккультизм и сексуальность** М.: ТОО «Константа», 1994
ISBN 5-7005-0170-8

Издание не столь далекого прошлого по истории культуры и психологии привлекает внимание тем, что автор с научных позиций, сформировавшихся к началу века, пытается оценить оккультные явления, среди которых значительное место занимают разнообразные половые вариации, гипнозизм, внушения, вера в чудеса; стремится очистить толкование этих явлений от мистических веяний, показать, как ложность оценок интеллектуальных откровений влияет на усиление психических аномалий, гаят в себе духовное разрушение.

В книге сохранены лексика, орфография и пунктуация времени ее создания.

Ф 0403000000-0 Без объявления
064(02)-94

ББК 86

ISBN 5-7005-0170-8

© Российская академия управления. 1994

© ТОО «Константа», 1994

© Оформление: Пчелкин А. А., 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

Появление этой книги вызвано прежде всего желанием автора несколько дольше остановиться на одном пункте, который обыкновенно упускается из виду при изучении оккультных феноменов, но без которого правильная оценка явлений оккультизма представляется совершенно невозможной. Это тем более важно в настоящее время, когда экспериментальное течение, охватившее (по крайней мере в Германии) широкие слои людей несведущих и любопытных, приводит их к открытым эксцессам благодаря ложной оценке интеллектуальных откровений, а это в свою очередь вызывает постепенно усиление психических аномалий. А ведь это означает собою не что иное, как духовное разрушение многих, так называемых, медиумов. Но помимо этого упомянутые «экспериментаторы» наносят себе непоправимый вред тем, что сами впадают в безумие, от которого никак освободиться не могут, так как ничего не знают об истинном мотиве их действий, а, пожалуй, и знать о нем не хотят. Обстоятельства последнего рода не могли быть предусмотрены мною, так как в большинстве случаев я сталкивался с явным невежеством. Прийти на помощь последнему, поскольку это, конечно, по силам отдельному человеку — та-

кова цель моего исследования и главная причина его появления. Единственное мое желание заключается в том, чтобы эта книга положила конец бессмысленному спору современных заклинателей духов, чтобы она способствовала водворению истинного, ясного познания вместо бессознательных, сверхчувственных мечтаний, того познания, которое является единственным источником плодотворного, полезного труда. В этом произведении читатель найдет и исторический, и этнографический материал; его я привел с той целью, чтобы показать, насколько ошибаются, думая, что при рассматриваемых вопросах мы имеем дело с экстравагантностями лишь новейшего времени. Нет — это явления, тесно связанные с природой человека всех времен и всех поясов земной планеты.

Здесь я хочу выразить глубокую благодарность моим литературным друзьям, которые оказали мне помощь своими указаниями и т. д. Я чувствую себя особенно обязанным Dr. Alfred Kind, Dr. Friedrich S. Krauss, Walter Schoene и Leo Waibel за любезное предоставление очень редких документов и за их ценные указания.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Вместе с падением натурализма в искусстве и началом нео-романтического периода интерес всего ученого мира был обращен к сфере оккультных явлений. Постепенно возраставшая склонность к мистике, стремление углубиться в сущность бытия, постичь несколько больше, чем одну только внешнюю сторону нашего существования — все это составляет естественный результат той реакции, которая поднялась против поверхностной точки зрения материалистической школы. Последняя в своих исследованиях ограничивалась лишь миром чувственным, миром видимым. Единственным методом исследования был метод эмпирический. К сожалению, усердие экспериментаторов скоро привело к преувеличенной оценке этого метода. Люди не видели, или не хотели видеть, что этот метод совершенно непригоден в применении к самому выдающемуся объекту всякого исследования: к человеческой душе. Настал, наконец, день, когда всем ясно стало, что претензии эмпирического метода чрезмерно преувеличены, когда люди решили покон-

чить с «невыполнимыми» требованиями и обратиться к изучению глубоких основ человеческого бытия. В настоящее время ни один исследователь, даже самого трезвого, самого реалистического уклада, не может оставаться в стороне от мистического течения нашего века. Некоторые занялись исследованием таких проблем, которые 10 лет тому назад вызывали у них одну только сострадательную улыбку и которые, по их мнению, составляли праздное занятие мечтателей и глупцов. Правда, эти исследователи прикрываются подчас мантией скептицизма с тем, чтобы устранить от себя всякое подозрение в пустой мечтательности; тем не менее они вступают в защиту таких мировоззрений, которые до того были объявлены hors de concours в силу преобладающего в них метафизического содержания. Этим поворотом мы всецело обязаны научным исследованиям в области гипнотизма.

Поразительные результаты исследований Braid'a и Lièbault'a, изумительный успех Нансийской школы в области гипнотизма — все

это пробило первую брешь в толще научных предрассудков, резко восстававших против какого бы то ни было психического метода. В противовес многим другим явлениям психической жизни, гипнотические состояния вполне поддавались последующей проверке. Всякий данный эксперимент можно было произвести в любое время и с любым индивидуумом. «Большое достоинство» — говорили эмпиристы. Гипнотический метод скоро сделался всеобщим достоянием науки и в настоящее время вряд ли найдется какой-нибудь врач, который наряду с другими средствами не пользовался бы также и методом внушения. Да это и вполне естественно. Ведь общераспространенный взгляд и без того приписывает врачу известную силу внушения; оставалось сделать всего только один шаг с тем, чтобы эту силу увеличить какими-нибудь специальными средствами. Но применение этого теоретического положения на практике скоро сказалось самым отрицательным образом, благодаря отсутствию более глубокого знакомства с деталями. Подобные случаи открыли людям глаза на то, что панегирики чудодейственной силе внушения были несколько преувеличены. Но если добрую половину рассказов относительно успехов метода внушения и пришлось выкинуть благодаря необоснованности и преувеличенности их, то все же оставалось еще достаточно фактического материала, который толкал на дальнейшие исследования. И вот, с первых же шагов своих изысканий, исследователи были поражены неожиданным сходством и полнейшим совпадением явлений гипнотизма и внушения и тех феноменов, о которых повествует вера в чудеса, господствовавшая во все века и у всех народов. Таким образом удалось напасть на след оккультных явлений, т. е. таких явлений, причина возникновения которых остается для нас скрытой.

Оккультные, сверхчувственные явления составляют основу и главное содержание всех религий, как христианских, так и языческих. История христианской церкви, безотносительно к личности самого Христа, исполнена сверхчувственных явлений всякого рода. От вдохновенной речи и одухотворенного писания

вплоть до личного общения с духами святых и усопших тянется длинный ряд явлений, которым исчерпываются все вариации оккультных откровений. К великому сожалению церкви, все эти явления не ограничивались одной только областью церковно-христианского культа; они сказывались в равной мере и в язычестве и в еретических сектах, отколовшихся от главной церкви. Выход из этого затруднения представился очень простой: явления, связанные с именами святых, были признаны действием небесной силы, в то время как язычество и ересь — порождением дьявола. Единство причин никто признавать не хотел. Теперь-то мы знаем, что при всех этих явлениях, которые в свое время вызывали необычайное удивление, речь идет лишь о случаях истерии. В качестве дальнейших, или вернее, второстепенных причин сюда приводят еще, смотря по обстоятельствам, различные изменчивые моменты внушения. Этим однако еще не исчерпываются все факторы, обуславливающие собою оккультные феномены. Кроме многих известных нам факторов, имеется еще целый ряд других, совершенно нам неизвестных. Современный спиритист называет этих «духов» интеллигенциями: он глубоко убежден, что скакание стола или стук в стены есть дело рук «милых мертвецов», которые, облачившись в фантастические одеяния, приходят в общество радостно-взволнованных и возбужденных участников «сеанса». Древние века окрестили эти неведомые нам силы именем демонов и стихийных духов, — средневековые же представляли их в образе дьявола с лошадиным копытом и хвостом. Наука в этом отношении несколько осторожнее. Современные представители ее удовлетворились признанием некоторой «психической силы». Если некоторые из них решаются заговорить об «оде», то они рискуют попасть в разряд спиритов. К счастью, подобная оценка человека в настоящее время уже не вызывает никакого презрения, как это было раньше. Прошли времена, когда думали, что «спиритом может стать лишь тот человек, который окончательно выжил из ума». Люди решили бросить эту зловещую классификацию, которая отдает сухой,

безжизненной догмой. В этой именно области, больше, чем во всякой другой, следует избегать слишком поспешных решений. В этой сфере, где все еще находится под вопросом, где истина и ложь неразрывно сплетены друг с другом, где одно только личное желание исследователя легко, легче чем где бы то ни было, может привести его к самым юным заключениям,— в этой сфере необходимо сохранить самую беспристрастную объективность. Человек, который горит огнем протеста, так же мало способен к изучению упомянутых явлений, как и тот, который выступает на защиту их истинности и достоверности из соображений *религиозного* характера.

Целый ряд точнейших исследований ученого мира всех национальностей дает нам неопровержимые доказательства в пользу тех фактов оккультного порядка, с которыми мы неоднократно встречаемся в истории настоящей и прошедшей жизни человечества. Поскольку речь идет о явлениях физического характера (как самопроизвольное движение предметов, изменение веса объектов без соответствующего соприкосновения, уплотнение жидких тел), здесь прежде всего следует упомянуть исследования профессора Crookes'a. Далее необходимо остановиться на опытах профессора Pournoy, совершенных над медиумом Heleh Smit'a. Эти опыты относятся преимущественно к сфере психических явлений (автоматическая речь, фантастическое, но вместе с тем вполне логичное создание умопостигаемых миров, богатство индивидуальных оттенков). В смысле выяснения причинных моментов различных физических явлений не менее ценными являются изыскания полковника Rochas'a относительно ощущений и движений человека, погруженного в гипнотический сон. Эти исследования, как и исследования русских профессоров Бутлерова, Прибыткова, Осхоровича, опыты Richet и Lombroso над Palladino, далее наблюдения профессора Dessoir'a, Dr. Moll'я, итальянцев—проф. Falcomer'a, Morselli и Foa и всех самых выдающихся представителей ученого мира Италии—все это с полнейшей очевидностью говорит в пользу того, что оккультные феномены непосредственно связаны

с присутствием известной личности—медиума. Ту же мысль еще раньше высказывали Zöllner, Hellenbach и du Prel. Но в то время, как самопроизвольные явления наступают, по мнению du Prel'я, и без содействия медиума, новейшие ученые утверждают, что в подобных случаях лица, совершающие наблюдение, сами приобретают некоторые медиумические свойства и только эти последние и дают им возможность воспринять указанные феномены. В общем, намечается вполне определенная тенденция рассматривать оккультные явления, как результат некоторой силы, заложенной в медиуме. Строго говоря, эта сила находится у всякого человека, но, естественно, не в той мере, как у так называемых медиумов.

Медиумы—это мужчины или женщины, обладающие обыкновенно колоссальной раздражительностью и восприимчивостью. Основным условием является значительная степень подчиняемости всякого рода внушению; очень часто попытки погрузить их в гипнотический сон кончаются полнейшей неудачей, но тем легче они самым бессознательным образом проникаются влиянием окружающей их среды. Весьма значительную роль (особенно в явлениях психического порядка) играет при этом личный взгляд медиума на «духов», небо, ад, смерть и дьявола. Большинство исследователей обратило внимание на тот любопытный факт, что, помимо прочих своеобразных особенностей своих, медиумы очень часто обладают и ненормальной половой организацией. Нередко при этом наблюдали полнейшее изменение в направлении полового влечения. Но это не всегда так. Очень часто приходилось встречаться с необычайной анестезией эротических ощущений или наблюдалось явное увеличение интенсивности полового влечения благодаря медиумической деятельности (что особенно удивительно!). В тех же случаях, когда не наблюдалось ни изменения в направлении полового инстинкта, ни увеличения интенсивности влечения, ни половой анестезии, в существе медиумов резко выступали противоположные половые признаки. Мужчины проявляют черты известной жен-

ственности и мягкости не только в сфере духовной жизни, но и во всей своей физической внешности, женщины же наоборот, отличаются резкостью и твердостью, словом, чисто мужскими чертами. Таким образом, невольно напрашивается вывод, что медиумизм находится в известной причинной связи с половой организацией медиума. Этот вывод подкрепляется еще тем фактом, что очень многие феномены, о которых, к сожалению, совершенно умалчивают, имеют самое близкое отношение к половой сфере. Для примера достаточно будет привести переживание профессора Zöllner'a с гомосексуальным медиумом Slade. Во время некоторых сеансов профессор Zöllner почувствовал прикосновение каких-то, по-видимому, флюидных рук к одному вполне определенному органу своего тела, причем следует отметить, что руки Slade все время лежали на столе, а ноги его находились под строгим контролем Zöllner'a. Весьма скромный в подобных делах астро-физик успокоился на той мысли, что эти прикосновения были совершены с целью вызвать энергию, таящуюся в упомянутой области нашего организма, и использовать ее в интересах оккультизма. Если бы это было действительно так, то можно было бы до некоторой степени согласиться с толкованием, подсказанным Zöllner'у его благонамеренным и весьма скромным образом мыслей. На самом же деле это не так, а потому необходимо согласиться с мнением тех ученых, которые утверждают, что своеобразная половая природа медиума, наличие в нем противоположных половых признаков есть необходимая предпосылка медиальности данного человека.

Итак, мы видим, что в оккультизме господствующее место занимают разнообразные половые вариации; для полноты картины необходимо еще остановиться на половой организации, которую мы, пользуясь далеко не безупречной классификацией, назовем «нормальной»; эта последняя также играет довольно видную роль в рассматриваемых нами явлениях. Это сказывается, прежде всего, в отдельных отраслях оккультизма, как например, в культе мистерий, в тайных религиозных со-

юзах античного мира, в фантастичных и вместе с тем страшных церемониях африканского и индийского богослужения, в религиозных союзах австралийского мира, как и в черных мессах дьявольской мистики, в некоторых месмерических сеансах XVIII века и в любом собрании современных фантастов. Сектанты всех толков всегда отличались особенным искусством прикрывать половое влечение знаменем оккультизма. Одно переплеталось с другим и, заклиная мертвецов, люди уготовляли наслаждение для живых.

Всякий культ насквозь пропитан оккультным элементом. Религиозные обряды всех веков покоятся на таинственном, скрытом начале, а религиозные учения представляют собою не что иное, как откровения невидимого божества, возвышающегося над чувственным миром. При таких условиях господство фантазии было безгранично. Но здесь таилась великая опасность, что фантазия, окрыленная свободной и смелой мыслью, унесется далеко и свернет с пути общепризнанного догмата. Необходимо было дать ей определенные директивы.

Вера в духов, пользовавшаяся исключительным господством в те времена, выдвинула в качестве такой директивы — жертву. Своей готовностью к приношениям всякого рода — от первенцев полей до первенцев материнской утробы — люди надеялись добиться щедрого воздаяния, как в настоящем, так и на будущие времена. Но человеческая природа не могла примириться с мучительной жертвой, которая всецело покоилась на лишениях.

Начали искать выхода и нашли его. Люди приносили в жертву злым богам свое право на воспроизведение потомства, освобождая себя от семени; правда, все это совершалось согласно предписаниям ритуала, но не без некоторого сладостного ощущения. Но нашелся еще один способ порвать эту цепь лишений. Добрые боги не любят крови и страданий, так как они милостивы; отсюда вполне последовательно заключали, что радость и услада людей есть также и их радость и услада. Поэтому в честь их устраивали

многочисленные торжества, которые носили явно выраженный оргиатический характер. Это тем более понятно, что некоторым божествам этого рода присуще было, хотя и второстепенным образом, известное сексуальное значение, которое достигало своего кульминационного пункта во время упомянутых торжеств. Следовать примеру богов всегда считалось делом очень похвальным. И почему, в самом деле, верному слуге отказываться следовать такому соблазнительному примеру своего властелина? Ведь вместе с минутным наслаждением в настоящем он, таким образом, приобретает известное право на наслаждение в будущем. Но рядом с этой официальной стороной культа, тесно связанной с половой сферой, жрецы знали еще одну, более интенсивную; это особенно те жрецы, которые занимались заклинанием мертвецов и сходными с этим обрядами. В их ритуале половой акт нередко представлял собою центральный пункт магического действия. В большинстве случаев совершенно неважен был самый характер того или иного акта; центр тяжести лежал в том, каких ощущений можно было достигнуть благодаря применению тех или иных мер.

Кровь—это сок совершенно особого порядка. Положение это еще более применимо к тому экстракту, который извлекается из крови и который хранится в железах мужчины. Тайна (и для нас еще не вполне понятная) возникновения этой своеобразной материи, включающей в себя свойства длинного ряда поколений, исполненной всевозможных добродетелей и пороков своего обладателя, не раз, вероятно, вдохновляла фантазию и спекулятивную мысль древних магов и толкала их на путь самых смелых комбинаций. Эта эссенция представлялась им, по-видимому, самой ценной жертвой, так как она была одновременно и самой дорогой. Принести в жертву кровь значило жертвовать своей жизнью и, по их мнению, нет того демона, который мог бы отвергнуть подобное приношение. Если кому-нибудь не помогли ни таинственная формула, ни жертва, то необходимо жертвовать собою, своей кровью; эта

жертва всегда оправдывает себя. Вполне понятно, что этот «ценный продукт» не мог быть извлечен из человеческого организма без соответствующих, весьма сложных церемоний. Вот и повод к сексуальным торжествам, повод, всецело покоющийся на священном убеждении; но следует отметить, что эти торжества носили оттенок некоторой «извращенности», как гласит очень модный медицинский термин. Празднества эти имели своей целью удовлетворение не одной только половой страсти или страсти к оккультной силе; здесь преследовалась также цель удовлетворения инстинкта жестокости. Налагали же на себя теурги и гоэты обет строжайшего полового воздержания, который соблюдался с чрезвычайной строгостью. Но ведь известно, в какой сильной степени абстиненты склонны к актам жестокости. Жестокость, окрашенная в половой цвет, смотря по религиозным воззрениям, направлена то против третьих лиц, то против самих же аскетов. Идея оккультного воздаяния господствует и здесь: посюстороннее страдание заменится потусторонним наслаждением.

Рядом с факирами и дервишами особенную изобретательность в этом отношении проявили и христианские аскеты. Они истязали свое тело всевозможными пытками. Но едва ли кто-либо до них умел украсить свои страдания такими восхитительными, дивными видениями, какие создавало их воображение. Основной мотив всех этих видений был мотив половой. Одухотворенные, эфирные, эти видения тем тонченнее действовали. Едва ли где-либо выступает рельефнее связь между явлениями оккультизма и сексуальности. Увидев образ Марии, св. Иосиф Копертинский в страстном упоении рвется к нему. Св. Тереза в огне восхищения впадает в такую конвульсию, что ей кажется, будто она уносится ввысь; вполне возможно, что она действительно поднялась от земли и здесь мы встречаемся с феноменом левитации, т. е. потери веса. У конвульсионистов религиозно-половой момент проявляется иным образом. У них оккультное действие сказывается в том, что удары оружием и прикосновение к огню проходят

для них совершенно бесследно. То же самое мы знаем относительно фанатиков Ислама, браманизма и выродившегося буддизма. Во всех этих случаях полнейшее извращение действительности, по-видимому, является следствием религиозного экстаза, который решительно ничем не отличается от полового. По отношению к фанатикам вполне уместен тот вопрос, который мы раньше поставили относительно медиумов: не является ли «аномальная» половая организация этих людей основой их религиозной экзальтированности и оккультной одаренности. В процессе дальнейшего изложения мы увидим, что весь исторический материал вполне подтверждает наши соображения на этот счет: все люди, признанные церковью святыми, благодаря ли их религиозности или оккультным подвигам, обязаны своей святостью именно своеобразной половой организации.

На тех же основаниях покоились и языческое чародейство и средневековое колдовство. В этих сферах половой момент выступает еще отчетливее, чем в так называемой «белой магии», которая до известной степени прикрывалась религиозным моментом. Если церковные маги, познав влияние чародейства и полового инстинкта, должны были ограничить себя в этих отношениях, то ведь языческие заклинатели демонов и представители, а также представительницы колдовства не встречали на своем пути никакой сдержки. Как раз колдовство и ставило себе главной целью осмеять аскетический принцип церкви. Сообразно с этим, вторая цель, непосредственно вытекающая из первой, — цель «дьявольского союза» — была направлена на удовлетворение личного сладострастия. Гнет церкви, легший тяжелым бременем на все население, невыносимые социальные условия, давившие своей тяжестью низшие слои его, — все это заставило особенно страстные натуры выйти из пределов обыденной жизни. Церковь создала ряд запретов, ставила людям всевозможные преграды в удовлетворении их потребностей — люди не обращали на это никакого внимания, удовлетворяли себя сверх меры, радостно бросаясь в объятия «греха», от которого им,

по понятиям церкви, и без того не уйти. Их сплывал протест, направленный не только против церкви, но и против имущих классов, он же объединял их в союзы, которые находили величайшее наслаждение в сокрушении всего окружающего. Придерживаясь воззрений низших слоев общества, они не удовлетворялись разбоем, грабежом и убийством; они стремились отнять у человека жизнь путем заклинаний и всяких других дьявольских проделок. Но приобрести магическую силу было вовсе не так просто. Чтобы овладеть ею, необходимо было отдаться «дьяволу». Этот акт был насквозь проникнут сексуальностью. Правда, половое общение с инкубами и суккубами, т. е. с мужскими и женскими чертями, есть не что иное, как фантастическое переживание, возникшее на истерической почве, все же этот факт показывает, какую выдающуюся роль играл в колдовстве половой момент. Это станет еще понятнее, если познакомиться с дивными и вместе с тем ужасными описаниями ведьмина шабаша, описаниями, созданными бурной фантазией ведьм и их душевным укладом, разрушенным всевозможными психическими и физическими эксцессами. И в настоящее время можно наблюдать явления вполне аналогичные тем, о которых мы читаем в легендах об инкубах и суккубах; это бывает тогда, когда страстное желание соединяется с взвинченной фантазией. И теперь можно найти и инкуба, и суккуба; разница заключается лишь в том, что современные люди не тревожат черта. Они заключают любовный союз с «душами мертвецов» и момент любви они переживают не на Брокене и не на Унтерсберге, а в своей комнате во время спиритического сеанса.

Весьма возможно, что ультра-чувствительные представители и представительницы нашего общества, предаваясь тайному и занимательному изучению оккультных наук, насквозь пропитываются глубокой верой в лучшее будущее, не удовлетворяясь благоприятными результатами в настоящем. В этом отношении их можно сравнить с ревностными поборниками культа Астарты, Ваала и прочих языческих божеств или славянским

крестьянином, который еще и в настоящее время живет в полной надежде на щедрое воздаяние за то, что он оплодотворит свою жену в открытом поле. Здесь мы встречаемся с очень распространенным предрассудком, будто в оккультных актах нашей современности речь идет исключительно о воображаемых переживаниях. Люди, при известных обстоятельствах, превосходно умеют реализовать эти фантастические представления, причем таким образом, чтобы не перейти границы таинственного. Само собою разумеется, что оккультизм этого рода пользуется сочувствием далеко не у всех; к нему относится отрицательно, прежде всего человек непосвященный, который только вступает в ряды «современных заклинателей духов». Но и в новичке скоро начинают пробуждаться различные чувства и с первых же шагов у него возникают всякие недоразумения с духами — то бесплотными, то облеченными в плоть. Относительно них наш крестьянин, обрабатывающий свою «пашню» в двояком направлении, ничего знать не хочет. Он предпочитает совершить эту половую и вместе с тем магическую процедуру со своей женой или с любимой женщиной. Так рассуждает он не только в данном случае, но и в целой массе аналогичных случаев. Ибо его жизнь исполнена в равной мере и сексуальности и суеверных представлений; его половая деятельность вполне покрывается оккультной деятельностью его — и наоборот. Половые акты, совершаемые с односельчанами и односельчанками на оккультной почве — прямо бесчисленны. Крестьянин, некогда любил девушку, но впоследствии изменил ей и женился на другой; первая жаждет мести и поражает его половым бессилием. Молодой муж, гордый своею мужественностью, с достоинством всходит на брачное ложе и — вдруг к своему великому стыду замечает, что он окончательно потерял способность к половому общению. В большинстве случаев он моментально догадывается, кто мог сыграть с ним эту злую шутку. Это — или покинутая им девушка, или обманутый жених его супруги. Последняя отчасти также находится под влиянием этой

мстительной силы. Несмотря на сильную любовь свою к мужу, она всячески избегает его ласк, так как они причиняют ей физические страдания. Если иногда и правильно будет предположить, что подобные случаи колдовства представляют собою не что иное, как результат действия нечистой совести, то в очень многих случаях подобное предположение совершенно неуместно, так как в них мы действительно имеем дело с оккультными актами волшебства.

Совершенно то же самое мы видим и при любовных чарах; этими чарами пользуется покинутая девушка или отвергнутый жених с тем, чтобы снова вернуть к себе любимого человека. И здесь нередко применяются такие средства, которые производят чисто физиологическое действие. Но на этих простейших случаях внушения, которые обусловлены действием самых безобидных трав, как например, сельдерея, дело далеко еще не кончается. Детальное изучение психического состояния человека, находящегося под действием упомянутых чар, очень часто не приводит ни к каким результатам. Если даже этот человек несколько не сомневается в том, что зло, причиненное ему, есть дело рук покинутой им девушки, то он ведь совершенно не знает, как далеко простирается ее искусство в этом направлении. Ведь свои удары она направляет не только в половую область; своим влиянием она часто поражает и другие органы, что гораздо мучительнее действует на человека, чем полное разрушение фаллической силы. Кроме того, эти случаи мантического порядка указывают на такие факты, которые ничего общего с внушением не имеют. Здесь речь идет о различных ингредиентах, которые извлечены из организма человека, находящегося под влиянием чар. Все говорит в пользу того, что между человеческим телом и выделениями или отдельными частями его (как, например, волосами) существует известная связь, так что всякое воздействие на эти части непосредственно воспринимается тем лицом, которому они принадлежат. Исследования Rochas и других новейших ученых проливают некоторый свет на эти факты. Впоследствии мы подробнее зай-

мемя результатами этих исследований; там также выяснится вопрос о том, насколько приемлема гипотеза французского ученого. Здесь мы только заметим, что под упомянутыми ингредиентами разумеется «ценный экстракт», извлекаемый из тончайших частей человеческого организма, экстракт, который пользовался чрезвычайно высоким значением в древности. Но и это не все. Для целей мантики пользовались всевозможными выделениями человека, не исключая экскрементов. В дальнейшем мы увидим, какие средства пускала в ход безумная страсть с тем, чтобы вернуть к себе предмет любви, какими средствами пользовалась ослепленная мстительность, чтобы смертельно поразить своего противника. Тут нам придется говорить и о различных волшебных процедурах, совершаемых над изображением человека. Это составляет особую главу оккультизма; исключительное место оно занимает в истории саксонского двора. В мистических ложах современной Франции эти процедуры являются предметом самых оживленных споров; они применяются там еще и в настоящее время, особенно в тех случаях, когда желательно погубить соперника. В этом отношении не отстают и народный обычай.

Народ развивает свою деятельность и в других направлениях. Еще и теперь можно видеть деревенскую старушку, которая сидит у очага и варит в горшке ведьмины масла. К ней приходят и бедные, и безобразные девушки; всем им она доставляет женихов, даже самой уродливой. Но жених приходит тайком, только ночью. Обнажив свое тело, девушка натирает его маслом и ждет своего жениха. Она ждет долго-долго. Ибо «мудрая женщина» заповедала так. Но под внешним спокойствием кипит неудержимая страсть. Она измучена ожиданием, она уже готова заснуть от усталости, как вдруг — он тут. Так бывает не раз; это повторяется все время, пока богатая фантазия не расстанется с верой в ведьмины масла. Если же какая-нибудь завистливая подруга начнет разъяснять ей причины этого факта, тогда «желанный» не приходит — внушение прекращает свое действие. Но «мудрая женщина» нахо-

дит выход и из этого положения. Если одно масло не годится, она заваривает другое, но если и последнее не помогает, то уже сама девушка должна приготовить себе отвар или разыскать травы, пока не вернется к ней прежняя вера. Нередко эти средства имеют и афродизическое действие. В большинстве случаев эти масла, размазанные по всему телу или только в области гениталий, в связи с посторонним внушением или самовнушением, сильно повышают эротическую чувствительность. Все эти старые рецепты детально исследованы различными учеными; о них речь будет впереди. Эти исследователи оставили нам очень любопытные заметки относительно своих наблюдений и опытов, первоначально очень приятных, но впоследствии оказавшихся весьма печальными. Перед нами лежит широкое поле. Мы пускаемся в далекий и тяжелый путь исследований, твердо веря в то, что эта работа принесет великую пользу самопознанию человека. Ибо в обеих областях нашего исследования, как в половой, так и в оккультной, человек предстает перед нами во всей своей наготе. В порыве благочестия мы узрим врата неба и сексуальность, свободная от всего земного, предстанет перед нами в виде безгрешных, чистых откровений любви; но нам также предстоит измерить глубины безграничных желаний и проникнуть взором бездны адских страстей. Ужасное не должно нас отпугивать, а преобразование не должно ослеплять. Трезво и спокойно должны мы приступить к фактам, исследовать их и разъяснить. Тогда сама раскроется перед нами таинственная связь явлений. И если мы в оккультных явлениях снова встретимся с элементами, знакомыми нам из сексуальной области, с инстинктом и влечением, страстью и вожделением, то все же мы должны преклониться перед святостью, величием и красотой тех фактов, которые ими вызваны и ими же обусловлены. Ведь удовольствие, которое мы получаем от запаха розы, несколько не умаляется благодаря тому, что навоз есть источник пышности и аромата ее. Ведь мы преклоняемся перед великим подвигом веры и любви, несмотря на то, что

он совершен Сыном Божиим, рожденным в хлеву. Точно также нас нисколько не должен оскорблять тот факт, что оккультные явления и оккультная одаренность всецело покоятся на почве человеческой сексуальности. Познавая себя, раскрывая таинственные силы, глубоко заложенные в природе человека,

мы научаемся владеть ими и укрощать их. Свободные от всяких предрассудков, мы можем подчинить себе эти силы, вытекающие из естественных основ нашей сексуальности, но не для того, чтобы колдовать и убивать, а чтобы украсить и обогатить жизнь наших ближних.

СЕКСУАЛЬНОСТЬ
СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ,
ВОЛХВОВ И РОДСТВЕННЫХ
ХАРАКТЕРОВ

Идеалом всякого жречества, даже в самых грубых формах его, является полнейшая асексуальность человека, по крайней мере, асексуальность жреца, священнослужителя.

Требование безбрачия, предъявляемое католической церковью к своим служителям, есть лишь одно из выражений этой тенденции, общей всем решительно культам. Это требование, соответствующее более возвышенному (хотя и не самому возвышенному) мирозерцанию, по идее своей ничем не отличается от того, что мы наблюдаем на низших ступенях культуры, а именно: сознательное подавление в себе наличных половых признаков. Стремление разрушить пол и победить в себе сексуальность осуществляется самыми разнообразными способами — от особого покрова платья, скрывающего половые отличия, до полнейшей кастрации и абсолютного полового воздержания. И в последнем случае данная половая организация утрачивает свои типичные черты; мало того — она обращается в свою противоположность, если кастрация была совершена в молодости или воздержание тянется еще с молодых лет.

Но если, несмотря на эту общую тенденцию к асексуальности, дело иногда доходит до самых разнузданных половых оргий, если половой момент играет главную роль в религиозных системах и ритуале, как мы это видим во всех решительно культах, то из всего этого мы можем вывести то неоспоримое заключение, что, как в жизни вообще, так и в религиозной жизни в частности, половой момент является самым важным двигательным импульсом.

Люди давно уже познали этот факт; поэтому они наперебой расточают бесконечные похвалы той церковной тактике, которая представляет своим служителям наслаждаться по-

ловыми радостями в тех границах, в каких это разрешено обыкновенному гражданину. Но при этом упускают из виду, что подобный процесс демократизации влечет за собою самые печальные последствия: он подтачивает главное достояние священнослужителя — оккультную область, он отнимает у него высшую способность его — способность быть посредником между пося- и потусторонним миром. «Мы должны каким-нибудь таинственным образом создать для себя людей, — говорит пастор Nathack—Stahn в своем труде «Mittler», — это — наша человеческая потребность. Нам нужны люди, в которых мы могли бы верить; если их не будет, мы потеряем веру в Того, Кого мы узреть не можем. Мы сами должны быть теми людьми, в которых можно верить; в противном случае мы начнем заблуждаться относительно Того, Который находится в нас самих».

Слова: «Который находится в нас самих» можно было бы заменить словами: «То, что находится в нас самих»; это было бы, правда, менее религиозно, но не менее спиритуалистически. Вот это именно «то, что находится в нас», и есть основа всего, возвышающегося над чувственностью и лежащего вне ее. Все то истинное и достоверное, что раскрывается нам в тайных науках и, прежде всего, в различных религиях, «простирается на ту часть органической жизни нашей, которая для нас самих представляется в виде чего-то загадочного, таинственного, чуждого и непостижимого. Та сторона нашего бытия, которая покоится не на рассудке, а на вере, не на достоверности внешних ощущений, а на неясном, смутном чувстве симпатии и антипатии, не на выводах критического разума, а на бессознательном, инстинктивном влечении, — эта таинственная половина

нашего бытия и составляет ту почву, которой питаются корни тайных наук»*.

И несмотря на то, что тайные науки оперируют только чувствами, они все же являются науками в истинном значении этого слова. И сюда, в эти изначальные моменты ощущений, разум вторгается в качестве высшего судьи: весь этот хаос неясных духовных образов он приводит к отчетливой и ясной созерцательности. Метод, которым первоначально пользовались в подобных случаях, существенно отличается от научной работы в том смысле, в каком мы теперь ее понимаем. Он заключает в себе то, что Ницше хотел выразить словами: «В твоём теле больше разума, чем в твоей конечной мудрости». Если в прежние времена человек обращался к оккультным наукам в нашем современном понимании их, т. е. занимался изучением внутренних сторон человеческого бытия, то он делал это не в интересах строгого научного исследования, не с целью создать себе из этого прибыльную специальность, а исключительно подчинялся при этом своему природному влечению. Спрашивается: не шло ли это влечение в разрез с глубоким, строгим познанием? Вполне возможно! Но в очень многих случаях он именно был тем человеком, который открывал глазам исследователя новые горизонты, который обнажал бесконечные высоты и неизмеримые глубины; руководство и указания такого человека были особенно ценны и поучительны тогда, когда ему удалось победить или, как мы уже теперь знаем, преобразить в себе ту область ощущений, которая наиболее таинственным образом связывает нас с внешним миром, т. е. сексуальность. Ибо победить сексуальность, достигнуть полнейшего освобождения от нее совершенно немислимо, для этого она слишком тесно связана со всей нашей человеческой природой и нам остается только радоваться, что мы в состоянии сломить ее исключительное господство, исторгнуть из материального русла и направить ее в сторону духовных проявлений.

«Внутренняя связь между половой и духовной производительностью разъясняет нам тот

поразительный факт, что чисто физическое половое влечение человека нередко заменяется определенными духовными феноменами, что существуют психические эквиваленты, которые вполне покрывают собою потенциальную энергию полового инстинкта. Сюда относятся различные аффекты, как жестокость, гнев, страдание, творческая работа человеческого духа, как поэзия, искусство и религия; словом, духовная жизнь человека дает целый ряд подобных эквивалентов, но лишь при том условии, если сдержать и видоизменить естественное проявление полового инстинкта»**.

Причиной полнейшего преобразования полового инстинкта, преобразования, которое мы наблюдаем у священнослужителей, волхвов и магов старого и (как это ни странно!) нового времени, является особое предназначение, глубоко заложенное в половой индивидуальности этих лиц. Само собой понятно, что не все люди, посвятившие себя оккультным наукам или магическим операциям и жреческому посредничеству, представляют собою половые аномалии; нет — правильнее будет сказать, что половая аномалия среди этих лиц есть господствующее явление. И это особенно верно в применении к старому времени, когда люди шли на жреческое служение по призванию, а не в силу материальных соображений, как в настоящее время. Но если человек предается изучению оккультных и религиозных феноменов в страстном увлечении, а не в какой-то бесцветной мечтательности, то эта склонность несомненно обуславливается упомянутой физической чертой.

Говоря о ненормальной половой организации священнослужителей и родственных им характеров, мы вовсе не хотели входить в оценку этого факта; наше желание было только констатировать факт; ведь он нисколько не умаляет того влияния, которым пользуются люди в жреческом одеянии. В актах человеческого духа, в творчестве его — вот где заложена духовная ценность, вот где можно говорить о личности или отсутствии ее. Совершенно верно замечает по этому поводу Hellpach:

* Schindler, Aberglauben im Mittelalter. S. 64.

** Bloch, Sexuelleben unserer Zeit, Berlin. 1906. S. 100.

«Нет никакого сомнения, что в оценке личности какого-нибудь творца далеко не последнюю роль играет патографическое исследование; ведь оно приводит нам интереснейшие данные относительно того, как один мотив действия вытесняется другим, выросшим на болезненной почве... Но если эти данные имеют известное значение для понимания психического уклада исторических личностей, для понимания корней и основ их творчества, то они несколько не затрагивают ни объективного влияния, связанного с действиями этих людей, ни объективной ценности этих действий. Величие идеи несколько не умаляется от того, что создатель ее в момент творчества находился в лихорадочном состоянии; религиозная истина решительно ничего не теряет от того, что она родилась в момент истерического экстаза. И разве красота ницшеанской лирики хоть сколько-нибудь зависит от того, создавал ли ее здоровый дух или дух, разбитый параличом? Истина, красота, святость и тому подобные ценности находятся за пределами патографического исследования, они находятся вообще по ту сторону всякого научного исследования»*.

Иначе обстоит дело с вопросом о том, не является ли оккультная одаренность, которой мы обязаны как различными возвышенными учениями, так и многочисленными предрассудками, результатом известной душевной двойственности, возникшей на почве физических аномалий. По этому поводу Johannes Schegg в своем исследовании о Гарибальди говорит следующее: «Выдающиеся люди никогда не будут отрицать этой душевной двойственности; не признавать ее склонны лишь очень обыкновенные люди, как сыновья *Famulus Wagner'a* и К^o». И, действительно, как история, так и опыт в один голос говорят о том, что только те люди находятся в общении с трансцендентным миром, которые отличаются своеобразной половой организацией или от природы, или благоприобретенным образом.

В своем труде «*Christliche Mystik*» Görge говорит, что милость и снисходительность могущественных богов может быть достигнута только при содействии «таких людей, которые находятся в самом тесном общении с ними. Эти люди должны стоять в известных отношениях к миру таинственному; между ними и богами должно существовать активное взаимодействие с тем, чтобы при помощи небесной силы, заключенной в них, расположить богов к кротости и снисходительности. Таким образом, жрецы и священнослужители, отдающие себя служению богам, должны быть, с одной стороны, ясновидцами, а с другой — магами. В этом заключается их призвание, которое обусловлено особыми *природными* задатками их. Они избраны самими богами, они рождены для служения им; их миссия покоится на *естественном преимуществе*, тесно связанном с моментом их рождения».

Первобытные народы уделяли очень много внимания различным половым аномалиям; эти аномалии они определяли по некоторым чертам женственности, выступавшим в природной организации мужчины. Это видно из того факта, что те жрецы, которые от природы лишены были всякой женственности, должны были приобрести ее путем особого воспитания**. Преимуществом для занятия должности жреца пользовались, конечно, те, которые этими чертами обладали от природы. Так, по данным *Las Casas****, индийские пиаши выбирали мальчиков (в возрасте от 12 до 15 лет), отличавшихся такими физическими чертами, которые свидетельствовали о природной склонности их к магии. Избранные отсылались обыкновенно в далекие леса, где жили старейшие пиаши — мудрецы искусства; там они жили два года под наблюдением этих старцев, в строгом повиновении и аскетизме. Они не ели ничего такого, что содержит в себе кровь или дает кровь человеческому организму; питались исключительно растениями и водой. Они всячески держались вдали от плотской мысли, а тем более от плотского акта; в течение этих двух

* Hellpach. Die Pathographie und ihr Meister. Monatsschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform. 4. Jahrg., 3 Heft, Juni 1907.

** Karsch, Uranismus und Tribadie bei den Naturvölkern (Jahrbuch f. sex. Zwischenstufen, 1901).

*** Hist. apolog., c. 275.

лет они не встречались ни с родителями, ни с друзьями и знакомыми. Днем они учителей своих не видали; те посещают их только ночью и изучают с ними различные песни и заклинания, обряды и искусство исцелять больных. По прошествии этих двух лет они возвращаются домой, причем получают от своих учителей свидетельство о том, что к искусству магии они вполне подготовлены».

То же самое мы видим и в Африке. Там также те или иные особенности природной организации человека служат признаком способности или неспособности к отправлению жреческих обязанностей; так, например, племя зулу считает известную степень умопомешательства необходимым условием к занятию жреческой должности*. И сибирские шаманы принимают к себе в ученики только тех детей обоюго пола, которые отличаются каким-нибудь заметным психическим расстройством. Последнее же большею частью свойственно людям, ненормальным в половом отношении. Они отличаются вдумчивостью, а потому им более присуще состояние душевной возбужденности. Среди сибирских шаманов очень часто приходится слышать такое выражение: «у меня совершенно изменился природный пол». Занзинов** знал шамана, который утверждал, что он превратился в женщину. Отсюда он вполне последовательно заключил, что ему необходимо одеваться в женские платья. То же самое мы наблюдаем у шаманок: они вполне уверены, что превратились в мужчин; у них даже появляются чисто мужские манеры. Идея подобного превращения не чужда была и скифам, о которых Гиппократ говорит следующее:

«...Среди них можно встретить людей, очень похожих на евнухов; не только в практической деятельности, но и в разговоре они напоминают собою женщин. Туземцы приписывают причину этого явления какому-то особому божеству; они боятся этих людей и проявляют к ним какое-то рабское почтение».

К числу метаморфоз этого рода следует отнести и рассказ Taranth'a о буддийском мо-

нахе Казори. Последний заклинал богиню Ваджрайогини и требовал от нее, чтобы она уделила ему то положение, которое сама занимала среди высших духов; его мольба была услышана: богиня окончательно вселилась в него, а он благодаря этому приобрел чародейскую силу. Точно также и Самкара—Атжерья полагал, что в нем живет какое-то божество. «Проникая порою в его тело, это божество высказывало умозаключения, до сих пор не существовавшие»***.

Образчик подобного превращения, принадлежащий уже новейшему времени, приводит Stuhlmann. Речь идет об одном негре, который ощутил эту метаморфозу на третий день какой-то болезни; с тех пор это ощущение его уже не покидало во всю жизнь. Негр одевался в женские платья и занимался исключительно работами, относящимися к женской специальности: со времени этой болезни он проникся глубокой индифферентностью к половой жизни; до того времени он был женат и имел двух детей. С ним неоднократно бывали припадки бешенства, которые длились обыкновенно 2—3 часа. Деревенский колдун видит в этом признак бешенства, в то время как европейский ученый называет это параноей, хотя при этом добавляет, что деревенское население многое могло бы рассказать об индивидуумах, подверженных этому состоянию еще с момента рождения.

Чувство полового превращения, несомненно, очень часто проявляется у параноиков. Умопомешательство ставит физическому развитию человека те же преграды, что и алкоголь. В обоих случаях женская половина человеческого существа резко прорывается из скрытого состояния, а это обстоятельство ведет ко всевозможным оккультным фактам. В книге Krafft-Ebing'a один биограф, например, говорит, что вместе с ощущением каких-то женских элементов в себе, ощущением, которое охватывало все фибры, его озаряло также и ясновидение. То же можно наблюдать и на людях, находящихся в медиумическом трансе. И здесь часто выступает

* Bastian, Deutsche Expedition I.

** De Zensinoff, Le Chamanisme et le Lamaisme des Aborigènes Sibiriens.

*** Kern, Der Buddhismus, deutsch von Jakobi, Leipzig, 1882, S. 184.

наружу индивидуальность, которая в половом отношении составляет прямую противоположность медиума; но эта индивидуальность есть не что иное, как вторая, скрытая половина того же «я». Но если у некоторых людей это состояние является чисто случайным, то рядом с этим можно указать на целую массу лиц, у которых это состояние представляет из себя нечто постоянное. Это объясняется особыми свойствами их природы. Но там, где нет этих свойств, постоянства оккультной одаренности можно достигнуть чисто искусственным путем.

Мы нередко видим, что так называемые «effeminati» (женственные) образуют отдельные секты с особым церемониалом посвящения и особыми обычаями.

Верные закону, цари Иудеи вели непрерывную борьбу с этими «кедэшим» — (термин, который раньше служил синонимом святого, а впоследствии порочного человека; этим именем назывались также священнослужители Вала и Яве). Аза, преемник Регебеама, изгнал их из страны. Но «effeminati» удалились не надолго — скоро показались верхушки их храмов*, в которых приносилось в жертву «даяние развратника».

Относительно храма афаков, находящегося на Либаконе, Эвсебий говорит, что его служители «содержали школу порока. Женственные мужчины предавались гнуснейшему пороку с тем, чтобы умилостивить властвующее божество»**.

У южных славян еще в настоящее время принято считать знахарей и ворожей гермафродитами с совершенно своеобразными половыми склонностями. «Удивительно то, — говорит Краусс, — что знахари облачаются в женское платье, а ворожей — в мужское»***.

Этот обычай менять свое платье очень распространен среди всех народов; в Германии можно наблюдать его и теперь, особенно в праздники жатвы и весны. В этих случаях человек, переменявший свое платье, олицетво-

ряет собою бога плодородия. Это несоответствие между внешним видом человека и его половой организацией имеет в основе своей ту мысль, что оно наделяет человека исключительной способностью к магии. Ту же мысль выражает и поверье шведов, будто лесная фея не в силах соблазнить меланхоличного, нелюдимого человека****. Всем андрогинам свойственна известная степень меланхолии; она является результатом двойственности их психики.

Японские жрецы, служители синто, одеваются скорее в женском, чем в мужском вкусе*****. Фирмик говорит, что ассирийцы почитают воздух под именем Юноны или Венеры. Этот элемент они представляют себе в виде чего-то гермафродического. Так как воздух лежит между небом и водой, они воздают ему молитвы голосом, сильно похожим на женский. «Во время богослужения жрецы стараются по возможности быть похожими на женщин; кожу они делают совершенно гладкой, а свое тело они оскверняют всевозможными женскими украшениями. В их храмах царит самый необузданный разврат: мужчины страдают такими болезнями, которые свойственны женщине, и этот позор своего грязного, бесстыдного тела они выставляют напоказ даже с какой-то гордостью. Подобно женщинам, они украшают великолепные волосы свои; они носят пышные платья и усталые шеи едва тащат их отяжелевшие головы».

Жрецы и поклонники бородатой Афродиты появлялись на торжествах в прозрачных розовых женских рубашках; все прочие украшения их были также сделаны в женском вкусе. То же самое говорит Страбон относительно служителей лунных божеств в Каппадокии; что касается лидийского бога солнца, который жил подобно женщине, то во время мистерий, устраиваемых в честь его, мужчины надевали женские платья и пурпурные рубашки. Жрецы Аттиса и «великой матери» также носили женское платье.

Но в культе аттическом мы встречаемся еще с одним моментом: оскотлением. Оско-

* Dufour, Geschichte der Prostitution.

** Dulaure, Die Zeugung in Glaube, Sitte u. Brauch der Völker.

*** Dulaure (Краусс), Erotik im Glauben der Slaven, S. 182.

**** Mannhardt, Baumkultus der Germanen, S. 129.

***** Краусс, Die Zeugung in Sitte, Glaube und Brauch der Japaner, S. 19/20.

пляли себя не только жрецы; им подражал также простой народ. Иеродулы и жрецы, оплакивая Аттиса, носились в бешеной пляске с распущенными волосами, били себя в грудь, бряцали оружием и наносили себе жестокие раны. Люди, участвовавшие в этих торжествах, до того возбуждались сладострастной музыкой и ужасными картинами страданий Аттиса, что без всяких колебаний шли на оскпление. Они горели желанием страдать вместе с Аттисом, они жаждали преобразования*.

Фригийская богиня Амма также принимала в ряды своих служителей исключительно скопцов; богослужения они должны были совершать в пестрых платьях. Подобно ей «Астарта—эта строгая владычица—требовала от своих жрецов и прислужников самооскопления и некоторой женственности... В позднейшие времена можно было встретить в храмах Астарты целые тысячи кастрированных прислужников; некоторые бродили по всей стране, с намалеванными лицами, одетые в женские платья. При страшном свисте и барабанном бое они извивались в дикой пляске... Наиболее буйный среди них начинал тогда *пророчествовать***.

Индийские жрецы изувечивали себя в своем служении богу Шива. Жрецы Вишну, правда, не кастрировались, но должны были всячески стремиться подавить в себе половую страсть. Дело в том, что они обязаны явиться перед молящимися с обнаженными гениталиями, которые, согласно культу Линга, являются символическим изображением божества. Но ни этот символ, ни различные другие связанные с ним моменты не должны были производить на них полового действия. Если же оно когда-нибудь замечалось, то это влекло за собою страшную кару; даже простой народ, подметив это, мог объявить жреца бесчестным и забросать его камнями***.

Подобно жрецу Вишны поступает и современный индийский факир. Правда, за все те лишения, которые он перетерпевает по сию сторону, он ждет самого приятного знакомства

с прекрасными женщинами по ту сторону. Буддийский монах должен обуздать свой половой инстинкт, хотя он лишен всякой надежды на свободу и любовь в небесах. Но если буддист подвергал себя всевозможным мщениям из-за грядущей Нирваны, то иудейская секта ессеев (как говорит Матфей, который называет их кастратами), делали это из-за царства Божия. Но не только они придерживаются таких страшных обрядов в своем служении божеству. На этой же ужасной, но вместе с тем удобной точке зрения стоят еще в настоящее время русские скопцы. Ибо процедура, совершенная один раз в жизни, предохраняет на будущие времена от всевозможных последствий несвоевременной страсти, от которой не гарантирован даже наиболее религиозный среди всех кастратов. Поэтому гораздо похвальнее представляется тот обряд, который практиковался орденом ахиэтов, имевшим в XIV веке своих представителей почти во всех городах и селениях турецкой Малой Азии. В эти союзы соединялись молодые люди, которые налагали на себя обет безбрачной жизни. Днем каждый занимался своим делом, а вечером они все сходились для религиозных упражнений в своем храме, где они обыкновенно жили. Упражнения эти открывались чтением Корана и заканчивались танцами и пением, как это можно еще теперь видеть среди дервишей. Араб Ибн-Батута говорит относительно ахиэтов следующее: «Во всем мире нельзя найти молодых людей, которые были бы так гостеприимны, так внимательны к чужой беде, как они. Ахиэты готовы обуздать любого тирана и умертвить всех его низких и подлых приверженцев и союзников».

Ясно—половое воздержание оказывает колоссальное действие на человеческий организм: оно сохраняет в нем огромные силы, которые рано или поздно должны прорваться наружу, правда, в совершенно ином направлении. «Те дни и часы,—говорит Шопенгауэр по личному опыту,—когда глубокая несокрушимая страсть проникает в нашу душу, когда не тихая безотчетная грусть, а пламенное желание охватывает все наше существо.—эти дни и часы отмечены высшим напряжением нашего

* Svoboda. Gestalten des Glaubens. I. 267.

** Movers, Religion der Phönizier.

*** Dulaure, a. a. O. S. 47.

духовного «я»: наше сознание, высшие силы нашего духа рвутся к деятельности, жаждут творческого полета. Правда, этот духовный порыв остается скрытым, пока наше сознание сосредоточено в области плотского вожделения; но достаточно одного только решительного напряжения воли с тем, чтобы толкнуть эту отчаянную всепоглощающую страсть по иному направлению и оживить сознание интенсивнейшей деятельностью наших духовных сил». Ньютон, невежество которого по части женского пола сделалось «притчей во языцех» всей Англии, объясняет свое воздержание следующим образом: «Весьма важно знать, что изначальная творческая сила человека может найти гораздо лучшее применение, чем создание физического потомства, что эту силу можно потратить на кое-что более полезное, чем одни только минутные наслаждения. Сохраненный в нашем организме, этот элемент может превратиться в новые мысли, новые идеи, в величественные концепции добра, истины и красоты, он может явиться источником жизнерадостности и бодрости, к которым влечет человека присущий ему инстинкт добра и благодеяния». Это положение, выдвинутое гениальным человеком и возведенное им на высоту личной нормы и непреложного закона для себя, нашло себе подтверждение в исследованиях биолога Reibmaug'a. В своих работах «Das Aussterben der talentierten und genialen Familien im Mannesstamme» и «Die biologischen Gefahren der heutigen Frauenemanzipation» он приходит к тому выводу, что «сила, заложенная в половых железах, резко падает благодаря чрезмерной эксплуатации человеческого мозга». Говоря об эксплуатации, Reibmaug, конечно, делает крупную ошибку; дело в том, что гениальный человек не может иначе пользоваться своим мозгом. В этом случае мозг пожирает те жизненные силы, которые обыкновенно затрачиваются в процессе полового наслаждения, и тут-то мы наблюдаем все эти редкие, изумительные факты, которые предшествуют жреческому или даже художественному откровению и которые играют главную роль в магии. Поэтому всякое иное применение жизненных сил может несколько задержать развитие

способностей человека к магии; подчас оно ведет их к полнейшему уничтожению.

Тем не менее мы нередко видим, что строгое воздержание сменяется половыми излишествами. Правда, прислужницам солнечного храма в Куско предписывалась безупречная девственность, а римским весталкам вменялось в обязанность блюсти обет воздержания всю жизнь, более того — жрицы Афродиты Сикийской должны были бежать далеко от мужского общества и избегать всяких соприкосновений с ним. Однако мы, с другой стороны, видим любовные торжества, устраиваемые в честь Афродиты Урании, и необходимо заметить, что таким именно образом чествовали Афродиту во всей остальной Греции*. Аскетизм и излишества тесно сплетаются и в культе Милитты у ассирийцев. Очень многие сторонницы ее приносили в качестве «исключительной жертвы» свое тело, поступая таким образом сообразно требованиям культа; но одновременно с этим «владычица над жизнью и смертью», «претенциозная богиня» требовала от своих прислужниц клятву в том, что они останутся девственными всю жизнь**. Точно также иранцы чествовали богиню вод и покровительницу полового акта Анаиту жертвами упомянутых обоих родов. Жрицы ее должны были сохранить полнейшую девственность, в то время как обязанность иеродулок заключалась в том, чтобы отдаваться мужчинам, посещавшим их храм***. То же самое происходило и в тех культах, где действующими лицами выступали жрецы. И здесь в пестрой смене мелькают перед нами строгое воздержание и самооскопление рядом с самыми дикими половыми оргиями.

В пестрой смене? Нет. Мы видим нечто ритмически правильное в этом приливе и отливе настроений, в смене самобичевания и половых излишеств. Сама жизнь отбивает такт этой музыке, звучащей то горьким плачем, то радостным ликованием. Боги, которым поклонялись, были богами жизни, ослепительной, радостной жизни, т. е. пола. Как разнообразны

* Svoboda, a. a. O. II, 131.

** Lajard, Recherches sur le culte de Venus, Paris 1837, S. 54.

*** Svoboda, a. a. O. II, 126.

их имена, как различен их культ и как несходны между собою жертвы, приносимые им! И все же они в основе своей одно и то же — Фаллус и Ктеис. В культе этих богов были воспроизведены все те стадии, которые проходит половой инстинкт в своем последовательном развитии — от пробуждения сексуальности до полнейшего упадка ее. Можно было бы, по-видимому, с полным основанием предположить, что в подобном культе совершенно немыслим такой идеал, как например идеал асексуальности. На самом же деле это не так. Этот идеал явился результатом желания обрести что-нибудь устойчивое среди этого бесконечно-го хаоса разнообразных смен. Человек, гонимый и затравленный сексуальностью, мучимый страшными картинами, которые являлись отражением и прообразом божеской судьбы, — этот человек стоял перед глазами жрецов и глубоким трагизмом своего положения побуждал их возможно скорее найти средство вырваться из когтей этого буйного вихря. Но каково могло быть это средство, как не полнейшее отречение. В этом заключался известный отказ как от будущего, так и от прошедшего. Жрец и служитель идее вечного возвысился над потоком времени. Правда, год бесконечных лишений и отказов прерывался отдельными днями, исполненными самой разнузданной страсти, но вот эти-то дни и являлись жертвой, приносимой жрецом, и притом жертвой весьма значительной. Она означала полнейшее отпадение в сферу повседневности, в горнило адских страстей. Человек, возвышающийся над чувственным миром, погружался в поток времени. Понятно, что подобное отпадение было очень приятно для некоторых жрецов и эротика отдельных личностей, несомненно, играла здесь очень значительную роль; тем не менее этим нисколько не нарушалась цельность общего мирозерцания. Следует тут же заметить, что глубокая мудрость заключалась в этом требовании порвать цепь замкнутости и выступить за пределы жреческого аскетизма; дело в том, что этим предотвращалась излишняя отчужденность жрецов от условий народной жизни.

Половое своеобразие, конечно, в известных границах, является, как мы видели, необходи-

мую принадлежностью жреческого служения, как в прошлом, так даже и в настоящем; аналогичное явление мы встречаем в чародействе и колдовстве, которые стоят за пределами государственного культа.

Как средние века, так и античный мир представляли себе ведьм и сивилл в образе женщин, наделенных чисто мужскими чертами; этим, конечно, указывали на тот факт, что они во всех отношениях отличаются от обыкновенных женщин. Но это зачем? Естественно, для того, чтобы можно было объяснить добровольное выступление этих женщин из всего прочего гражданского общества особой своеобразностью, глубоко заложенной в физической природе их. Люди смутно предугадывали, что обращение к оккультной области и связанное с этим обременение мозговой сферы обуславливают собою полнейший упадок и разрушение физических черт, свойственных природе женщины; от них не ускользнула и та мысль, что известный недостаток в половой организации усиливает склонность человека к магии. В обоих случаях мы наблюдаем два процесса, которые идут рука об руку, совершенно параллельно: отречение от половой жизни и усвоение чисто мужских особенностей. То же самое явление мы наблюдаем у мужчин, потерявших способность к половому общению; здесь заметно выступает наружу усвоение женских черт рядом с повышенной склонностью к медиумизму.

Так, Кардан и Парацельс, люди с ярко выраженными медиумическими особенностями, были совершенно импотентны, каковое обстоятельство сильно содействует развитию медиумических склонностей*. Глубокими аномалиями в половом отношении отличался и Slade, известный медиум Zöllner'a. Elcho в одной статье, написанной им по поводу пребывания Slade в Берлине, говорит следующее: «Полиция положила конец медиумизму этой пробы; о нем как-то неудобно здесь упоминать». Подобно Slade, гомосексуальны были также Bastian, над которым производил свои опыты Hellenbach, и Eglinton, известный английский

* Kisewetter, Geschichte des Okkultismus, I. S. 47. Anm.

медиум. К этой же категории относится и развенчанный будто бы издателями журнала «Zeitschrift für Spiritismus» медиум Bernhard, который вызвал большой интерес к себе в Берлине, где он пользовался покровительством Egbert'a Müller'a. Подобные же слухи носят и относительно Ном'a, который показывал свои магические фокусы в доме Crookes'a в присутствии Наполеона III и других высокопоставленных лиц. Эти слухи не лишены некоторого основания; дело в том, что Номе отличался редкой, весьма утонченной чувствительностью. Всякий же мужчина, который обладает чувствительностью в более или менее значительной степени, носит на себе ярко выраженный отпечаток женственности. Это особенно ясно станет, если сравнить те свойства и отличительные черты, которые Reichenbach* приписывает людям чувствительным, а Hirschfeld** — гомосексуалистам. Оба исследователя располагают богатейшими знаниями и колоссальным фактическим материалом, относящимся к их специальности. Чувствительность же, в свою очередь, указывает на необычное тяготение к сфере оккультных явлений.

Половые аномалии свойственны не одним только мужчинам. Женские медиумы, которых вообще большинство, составляют самые разнообразные отклонения от типа средней женщины. Сюда присоединяется еще тот факт, что различные процессы, протекающие в половой организации женщины, оказывают самое сильное влияние на ее медиальность. Так, например, Reichenbach утверждает, что беременность и кормление сильно повышают восприимчивость женщины; с другой стороны, склонность и податливость всяким оккультным влияниям сильно понижается, когда ребенка отлучают от груди; более того — наличная медиальность совершенно исчезает вместе со вступлением в брак. Полный расцвет медиальности, как и магической одаренности, наступает у людей, одержимых бешенством или сомнамбулизмом; она проявляется также в период половой зрелости или после климактери-

ума; во всяком случае, эта медиальность вполне отчетливо выступает при всевозможных половых аномалиях***. На примере Florence Cook, этого знаменитого в свое время медиума, можно вполне ясно проследить тесную связь в развитии половой организации и медиумических задатков. Кизеветтер по этому поводу замечает следующее: «Первая ступень действительной материализации знаменуется выделением особого астрального тела; это явление имеет место как в период половой зрелости, так и в моменты повышенной половой возбудимости. Его можно было наблюдать у пятнадцатилетней девушки Florence Cook — с этим совершенно согласны все наиболее выдающиеся английские спиритуалисты; напротив, замужняя г-жа Corner, которой было 21 год, сохранила лишь способность сомнамбулического блуждания****. По сведениям, приводимым д-ром Jacchini Luraghi, и Eusapia Palladino отличалась ненормальной половой организацией; сюда он относит и большинство итальянских медиумов. В особую категорию следует отнести Politi и u Tommasi. Здесь необходимо упомянуть Anna Rothe и Н. Р. Blavatzky, основательницу теософического общества. Последняя, в силу antiflexio uteri, свойственной ей от рождения, была совершенно бесплодна; кроме того, она обладала ярко выраженными гермафродическими чертами. Другое дело Anna Rothe; она отличалась строгой внешностью, так что из этого уже можно заключить, что и тут медиальность является результатом резких аномалий в половой сфере. То же самое можно сказать и о Frederike Hauffe, ясновидице Prevorst, а также о г-же d'Esperance.

Исследование медиумизма сильно осложняется преобладанием в половой организации медиума всевозможных аномалий, сопровождаемых к тому же различными истерическими явлениями. Надо полагать, что с этим согласен и du Prel, приобретший богатый опыт благодаря результатам «Психологического общества». По крайней мере, это можно заключить из слов Кизеветтера, который говорит, что Общество постепенно устранялось от исследования

* Reichenbach, Der sensitive Mensch.

** Hirschfeld. Der urnische Mensch.

*** Kisewetter, a. a. O. I. S. 620.

**** Kisewetter, a. a. O. I. s. 607.

медиумических явлений «...отчасти по мотивам совершенно непонятной скромности». Основанное затем du Prel'ем «Общество экспериментальной психологии» страдало от всевозможных мелочных придирок полиции*. Причиной этого послужили, очевидно, факты, опубликованные Sebaldt'ом как под своим собственным именем, так и под различными псевдонимами. И в этом случае самым крупным препятствием в работах являлась ненормальная сексуальность, которую полиция приписывала самому экспериментатору, а экспериментатор склонен был отнести ее на счет медиумов; о последнем факте нельзя ничего определенного сказать. Однако следует заметить, что в данном случае прав, по-видимому, экспериментатор, так как мнение полицейских властей относительно медиумизма не особенно веско и убедительно.

Установленная нами тесная связь между явлениями медиальности и сексуальности находит себе подтверждение и в психической организации человека в виде параллельных явлений медиумизма и сомнамбулизма. Блестящее красноречие, которое мы наблюдаем обыкновенно у сомнамбулистов, медиумов и родственников им индивидуумов, их умение изящно, отчасти даже поэтически излагать тончайшие особенности своей психической организации — все это в сильной степени напоминает нам аналогичные факты из периода половой зрелости и влюбленности. Всякий человек, даже наиболее бездарный, ощущает в чаду любви некоторый подъем своих духовных сил. В погоне за своей возлюбленной он становится вдохновенным оратором, даже поэтом, хотя стихи его весьма далеки от совершенства. Достаточно известно, что художники только тогда окрыляются творческой фантазией, когда они влюблены, и нет для них большего несчастья, как достигнуть обладания своей возлюбленной. В браке «муза» застывает, опьянение проходит и творчество художника приходит в упадок. Возбужденное состояние, в котором находится влюбленный человек, не может удовлетвориться обыкновенным человечески языком. Только

ритм поэзии, как и ритм танцев, может доставить ему успокоение среди бурного потока чувств, внезапно нахлынувших на его душу. Точно так же и человек экстатичный обретает покой в ритмических движениях. Ритм же представляет из себя эротический элемент**. Есть нечто общее между человеком влюбленным и сомнамбулистом, — это односторонность мышления. Все они схожи с безумцем и художником, т. е. с людьми, которых неотвязно преследует одна и та же мысль. Fischer говорит: «Тот факт, что внимание сомнамбулы сосредоточено в ограниченной сфере определенных предметов, объясняется отчасти чрезмерным углублением его в свои бредовые идеи»***.

В сфере этих идей сомнамбулист достигает изумительной прозорливости. Он подчиняет им все решительно явления, с которыми приходится сталкиваться ему в жизни; он старается все использовать в интересах углубления и осуществления своих идей. Медиум находится под непосредственной властью образов, возникших в процессе бессознательного творчества его, подобно мечтателю, который всецело отдает себя в руки людей, измышленных его фантазией. То же мы видим и у сомнамбулиста; разница заключается лишь в том, что здесь играет очень значительную роль магнетизер. Отношения между сомнамбулистом и магнетизером совершенно такое же, в каком находятся два влюбленных друг в друга человека.

«Сомнамбулист проникается глубоким безысходным страданием при одной мысли, что магнетизер находится вдали от него; он льнет к нему, погружается в мрачную тоску, когда магнетизер отказывает ему в ласке и доверии; но какая неподдельная радость охватывает его, когда магнетизер подходит к нему со своим трогательным вниманием и заботливой мыслью. Шаг за шагом отношение между ними принимает более интенсивный, интимный характер, пока оно не завершается полным душевным слиянием. Чувство любви — вот что влечет сомнамбулиста к своему магнетизеру...

** См. Kornfeld, Das Divergenzprinzip und die sexuelle Kontrektation (Zeitschrift für Sexualwissenschaft, 1909. I Jahrg. Heft 5).

*** Fischer, Geschichte des Somnambulismus, I, 133, Basel 1839.

* Kisewetter, a. a. O. I, 504/5.

Он делит все чувства и взгляды своего магнетизера, читает в его мыслях... и не только в тех мыслях, которые занимают его в исключительный момент духовного взаимодействия между ними, но и в тех помыслах, которые витают в душе магнетизера в любой момент времени. Духовная одаренность, специальные знания, даже научная система, которую исповедует магнетизер,— все каким-то загадочным образом переходит на сомнамбулиста. Он превращается таким образом в орган магнетизера»*.

Gmelin делал себе незначительные уколы булавкой, а его сомнамбулистка ощущала в соответствующих частях тела острую боль; ей даже казалось, что Gmelin наносит эти уколы непосредственно ей. Сомнабулистка явственно слышала бой часов, которые магнетизер держал у своего уха, стоя в отдаленном углу комнаты; она была уверена, что эти часы находятся перед ее собственным ухом. Она бросилась вперед, желая схватить их своими руками. Fischer причинял своему сомнамбулисту боль в течение нескольких дней при помощи уколов, которые он наносил самому себе, так что вызвал даже у нее в этом месте легкую опухоль**.

То спокойствие, в которое погружается влюбленный человек, когда перед его глазами находится или объект его любви, или что-нибудь принадлежащее ему, вроде писем, волос, лент и т. д., мы наблюдаем также у сомнамбулистки при виде таких предметов, к которым прикасается магнетизер.

Если пучок волос, принадлежащих магнетизеру, положить сомнамбулистке под чепчик, то она непременно заснет. Одна из сомнамбулисток Kerner'a прогоняла у себя всякую боль при помощи лоскутка материи, которую тот всегда носил на правой руке. Сомнабулистка Nick'a засыпала при помощи его шляпы, которую она прижимала к своей груди, как средство, благотворно действующее при всевозможных страданиях. Для объяснения всех этих фактов достаточно будет принять особую силу воображения, свойст-

венного сомнамбулисткам, иными словами, ограничиться одним только действием внушения. Но, с другой стороны, те же факты указывают на наличие какого-то исключительного элемента во всех тех предметах, с которыми магнетизер пришел в непосредственное соприкосновение. Сюда прежде всего следует отнести те случаи, когда названные предметы сохраняли свое действие на сомнамбулистов, несмотря на то, что их неоднократно промывали, даже превращали в пепел, сжигая их. Остается невыясненным лишь вопрос о том, насколько здесь совершенно исключается действие внушения***.

Опыты д-ра Tritschler'a над мальчиком-сомнамбулистом Mattheus Schurr'ом самым решительным образом доказывают, насколько тесна и неразрывна связь между сомнамбулистом и магнетизером. Взаимодействие между мальчиком и врачом дошло до таких пределов, что врач в глазах мальчика перестал существовать как отдельное, самостоятельное лицо. Как-то раз Tritschler лежал в ногах этого мальчика, который спал глубоким сомнамбулистическим сном; но вот Tritschler'a позвали к другому пациенту, он поднялся, ступил несколько шагов, как вдруг раздается крик мальчика: «Что это тянет у меня в ногах, что это отрывается от меня?» При этом он обратил истрадавшееся лицо к уходящему врачу, и, следует заметить, что глаза его в этот момент были совершенно закрыты. Tritschler из сострадания к нему снова вернулся на свое прежнее место и в один миг мальчик опять спокойно улегся, сказав: «Теперь мне опять хорошо, теперь все снова на месте». На вопрос «что на месте?» он ответил: «Ах! теперь мне опять хорошо, теперь все снова на месте». Но объяснить свои слова он не был в состоянии****. Du Prel в своем труде «Die odische Individualität des Menschen*****» приводит одну сомнамбулистку Kerner'a; мягкие и тонкие волосы ее приобрели ту же жесткость и густоту, которой отличались волосы Kerner'a, благодаря тому, что она мыла голову в той

*** Fischer, a. a. O. II, 223/4.

**** Kiesers Archiv für den thierischen Magnetismus.

***** Übersinnliche Welt, 1899, III Jahrg. Heft 3, I, 168.

* Wirth, Theorie des Somnambulismus S. 185.

** Fischer, a. a. O. II. 171/2.

же воде, в которой до нее мылся Kerner. Lulile, сомнамбулистка Donat'a приобрела черты такого близкого сходства с Donat'ом что их всюду принимали за брата и сестру. Подобное явление можно наблюдать и у супругов, которые в совместной жизни постепенно приобретают черты поразительного сходства между собою. В пояснение du Prel говорит: «При всяком лечении с помощью магнетизма магнетизер переносит свою жизненную силу, свою истинную эссенцию на магнетизируемое лицо». Действительно, под влиянием всех этих случаев, которые далеко не единичны, приходится согласиться с мнением тех людей, которые говорят об оккультном перенесении силы с одного лица на другое.

Отношение сомнамбулистов между собою также покоится на эротической почве. Dr Descottess производил опыты над двумя молодыми женщинами, причем он ясно подчеркивает, что они «влюблены друг в друга». Находясь на далеком расстоянии друг от друга, каждая знала, что происходит с другой; каждая из них за три или четыре дня предсказывала те болезненные явления, которые постигнут как ее самое, так и ее подругу*.

Сравните с этим то, что Hirschfeld говорит в своей брошюре «Berlins drittes Geschlecht»: «Я лечил от серьезной нервной болезни одну даму из дворянского круга, гомосексуалистку, которая в течение многих лет жила со своей подругой. Ни разу в своей практике я не видел еще такого полного перехода здорового организма в больной... Женщина, отличавшаяся редким здоровьем, была фактически как бы спаяна с больной подругой. Стоило прикоснуться к какому-нибудь болезненному органу больной подруги, вторая рефлекторно вся съживалась; чувство неудовлетворенности, постигшее больную, немедленно отражалось на лице здоровой; плохой сон или скверный аппетит моментально сообщается здоровой».

Первый случай представляет из себя повышенную степень второго. В последнем случае мы имеем полнейшее соответствие, выраженное, правда, в очень резкой и яркой форме.

* Kluge. Versuch einer Darstellung des animalischen Magnetismus, S. 358.

В первом же речь идет об ощущении, которое обостряется под влиянием и повышенной чувствительности, свойственной сомнамбулизму, и страстной влюбленности. Сомнамбулисты поразительно точно определяют момент, когда их магнетизер совершает то или иное действие. В этом случае они опять-таки сильно напоминают нам отношения, существующие между влюбленными. Один молодой человек сообщил мне очень интересное наблюдение, которое он произвел над самим собою. Стоило его другу быть неаккуратным при каком-нибудь заранее условленном свидании, как он, отделившись от первого разочарования, с точностью определял тот момент, когда его друг придет. Он определял момент, хотя для этого никаких данных не было. Это явление обыкновенно сопровождалось своеобразным физическим и духовным беспокойством, которое, правда, моментально исчезало.

До сих пор мы говорили о влиянии эротики на медлительность, сомнамбулизм, на деятельность жреца в области магии и в сфере посредничества между богами и людьми; далее мы подробно разберем роль эротики в явлениях бешенства. Теперь мы обратимся к вопросу о причинах подобных состояний и действий. Мы очень далеки от мысли совершенно исключить оккультный момент или свести его исключительно к эротическому элементу. Правда, в большинстве случаев он таков, но эротический характер его несколько не исключает оккультного. Чтобы не ходить далеко за примерами, возьмем приведенный только что нами случай определения времени. Правда, повод и в данном случае чисто эротический, но вопрос о том, каким образом человек приобретает в таких случаях способность определять время, лежит всецело в сфере оккультизма. Одно несомненно: он находится в самой тесной связи с эротикой. Но если сомнамбулизм и медиумизм соприкасаются с половой сферой только в момент своего возникновения, то явления бешенства насквозь проникнуты сексуальностью. Трудно провести резкие границы между отдельными областями; в медиумизме, который носит легкий оттенок бешенства, как и в сомнамбулизме, мы нередко встречаемся

с такими явлениями, которые следовало бы занести под рубрику: бешенство. С другой стороны, совершенно невозможно разграничивать бешенство инкубов и суккубов; все это беспорядочным образом сплетается в один клубок самой дикой эротики. Создавая прекрасные и вместе с тем страшные картины, уходя всецело в свое магическое действо, душа человека освобождается от неотвязных привидений, созданных чрезвычайно возбужденной и роскошной фантазией. Очень часто оккультный элемент, проявляющийся в бешенстве, ограничивается созданием демона, безраздельно господствующего над всем. Это и должно было являться кульминационным пунктом оккультного воздействия в такое время, которое, подобно средневековью, всецело прониклось верою в бесов; то же самое можно видеть еще в настоящее время у нецивилизованных народов, охваченных верою в духов. «Властвующий демон» потерял всякий оккультный смысл для нас, за исключением, конечно, отдельных спиритов, которые относятся к явлениям жизни с какой-то детской доверчивостью. Для нас этот демон, а, пожалуй, и целые толпы демонов, представляют из себя не что иное, как продукт духовного «я», пораженного бешенством; в подобных случаях мы говорим, что сознание этого человека претерпело «драматическое раздвоение», вызванное чрезвычайным раздражением преимущественно полового характера. *и не только*

Благодаря этому разладу между первичным и вторичным «я», как говорит Meinert, т. е. между страстью и рассудком, «целые группы субъективных представлений достигают чувственной осязаемости и силы непосредственных внешних впечатлений; известная часть психической жизни объективируется, исторгается из души и противопоставляется ей, так что наступает раздвоение личности, раздвоение «я». Аналогичное явление мы наблюдаем при меланхолии, delirium'e и умопомешательстве. Меланхолик или сумасшедший разговаривает или спорит с воображаемыми людьми; они — плоть от его плоти, кость от его кости. В споре они проявляют больше находчивости и остроумия, чем он, побеждают его и ему

нередко приходится выслушивать от них различные наставления*.

Wigan** приводит биографию одного интеллигентного человека, который отличался способностью видеть перед собою свой собственный образ. Сначала это вызвало в нем один только смех, причем казалось, что воображаемая фигура, его двойник, также смеялась. Но впоследствии его охватило такое раздражение, что он застрелился. Образ собственного «я» — это самое тривиальное измышление человеческой фантазии, которая ничего иного не в состоянии придумать. Это самое обыкновенное, самое избитое из всех привидений. Народная традиция сохранила очень простое средство вызвать к жизни свой образ: произносить ночью, находясь в темной комнате, свое имя и фамилию. Особенно удается это людям нервным, расположенным к грустной меланхолии.

Но как возникает раздвоение сознания? В нормальном состоянии мы отличаем субъект от объекта, субъективное представление от объективного, смотря по тому, есть ли налицо чувственное восприятие или нет. Совершенно обратное явление мы видим, когда начинает развиваться свою деятельность магический полюс души. Здесь раздражение исходит изнутри; но так как оно в своем следовании по нервам, в направлении изнутри наружу, может достигнуть нашего сознания лишь в форме чувственного впечатления, то мы в глубоком заблуждении готовы приписать ему вполне объективную реальность. Случаи смещения субъективных и объективных представлений являются исключениями при сумасшествии, delirium tremens, страстной экзальтации; напротив, при магической жизни духа это именно является наиболее характерным. Развивая свою деятельность в сфере обоих противоположных полюсов, дух выражает собою гармонию, единство человеческого «я»; там же, где элемент бессознательности получает перевес, возникает раздвоение, двойственность, и коль скоро чувство, пробившееся из сферы бессознательного, проникает в область сознательной

* Radestock, Genie und Wahnsinn.

** New view of insanity, London 1893.

жизни, появляется нечто чуждое, постороннее, внешнее. На всех ступенях научного и нравственного развития человечества мы наблюдаем черты поразительного сходства у народов, которые уделили господствующее положение бессознательному полюсу духа. Тогда впервые возникает ощущение двойственной личности*.

Предположим, что мыслящее «я» подавило в себе все те чувства и представления, которые не мирятся с религиозными и нравственными воззрениями его среды, и отодвинуло их далеко за пределы сознательной жизни своей. Но весь этот материал ведет там, так сказать, свою особую уединенную жизнь и — вдруг это мыслящее «я» испытывает могучий напор целого комплекса чувств и представлений, которые с течением времени развились из всего этого материала, забытого и подавленного в себе. Здесь мы имеем налицо раздвоение сознания. Этот процесс, естественно, может получить широкое развитие лишь при том условии, если мыслящее «я» ослаблено какими-нибудь внешними влияниями. В бреде мы наблюдаем совершенно аналогичный факт; но в более сильной степени это проявляется в феноменах сомнамбулизма и медиумизма.

Удивительнейшее явление сомнамбулизма есть не что иное, как пластическое завершение образов, являющихся в бреде... Перед болезненным сознанием сомнамбулиста проносятся яркие, прекрасные картины, исполненные живейшими красками; они появляются на поверхность, вызванные тем могучим инстинктом, который властно влечет сомнамбулиста к созданию все новых и новых образов; рождаясь, они совершают свой обычный путь и, когда наступает конец всей этой беспорядочной, хаотической игре, они исчезают. Нет ничего удивительного в том, что сомнамбулист принимает их за явления непосредственной действительности; в этом отношении он ничуть не отличается от маниака, который свою *idée fixe* принимает за реальность. Оба они являются безвольной игрушкой в руках житейской действительности. Ведь и нам, людям нормальным, часто кажутся вполне реальны-

ми те мимолетные образы, которые проносятся в нашей голове и бредовом состоянии... Поразительным кажется это прозорливое, непосредственное понимание, этот искрящийся юмор, проникновенный разум, которые впе-таются самым причудливым образом в эту фантастическую игру. Особенно значителен заключительный момент, которым завершается процесс объективации этих фантастических образов: в этот момент воображаемый нами образ, сделавшись до известной степени властным и постоянным, проникается этим инстинктивным, светлым разумом, возвещает своими устами бессознательную мудрость, так что сомнамбулист, вслушиваясь в нее, принимает ее за откровения какого-то высшего существа**.

«Роковыми являются те случаи, когда видения приобретают неограниченную власть над сомнамбулистом; тогда сознание его совершенно поглощается, подавляется и рядом с ним является постороннее «я», приводящее его в бешенство. С наступлением бешенства видения обыкновенно прекращаются или, в крайнем случае, они лишаются в этом чуждом, новом «я», которое приобретает все привычки, манеры, мысли сомнамбулиста***.

О психофизическом процессе, протекающем при явлениях бешенства, повествует Baelz; он наблюдал несколько подобных случаев в Японии. «Известно, что нормальный человек, у которого правая рука сильнее развита, чем левая, пользуется в своей духовной деятельности, особенно в области речи, левой половиной мозга; левша же — правой половиной. Отсюда легко заключить, что при явлениях бешенства другая половина мозга, находящаяся обыкновенно в состоянии покоя, начинает развивать усиленную деятельность. Обыкновенно это сопровождается болезненным ощущением в левой части груди, сильными подергиваниями левой части рта и левой руки и — тогда демон начинает возвещать свои истины. В то же время правая часть тела загорается протестом, правая рука производит всевозможные жестикуляции, словом, начинается работа в левой

* Schindler, Magisches Geistesleben, Breslau 1857, S. 155.

** Fischer, a. a. O. I, 11/12.

*** Fischer, a. a. O. III, 50.

части мозга. Она, в буквальном смысле слова, вступает в борьбу с левой половиной тела, т. е. с правой частью мозга. Но так как двигательные центры лица и руки расположены в мозгу в ближайшем соседстве с двигательными центрами речи, то отсюда можно вывести следующее заключение: психическое действие самовнушения протекает в сфере покоящейся, остающейся в резерве части мозга. Скрытая работа, совершаемая ею, вызывает раздражение в ближайших мозговых частях, что проявляется в виде подергиваний и парестезий. Но вот бурный поток мыслей, приписываемых какой-то высшей силе, с бешенством врывается и наполняет все центры и органы речи. Нормальное «я», истощившись в жестокой борьбе с этим грозным напором, окончательно выбивается из сил и... буйный поток, свободно растекаясь, наполняет все поры его духовного существа. Новая автоматическая личность авторитарически господствует над всем; это продолжается до тех пор, пока не иссякнут болезненные раздражения. Ясно, что при обилии различных соединительных путей между обеими частями мозга и вторая половина его подвержена жестоким страданиям»*.

Аналогичные процессы, хотя и в более слабой степени, можно наблюдать и в явлениях медиумизма. Так, например, Seiling приводит «своеобразный случай автоматического писания»**, где медиум, приступая к письму, «ощущал какой-то холод в левой части темени, а левая рука нервно дрожала и подергивалась; он вообще испытывал отдаленное ощущение бешенства. Ударив три раза левой рукой по столу или по колену — в знак того, что можно приступить к делу, — медиум начинал выводить правой рукой какие-то штрихи и приступал к самому процессу писания лишь тогда, когда приносили все необходимые для этого принадлежности».

Kaspar Hauser, отличавшийся в первое время чрезвычайной чувствительностью и подчиняемостью оккультным влияниям, имел лицо, «левая часть которого поразительно непохожа

была на правую. Она была как-то искривлена и изуродована; по ней быстро, словно молнии, проносились резкие подергивания. В этих подергиваниях заметное участие принимала вся левая часть тела, особенно плечо и рука. Стоило вызвать чем-нибудь его любопытство, как эти подергивания учащались; кончались они обыкновенно каким-то столбняком»***. Блеск металла и т. п. предметов Hauser воспринимал левой частью лица отчетливее, чем правой.

«Долгое время Hauser относился вполне равнодушно к различным половым наслаждениям; его половой инстинкт проявлял едва заметную жизнь... К любовным историям он питал крайнюю степень отвращения»****. Он абсолютно не понимал ни любви, ни полового общения. Полового акта он никогда не переживал. — Здесь невольно вспоминается мнение Wilhelm'a Fliess'a, который утверждает, что все левши кроют в половой организации своей какую-то аномалию; он заходит еще далее, говоря, что все они гомосексуальны. Последнее мнение нельзя считать особенно правильным, все же общая ненормальность наблюдается у всех их. Итак, во всех тех случаях, когда левая сторона получает перевес над правой, мы всегда имеем дело, если и не с постоянным, то, во всяком случае, с временным осложнением в половой сфере. А это лишний раз подтверждает правильность нашего взгляда.

Бешенство очень часто имеет своим источником какую-нибудь любовную историю, как это видно на примере эпидемии, вспыхнувшей в 1550 году в Бригиттском монастыре в Ксапфе.

Весьма интересны случаи, происшедшие со священниками Gaufridi из Марселя и Grandier'ом из Людэна. Истеричные монахи неоднократно жаловались на то, что эти священники соблазнили их. Дело Grandier'a сильно осложнилось благодаря личной неприязни, которую питали к этому тщеславному и высокомерному патеру св. Петра все его коллеги. Для этого баловня и любимца всех людэнских женщин роковым оказался тот факт, что урсулилки тамошнего монастыря

* Baelz, Ueber Besessenheit und verwandte Zustände, Wien 1907 S. 32/33.

** Psychische Studien, Jahrg. XXV. S. Heft, 1898, S. 211.

*** Daumer, Mitteilungen über Kaspar Hauser, 1832, II, 46.

**** Daumer, a. a. O. II, 13.

всячески желали иметь его в качестве своего духовника и вместе с тем никак не могли добиться этого. Слух о его стойкости и непорочности проник в монастырь и все обитательницы его были охвачены сильным желанием узнать этого человека. Он безраздельно господствовал в их мыслях, несмотря на то, что они его совершенно не знали. Многочисленные монахины, сильно расположенные к истерии и нимфомании, очень скоро пришли к той мысли, что их непреодолимое влечение к Grandier'у объясняется особой чародейской силой, с помощью которой он покоряет их сердца. Но дав простор этому предположению, монахины не остановились на нем; они пережили момент обладания и совокупления с инкубом в образе Grandier'a. Противникам Grandier'a не стоило уже большого труда раздуть это уже и без того сильно разгоревшееся пламя. Они всячески старались поддерживать среди монахинь враждебное отношение к Grandier'у, пользуясь различными эксорцизмами, т. е. формулами, которые произносились с целью изгнать дьявола из человеческой души. Они шпионски выведывали у монахинь мельчайшие подробности их бешенства; материал же они получали самый богатый, благодаря пышной фантазии этих женщин. В те моменты, когда надвигались приступы бешенства, монахины произносили самые мерзкие слова, вели себя самым бесстыдным образом, несмотря, или, вернее, именно в силу этих эксорцизмов, которые страшно возбуждали их вместо того, чтобы успокаивать. Так продолжалось несколько лет. Кончилось тем, что ему вменили в вину союз с дьяволом и колдовство, и он, подобно Gaufridi, был приговорен к сожжению. С его смертью бешенство, однако, не прекратилось; по истечении нескольких лет оно начало постепенно исчезать.

Половой мотив явственно звучит и в труде Kerner'a: «Geschichten Besessener neuerer Zeit». Например, девушке из Орляха явилось раз видение: то был монах в образе ее соседа Hansel'я. Он раз явился к ней в поле и она услышала его слова: «я пришел к тебе; ведь монах не у тебя, не так ли? Ну вот я хочу тебе кое-что сказать,— не хочешь ли ты чего-ни-

будь?— Вчера, когда я был у тебя— это было вчера? а, пожалуй, и третьего дня— ты взяла на руки моего мальчика и пошла с ним в сад. Когда мы остались одни, отец твой начал тебя ужасно ругать и в заключение сказал, что он не может тебя оставить дома, что ты должна уйти куда-нибудь. По его мнению, тебе следует или пойти в монастырь— разве это не странно со стороны твоего отца*— или выйти замуж. Так сказал твой отец— и я не мог не согласиться с ним. Что ты скажешь насчет монастыря? Когда я был солдатом, я как-то посетил женский монастырь; там не так скверно, как обыкновенно думают. Я хочу лишь сказать тебе, что твоя подруга, дочь хозяина, также собирается теперь в монастырь. Разве ты предпочитаешь замужество? Скажи! Если ты хочешь замуж, то у меня есть для тебя отличный парень. Тогда ты будешь делать все, что тебе угодно»**.

Незадолго до того, как произошло, наконец, мнимое исчезновение «демона», монах сделал ей обширное признание, которое пестрело многочисленными монахинями, соблазненными и убитыми им, а также и детьми, которых он прижил с этими монахинями и которых тоже убил.— После исчезновения демона у девушки больше припадков не было. В момент последнего приступа бешенства девушка выразила настойчивое желание, чтобы родительский дом был снесен. Это было немедленно сделано и через несколько дней после ее выздоровления были найдены под сломанной стеной человеческие кости, а также кости детей***. Вполне возможно, что девушка случайно знала о том, что там находятся кости, и на этом основании ее живая фантазия нарисовала те дикие картины, которые пронеслись перед нею в момент бешенства. Но очень может быть, что причиной бешенства послужил какой-нибудь страшный, непостижимый призрак, долго скрывавшийся под сломанной стеной, и этот призрак глубоко поразил эту девушку и без того чрезвычайно чувствительную, склонную к половым фантазиям. Во всяком

* Девушка была протестантка.

** Kerner, a. a. O. S. 31.

*** Kerner, a. a. O. S. 46.

случае, мы из всей этой истории можем заключить одно: припадки бешенства возникли на почве полового влечения, правда, не вполне осознанного, но сильно обостренного каким-то посторонним влиянием.

Интересна также история бешенства, поразившего г-жу У., которая, по словам Kerner'a, была вполне счастлива в браке и имела трех детей. И здесь субъект, овладевший психикой больной женщины, выставлен в свете забияки и юбочника. В его «признаниях» центральное место занимают различные похождения его с женщинами. Точно так же и второй «дух», овладевший этой женщиной после того, как ее покинул первый, хвастался всевозможными половыми мерзостями*.

Половой мотив звучит и в рассказе Werneke** об одном случае бешенства, имевшем место в передней Индии.

Один чиновник, туземный житель деревни Малабар, приверженец касты тизров, рассказал корреспонденту Simla News об удивительной болезни, поразившей его сестру. Спокойная и смиренная до того девочка, которой тогда было не больше *одинадцати* лет, вдруг начала проявлять какое-то беспокойство при всяком приближении к ней какого-нибудь члена их семьи. Она серьезно и строго заявила, что принадлежит к высшей касте наиров, и что всякое соприкосновение с тизром оскверняет ее. Когда к ней подошел ее брат, чиновник, она вдруг набросилась на него с упреками, обвиняя его в том, что он сломал и совершенно испортил зонтик, который она ему одолжила. При этих словах он вспомнил своего друга-наира, который застрелился, вследствие несчастной любовной связи с замужней женщиной своей же касты. С тех пор прошло почти девять лет; случай с зонтиком произошел, таким образом, в то далекое время, когда девочка еще не умела говорить. И несмотря на то, что эта история ей ни в коем случае не могла быть известна, она рассказывала чиновнику такие вещи, о которых знали лишь он да его покойный друг. Приглашенный заклинатель духов в несколько

дней вылечил ее от бешенства. Оправившись от пережитой болезни, она рассказала следующее: накануне того дня, когда с ней случился припадок, она рвала цветы на могиле, расположенной на земле покойника. Вдруг на мосту, около которого она находилась, послышался шум, похожий на стук палки. Стук повторился несколько раз, но она никак не могла узнать, откуда он исходит; тогда она, страшно испугавшись, побежала домой. Ничего не подозревая, она случайно очутилась на том месте, где закончил с собою наир. На следующий день ею овладело бешенство, которое затем сообщилось ее младшей сестре; но и последнюю вылечили с помощью всевозможных заклинаний.

Описанный нами случай приключился с одиннадцатилетней сестрой индийского чиновника, т. е. с девочкой, которая, по условиям индийской жизни, считается вполне зрелой. Любовная связь, о которой девушка несомненно слышала, отложила где-то глубоко в ее сознании и, когда наступил подходящий момент, она с силою прорвалась наружу. Поводом к этому послужил тот факт, что она находилась на месте самоубийства; этого не могла не почувствовать ее возбужденная психика. Далее, что касается ее осведомленности относительно всевозможных фактов, сопровождавших это самоубийство, то это не что иное, как ясновидящее проникновение в воспоминательный материал, сохраненный в мозгу ее брата; ведь кроме того, что знал ее брат, она ничего нового сообщить не могла. Что касается стука, который раздавался с моста и который, вероятно, похож был на выстрел, лишивший покойника жизни, то он является результатом того, что девушку преследовали какие-то привидения; последнее и неудивительно, так как она находилась не только в сексуальном, но и в магическом возбуждении. Вообще, бешенство очень часто сопровождается появлением всевозможных призраков.

«Мы имеем дело с раздвоением личности, как при бешенстве, так и во всех тех случаях, когда человека преследуют привидения. Но в то время, как при бешенстве раздвоенное «я» выходит из недр самой личности, магически и болезненно настроенной, оно при привидении»

* Kerner, a. a. O. S. 90 и 96.

** Rätselhaftes, Psychische Studien 1899, XXVI. Jahrg. Heft. S. 411 (Nach den Simla News).

ях совершенно теряет характер определенной личности и действует, как некая бессознательная безличная сила. Получается, словно магическое болезненное «я» отрывается и совершает свои действия где-то вдали, на стороне, в то время как нормальный, здоровый человек спит или, в лучшем случае, занят делами обычной жизни. В глубочайшей же основе человеческого существа эта извращенная, злая, мстительная воля, терзающая человека, является единственным корнем этого болезненного состояния. Привидения действуют сильнее всего образом на людей; последние могут противопоставить им лишь силу своего трезвого, здорового разума*.

Лейтмотив, который господствует в труде Kerner'a «Die Besessenen neuerer Zeit», явственно раздается и со страниц другого произведения того же автора «Die Besessenen neuester Zeit». Везде слышна одна жалоба: духи ведут себя самым бесстыдным образом, держат самые отвратительные речи, «несут с собой безбожие и скверну»**. Современная вера в духов, возведенная в 1848 году в Америке на степень научного понятия «спиритизм», насколько не изменила фактической стороны дела. «Милые покойники» современности отли-

чаются тем же плотским мирозерцанием, что и бесчисленные демоны античного мира и бесы средневековья. Нечего тут оправдываться различными кобольдами и злыми духами, никакие уловки не в состоянии устранить этого факта. Ведь эти кобольды суть не что иное, как другое обозначение всего того, что служит поруганием всего святого в человеке и осквернением всякой непорочности и целомудрия. Вера в духов, распространенная в наше время, волей-неволей должна была примириться с этими печальными фактами, так как духи все же являются порождением человеческой фантазии. Это—образы, вышедшие из глубины внутреннего, духовного мира человека; в удобные моменты, в бреду и в трансе, они всецело овладевают человеком и превращают его в игрушку. Укротить эти образы может лишь тот человек, который, подобно художнику, в состоянии превратить их в образчики красоты и мудрости. Обуздание темперамента—вот залог успеха этого дела. Приобрести подобную власть над собою—значит стать жрецом. Жрецом в том смысле, в каком мы понимаем это слово, т. е. в смысле посредника между вечным и временным в человеке и во вселенной.

* Perty, *Mystische Erscheinungen der menschlichen Natur*. Leipzig 1872.

** Peebles, J. M., *Spirits Obsessions*.

КУЛЬТ ПОЛА

Культ пола — наиболее ранний из всех культов. Ошибочно полагают некоторые исследователи, будто он представляет из себя выродившуюся форму мирозерцания, отличавшегося первоначально глубокой чистотой и непорочностью. Иные думают, что он явился в результате наивного представления о том дуализме, которым проникнут процесс воспроизведения — но и это неправильно. Культ пола вырос на почве элементарного, простого наблюдения над органами деторождения, обладающими могучей, дарующей жизнь силою. Жить значит воспроизводить. И если культ пола не остановился в своем развитии на грубом фетишизме и выработал более высокие формы, то причиной этого является глубокая прозорливость человеческого духа, который за материальной оболочкой всегда найдет духовное содержание. Это именно духовное содержание, обозначаемое различными именами, остается всегда одним и тем же, подобно символу, который среди всевозможных превратностей остается неизменным. Последний есть знак жизни, первое — сама жизнь.

Культ пола, именуемый обыкновенно фаллицизмом, имеет два совершенно различных, но вместе с тем неразрывно связанных между собою объекта поклонения. По этому поводу Buxley* говорит: «Подобно тому, как слово «человек» служит обозначением для всего человечества, т. е. для мужчины и для женщины, точно также и «фаллицизм», или вернее «фаллоктенизм», означает культ Фаллуса и Ктеис. Этот дуализм сказывается у всех народов в противопоставлении упомянутых двух принципов: в Индии — «linga» и «yoni», в Сирии —

«masseba» и «ashera», в Греции — Фаллуса и Ктеис, в Египте — Креста и Кольца, объединенных в сгук ansata, в Китае — «Jan» и «Jin», как это можно видеть на корейских гербах, и, наконец, в Японии — «yoseki» и «niseki». Тот же дуализм поражает нас и в других предметах поклонения, которые сильнее приближаются к образу человека; они изображаются в виде половых органов мужчины и женщины. Индусы ставят Kali рядом с Siva: их символами являются преимущественно Фаллус и Ктеис. Minakschi — местное мадурское божество, аналогичное Kali — уносится каждую ночь с тем, чтобы делить ложе с Sundaresvaru... В Сирии мы видим Астарту вместе с Ваалом, в Египте — Изиду и Озириса, в Северной Европе — Фрею и Фрейера; каждое из этих божеств пользуется исключительным почитанием; вместе с тем оно оказывает губительное влияние на нравственные устои народа. Некоторые ученые указывали на Mariolatry, как на последний пример подобной тенденции. Дуализм в процессе воспроизведения представляется до того необходимым, что там, где нет соответствующего божества женского рода, женскими чертами наделяется какой-нибудь мужчина, что мы видим на примере Кветцалькотля, бога плодovitости у ацтеков. То же самое мы встречаем в Японии: Kami-musubio-kami — «божественный родитель» и Takami-musubio-kami — «божественная родительница», или Izanagi — «мужчина, который зазывает» и Isanami — «женщина, которая зазывает». Туземные христиане отождествляют их с Адамом и Евой — и вполне правильно; дело в том, что обе эти пары относятся к фаллической мифологии, хотя они впоследствии сильно отличались друг от друга по своей религиозной ценности,

* Phallicism in Japan.

вследствие дальнейшего развития нравственного учения».

Индейцы придавали особенное значение тому символу плодovitости, который представлял собою соединение органов обоих полов. Подобное соединение, которое встречается в религиозном культе не одной только Индии, но и многих других стран, называется обыкновенно пуллеяром. Пуллеяр употребляется большею частью в качестве амулета.

В пагоде Трэвискаре, посвященной богу Сива, находится гранитный пьедестал; колонна этого пьедестала украшена чашей, в центре которой возвышается лингам, длиною в 3 фута. Чаша, с длинным разрезом посередине, изображает половые органы женщины. На этом священном камне жрецы посвящают деваш, танцовщиц бога, в мистерии любви. Танцовщицы, которые участвуют в этом культе, являются вместе с тем и жрицами.

В полдень жрицы украшают священный лингам гирляндами и сандалным деревом. Затем они принимают ванну, готовясь к предстоящему богослужению. В культе змей жрецов заменяют женщины. Они носят лингам, окруженный двумя змеями, к берегу реки. Там они купаются, умывают идола и сжигают дерево, заранее предназначенное для жертвоприношения. Затем они молятся, просят о богатствах, многочисленном потомстве и продолжительной жизни для своих мужей. Всякий поклонник бога Сивы обязан ежедневно засвидетельствовать свое благоговение перед лингамом, возливая на него молоко. Оно тщательно сохраняется; его дают обыкновенно умирающему с тем, чтобы он вошел в Каилоссон, т. е. в индийский рай.

На Канарских островах жрецы, совершенно голые, расхаживают по улицам, звеня в бубенчики. По этому знаку все женщины должны выйти навстречу жрецам и целовать их половые органы в знак почтения к богу Сива.

Аналогичные явления можно наблюдать еще в настоящее время в Турции. Один миссионер рассказывал Крауссу, что он был свидетелем такого факта: «святой» встретился с знатной турчанкой, разъезжавшей верхом; он велел ей сойти с лошади с тем, чтобы совокупиться с ней. Турчанка согласилась сделать это

в присутствии многочисленной посторонней публики; затем она счастливая снова взошла на коня и поехала.

Бесплодные индианки касаются своими половыми органами конца священного лингама с тем, чтобы стать способными к деторождению. В окрестностях Пэндижара новобрачная обыкновенно приносит свою девственность в жертву божеству. То же самое происходит и на Канарских островах и в окрестностях Гоа. В некоторых частях Индии жрецы исполняют обязанности богов. Калькутский король оставляет первосвященнику своего государства на первую ночь ту девушку, на которой он хочет жениться; за эту услугу король выплачивает ему крупную сумму денег.

В Джаггернауте во время восьмидневных торжеств в честь Вишну жрецы уводят в храм девушку с тем, чтобы она ночью сошлась с богом и расспросила его о предстоящей засухе или урожае. Тот факт, что она отдается богу, должен, по их мнению, расположить его в их пользу*.

Каемпфер сообщает о таком же празднике в Южном Малабаре. Богу плодородия посвящаются там девушки, которые удовлетворяют его ангелов, боги дают за это богатый урожай. В сопровождении браманов они выводятся из храма перед лицом многочисленных зрителей. Их лица прекрасны, скромны и, как говорит Каемпфер, не носят на себе никаких признаков бешенства. В то время, как жрец читает различные изречения из Веды, девушки начинают передвигаться, танцевать и прыгать; они сверкают глазами и принимают при этом самые отвратительные позы. Народ полагает, что все это они проделывают под влиянием какой-то демонической силы, проникшей в их душу. Тут же играет веселая музыка, в которой принимает участие и народ. Наконец, девушки устают и браманы уводят их в храм отдохнуть. Отдохнувши и придя в себя, девушки снова выходят к народу, который их восторженно встречает; толпа полагает, что демон оставил их и бог окончательно умиловивлен**.

* Dulaure, a. a. O., S. 45—48; 50. Anm. 23 u. S. 80.

** Amoenitatum exoticarum politico-physicomedicarum fasciculi V. Lemgoviae 1712.

Каемпфер прибавляет, что девушки приходят в неистовство благодаря какому-то снадобью, которое употребляют при этом жрецы. Вполне возможно, что помимо музыки здесь применяется какое-нибудь средство, вызывающее эротическую экзальтацию; но, важнее всего в данном случае вера самих девушек в то, что ими овладел демон.

Lamaïresse * приводит обычай одной индийской секты, которая в своих тайных оргиях почитает Сакти (Сакти—это чувственное откровение божества Сивы в образе женщины). Жена кого-либо из присутствующих представляет собою богиню Сакти. Обнаженную кладут ее на алтарь и один из участников путем coïtus'a с ней совершает установленную жертву. Церемония кончается тем, что все мужчины оплодотворяют женщин, причем каждая пара олицетворяет собою Сиву и Сакти. Верующий должен совершить этот акт, восходя своими мыслями к божеству и не стремясь к удовлетворению своей чувственной страсти. Догматы этой секты представляют собою возвышенную, чуть ли не аскетическую мораль.

У каухилов (секта, почитающая богиню Сакти) мы встречаем такой обычай. Во время богослужения каждая женщина должна бросить какую-нибудь безделушку в ящик, который хранится у священнослужителя. По окончании религиозного торжества эти безделушки раздаются мужчинам. Когда дело доходит до половых обрядов, каждая женщина отдается тому мужчине, который получил брошенную ею в ящик вещь **, даже и в том случае, если бы она была его родной сестрой.

Подобные празднества любви сохранились в Индии еще до настоящего времени. В *Revue Indo-Chinoise* Leclerc описывает «праздник луны», на котором он сам присутствовал. Запрещенное еще 200 лет тому назад это торжество справляется ежегодно в октябрьское новолуние. По понятиям китайцев, луна является олицетворением женской природы; находясь на далеком востоке, она представляет из себя богиню плодovitости. В день праздника женщины пекут пироги из бананов, которые они укра-

шают цветами и кладут ночью на пороги домов. Около них устанавливаются маленькие бамбуковые тумбочки с курительными свечками, которые зажигаются в момент высшего стояния луны. Вместе с тем раздается песня «пра»; это—своего рода приветствие луне. Затем начинаются танцы, истинный смысл которых трудно угадать. В заключение молодежь расходится парочками, чтобы принести жертву богине плодovitости.

У индейцев существовала также жертва половых первенцев. Duarte Barbosa присутствовал в Южном Декане при обряде лишения девственности 10-летних девушек, которые сообразно местным условиям являются в половом отношении вполне зрелыми. К более позднему времени относятся сообщения Jan Huygen van Linschoten'a и Gaspar Balbi относительно одного обряда, очень распространенного среди жителей Гоа. Там обыкновенно уводят невесту в храм и в ее влагалище вводят мужской член, сделанный из железа или слоновой кости; естественно, что девственная плева при этом разрывается. Или ее заставляют коснуться своими половыми органами члена одного идола, расположенного в 18 милях от Гоа. Сущность этой жертвы прекрасно выяснена W. Shultz'em в его труде «Ost-Indische Reise» ***.

Там он говорит: «С помощью этого Приапа девушка в присутствии многочисленных друзей и родственников насильно лишается девственности. Жених несказанно рад тому, что мерзкое и проклятое божество оказало ему эту честь; он надеется, что подобное благоволение к нему божества принесет ему семейное счастье.

В Камбодже обряд лишения девственности совершался жрецами Будды и Тао. К этим девушкам они отправлялись в носилках. У каждой девушки была свечка с маленьким значком на ней. Половой акт должен быть совершен до того, как свечки успели выгореть до помеченного знака» ****.

Глава секты магараев претендовал на самый неограниченный доступ к женам верующих; право же лишения девственности принад-

* Le Kama-Soutra. Règles de Vatsyayana. Introduction.

** Bloch, a. a., N. S. 117/18.

*** Amsterdam, 1676, S. 161 a.

**** Abel Remusat, Nouveaux Melanges Asiatiques.

лежало исключительно ему. В акте совокупления женщин со жрецом секта видела знак величайшего почитания божества; это, по их мнению, явилось достойным подражанием «пастушкам», этим любимицам бога Кришны. Кроме того, жрец за свою деятельность получал во имя божества богатые подарки*.

Рядом с жертвой первенцев мы встречаем в Индии и половую жертву, существовавшую там довольно продолжительное время. Во всяком более или менее значительном индусском храме мы видим многочисленных наутш, т. е. танцовщиц, которые пользуются глубоким уважением, наряду со всем персоналом храма. «Эти жрицы, посвятившие себя еще с детства служению божеству, должны отдаваться всем и каждому уже в силу одного только официального положения своего. Подобное занятие вовсе не считается позорным. Совершенно напротив. Весьма богатые семьи считают для себя большой честью иметь среди своих дочерей одну жрицу. В одном Мадрасе насчитывается до 1200 таких храмовых проституток**.

«Японские синтоистические божества, подобно древне-греческим, большей частью гермафродиты; они сами в состоянии себя удовлетворить или в случае нужды могут разбиться на два совершенно отдельных существа — мужское и женское... Одна японская космогония говорит, что из мирового яйца вышел дух земли; он является существом, наделенным двумя противоположными характерами; один из них является представителем мужского, а другой — женского элемента. Изанаги, бог-творец Японии, выудил землю из бушующих волн моря с помощью своей небесной пики, усеянной драгоценными камнями. Эта пика называется Аме-нотама-боко. Согласно толкованию одного синтоистического теолога Hirata (1776—1843), эта пика является изображением Фаллуса, верхушка которого украшена драгоценными камнями. И немецкий народ пользуется пикой для изображения мужского члена. Обходя высокое изображение Фаллуса, Изана-

ги и Изанами сходятся вместе и при сладострастных криках совершают акт зачатия»***.

В Японии культ пола пользуется еще в настоящее время большим почетом. Помимо многочисленных храмов, в которых находятся только символы Фаллуса и Ктэис, мы видим фаллические знаки и на больших дорогах, проезжающих страну.

«В Японии существует обычай, в силу которого приносятся в жертву то Фаллус, то Ктеис, сообразно тому, желательно ли в данном случае приобрести жениха и сына или невесту и дочь. Этот обычай, подобно всем прочим видам колдовства, кроет в основе своей ту мысль, что внешнее сходство с каким-нибудь объектом даст человеку власть над самим объектом»****.

В своем эскизе Buckley сообщает: «Каждый японский храм помимо всех больших национальных праздников справляет праздник в честь того божества, которому данный храм посвящен. В 1892 году я по случаю одного праздника посетил святые места в Кондо; этот праздник справляется 18 числа третьего месяца (старого стиля). Он наступает за день до праздника перед фаллической скинией в Мориока и, вероятно, совпадает с весенним праздником всех народов. Праздник этот ничем не отличается от других. Синтоистический жрец, пришедший на это торжество из далеких стран, возложил на алтарь обычные приношения: рис, пирог и фрукты. Мужчины, женщины и дети, возложив свои небогатые дары, после короткой молитвы возвращались по домам... Поведение их вполне безупречно, ибо целью этого паломничества является половое здоровье и умножение семьи». Dresser дает объяснения по поводу одной не вполне понятной фаллической процессии. «В одной деревне (по дороге из Токио в Никко), куда мы случайно попали, совершалось грандиозное синтоистическое богослужение. Тысячи людей смеялись, кричали и следовали за огромной колесницей, похожей на индийскую джаггернаутову колесницу. На этой колеснице находится платформа, обнесенная низким бруствером; по самой

* Karsandas Mulji, History of the Sect of Māharaias.

** Ploss-Bartels, Das Weib in der Natur-und Völkerkunde. I, 580.

*** Krauss, a. a. O., 16; 18/19.

**** Buckley, a. a. O.

середине ее возвышается длинная (в 30—40 футов) мачта, верхушка которой украшена бумажками, символизирующими религию синто; в нижней же части мачты расположен шалаш из белой или красной материи. На платформе сидят музыканты; своими гонгами и свистками они оглашают пространство страшнейшей музыкой; тут же комедиант показывает свои отвратительные фокусы. Я уверен, что палка, находящаяся в руках этого комедианта, должна изображать собою Фаллус».

«Очень возможно, что это торжество является пережитком чисто фаллического праздника. Мы имеем здесь перед собою все признаки полового символизма, который нам в настоящее время представляется столь чуждым. Праздник этот справляется во дворе одного буддийского храма, который, по всей вероятности, еще в давние времена перешел этот грубый ритуал и впоследствии смягчил его. Молодые люди обоего пола в тихий августовский вечер сходятся во дворе храма Гванзадайши, расположенного в лесу по пути к горе Гией. Там они проводят всю ночь в сплошных танцах; образуя смешанные ряды они с силою прокладывают себе путь сквозь толпу стариков, окружающую их. При этом они распевают своеобразную песнь. В начале этой песни выражается сочувствие известному преступнику Горобую, стоящему перед лицом своего грозного судьи; кончается же эта песнь эротическими излияниями молодой женщины. Символизм ее заключается в следующих словах: «Из каких слов составить мне любовное письмо? Из таких, которые относятся к птицам, рыбам или овощам? Да, да я торгую овощами, а потому буду писать их названия». После многочисленных метафор и игры слов она заканчивает: «Не хотите ли вкусить первый длинный боб? Если нет, то не хотите ли взломать безволосый персик? О, скоро! Я страстно хочу отдаться тебе!»

В Японии воздвигали Фаллус еще для того, чтобы устранить от себя всякие дурные влияния.

Если под рукой нет фаллических божеств, которые могли бы разогнать злых духов, тогда обнажают половые органы или заднюю часть. Иногда просто разрисовывают эти знаки на воротах дома.

Вообще обнажать свои половые органы считалось у многих народов вернейшим средством испугнуть демонов. Точно так же поступил и Мартин Лютер. Желая прогнать дьявола, искушавшего его целую ночь, он показал ему заднюю часть тела.

В Китае изгоняют домового при помощи изображений мужского и женского принципа — Джон и Джин. Их приклеивают обыкновенно к входным дверям»*.

Бездетные китайки отправляются в храм Миноса и там касаются живота, или вернее, полового органа медного идола. Это, по их мнению, должно доставить им легкие роды**.

В Египте совершались мистерии, специально посвященные культу Фаллуса. Диодор Сицилийский сообщает, что люди, посвятившие себя жречеству, должны были предварительно принять участие в этих мистериях***.

Во время праздников в честь Изиды жрецы носили с собою мистические хлебные веялки, которые были наполнены зернами и отрубями. Жрецы Озириса имели всегда при себе священный канат или ключик, который отпирал лучшие замки. Этот канат является изображением мужского органа, а веялка — женского. Сюда присоединяли обыкновенно глаз с бровями или без бровей; он должен был изображать собою отношения обоих полов друг к другу****.

Во время праздников в честь Озириса двенадцать жрецов выступали вперед с роскошными носилками на плечах. На носилках был разостлан ковер, усеянный пышными цветами лотоса. По середине возвышалось изображение Озириса с кнутом и высоким Фаллусом в руках. То же самое происходило и в Эрмонте, Карнаке и других местах Египта. По поводу фаллических празднеств в Египте Геродот замечает: «Они справляют праздник в честь Вакха совершенно так же, как и греки; но вместо Фаллуса они употребляют фигурки вышиною в 1½ фута, которые приводятся в движение с помощью особых шнурков. Деревенские бабы моют эти фигурки; впереди их выступает

* Krauss, a. a. O., 27.

** Dulaure, a. a. O., 49.

*** Dulaure, a. a. O., 32.

**** Dufour, a. a. O.

флейтист. Они следуют за ним и расппевают песни в честь Вакха»*.

Гаторов Египта чествовали с помощью полового акта. На их празднества стекались огромные толпы народа**.

Если апиев бык погибает, то египетские жрецы всячески хлопочут о подыскании ему преемника. Когда последний найден, его отводят в Никополис после всевозможных церемоний. В этом городе женщины имели право в течение 14 дней осматривать нового бога. По словам Диодора Сицилийского, женщины обнажали перед ним свои половые органы. Смысл этой церемонии заключается в том, что бог должен был даровать им плодovitость. То же самое и с той же целью проделывали египетские женщины перед изображением Приама; в своем религиозном фанатизме они иногда заходили еще дальше.

Женщины также отдавались и мендийскому быку. Делалось это с той целью, чтобы рассеять колдовство, обрекшее их на бесплодие***.

Торжества в честь Диониса, Цереры и других божеств ясно указывают на наличие фаллического элемента и в греческом культе. Празднества в честь Диониса продолжались обыкновенно три дня. Четырнадцать жриц, избранных архонтом-базилевсом, появлялись перед народом под предводительством его жены. Первоначально празднества эти протекали без особенной пышности. Плутарх говорит: «Празднества в честь Диониса отличались в прежние времена необычайной простотой и жизнерадостностью. Во главе шествия находились обыкновенно двое мужчин. Один из них нес кувшин вина, а другой — виноградную лозу. Третий вел за собою быка, а четвертый нес корзину, наполненную финиками; шествие замыкалось грандиозным изображением Фаллуса». — «Теперь уже не видать этой счастливой простоты». В позднейшие времена шествие открывалось вакханками, которые имели в своих руках сосуды, наполненные водой. За ними следовали мо-

лодые девушки, отличавшиеся чистотой нравов и благородством своего происхождения; они несли золоченые корзинки, в которых рядом с первенцами всяких плодов находились и разукрашенные змеи, цветы, некоторые мистические предметы, как сезам, соль, мак, а также Фаллус, роскошно убранный цветами. За этой толпой следовали девушки — фаллофоры. Их лица были покрыты красивыми гирляндами из тимьяна и аканта, головы же их были украшены густым венком из фиалок. На них были длинные плащи и платья авгуров; в руках они держали длинные палки, на концах которых находился Фаллус. Далее шел хор музыкантов, игравший различные пьесы, относящиеся к данному торжеству. Во время пауз они выкрикивали: *Evocæ Bacche! iô Bacche, iô Bacche!* К этому хору примыкали итюфаллы. По данным Гезихия, они были одеты в женские платья. Athenæus сообщает, что они выступали с венками на голове, в расцвеченных перчатках и в белой тунике. Своими манерами они подражали пьяницам, при этом они распевали всякие фаллические мотивы. За ними несли разнообразные мистические и священные вещи. Вдруг среди этого блестящего шествия появлялись иногда вакханки и сатиры. С тигровой шкурой на плечах, полуобнаженные, с распущенными волосами, вакханки выступали вперед, неся в своих руках пылающие факелы и тирсы. В экстатическом порыве они металась в разные стороны, кричали «эвое» и избивали окружающих жителей. Все это сопровождалось фаллическими танцами, в которых главную роль играли сладострастные телодвижения. Сатиры водили за собою жертвенных быков, украшенных цветами; за ними верхом на осле выезжал полуобнаженный Силен, воспитатель и кормилец Вакха. Древний врач Аретей рассказывает, что сладострастная возбужденность у сатиров проявлялась в отчетливой, заметной для всех форме; продолжительность этой страсти являлась милостью неба****. Этот внешний видимый знак был, конечно, искусственный Фаллус, а не естественный, как думает Аретей.

* Dulaure, a. a. O. 32/33.

** Svoboda, a. a. O. II, 130.

*** Dulaure, a. a. O., 27 u 29.

**** Areteus, lib. 2, Auctorum cap. 12.

Во всяком случае, сатиры позволяли себе такие вольности, которые были запрещены другим людям. Theodoretus говорит: «Самый грязный, похотливый человек не позволит себе совершить, даже в четырех стенах своей комнаты, те гнусные мерзости, которые совершает хор сатиров во время публичных шествий».

Чествования Фаллуса происходили и в так называемые Таргелии; это были торжества, устраиваемые в честь Аполлона и Дианы. Они вылились в особый культ у жителей Лампсака. Там Фаллус назывался Приапом. Культ Приапа был распространен во многих греческих городах; всюду можно было видеть его изображение в виде колонки с человеческой головой и мужским членом небольших размеров. Торжества, устраиваемые в честь Приапа, отличались особенной пышностью. Его называли Искупителем мира. Ему приносили в жертву ослов, цветы, фрукты, мед, молоко и вино.

Фаллус, а, по-видимому, также и Ктеис, играли очень важную роль в элевсинских мистериях. По этому поводу мы читаем у Tertullian'a*: «Все, что в мистериях было наиболее священного, все, что вызывало самое горячее преклонение со стороны служителей, это — изображение половых органов мужчины». А Theodoretus прибавляет, что в тайных элевсинских оргиях оказывали знаки почтения и женским половым органам**.

В малых элевсинских мистериях представлялась обыкновенно история похищения Прозерпины. Здесь мы видим также Цереру, пустившуюся на поиски похищенной дочери. Вот перед нами Юпитер, который заставляет Цереру отдаться ему; вот он налагает на себя кару, чтобы умиловить разгневанную богиню; далее идет рождение Прозерпины; ее соблазняет отец под видом змея. В заключение — похищение Прозерпины Плутоном и жалоба Цереры, которая, согласно преданию, знакомит афинян с мистериями.

В мистериях в честь Венеры изображается акт оскотления Сатурна. В культе Юпитера мы встречаемся с таким обрядом: человек, который посвящается в тайны мистерии, пропускает себе за пазуху золотую змею, проходящую другим концом до самого низу. Эта змея, по-видимому, не лишена была известного сексуального значения. Арнобий, человек прекрасно знакомый с этим обрядом, говорит следующее: «Для каждого, даже непосвященного человека ясно, какова цель обряда, сколько бесстыдства заключается в подобных мистериях».

Культ Фемиды олицетворялся следующими символами: светильник, меч и женский гребень. По мнению Клементия Александрийского, эти предметы изображают половые органы женщины***. В лернейских мистериях особым почетом пользовался культ Диониса, представленного в виде Фаллуса****.

В Афинах, Коринфе, на острове Хиосе и в других местах существовала секта баптов, которая устраивала мистерии в честь местной богини Коттито, родственной Венере. При этом предавались различным излишествам с тем, чтобы снискать милость богини. В Элиде особым почитанием пользовался Сосиполис, «Спаситель мира», это «божественное дитя», которое до рождения появилось в образе змеи. Змея же является «символом жизни»; она — физический знак, необходимый атрибут божественного творца мира и жизни*****.

Греки праздновали также бракосочетание своих богов. Ритуал этот совершался только избранными жрецами и чиновниками; он облекался в глубокую тайну. Но Petersen замечает, что «мистические обряды, совершаемые на обыкновенных свадьбах, выступают здесь с особенной отчетливостью. В начале года, в месяце Гамелион (наш — январь) происходит первая свадьба — Урана и Геи. В конце этого месяца — свадьба Зевса и Геры. Далее шло бракосочетание Зевса и Деметры, Зевса и Коры, Гадеса и Коры или Персефоны, Диониса и Ари-

* Tertullian Adversus Valentianos, Tertulliani Opera pag. 850.

** Theodoretus, Petrus Castellanus a. a. O., (Antwerpen, Ausgabe des Hieronymus Verduss) 8. 143—144.

*** Über alte und neue Mysterien, Berlin 1872, S. 109. 44 и 42.

**** Svoboda, a. a. O. I. 263.

***** Lajard, a. a. O. 90 и 65.

адны, Диониса и Кору и т. д. Единственная священная свадьба, о которой мы имеем достоверные сведения, это — бракосочетание Диониса с женой архонта-базилевса. Неизвестно только, какую роль играет в данном случае жена архонта: является ли она Корой, Ариадной или символическим обозначением Афин. Но мы могли уловить лишь общий смысл этого обряда, так как он совершался в глубокой тайне»*.

Распространение христианства явилось опасной угрозой культу Фаллуса и Приапа. Тем не менее христианству не удалось искоренить его окончательно. Среди орфиков, например, объявилась секта, поклонявшаяся Фаллусу**. Орфики — это мистическая секта, которая в центре своей пантеистической теогонии ставила культ Диониса; они налагали на себя обет строгой, воздержной жизни, которая включала в себя и самобичевания. Однако некоторые мистерии орфиков не лишены известного оргиастического элемента***.

Bethe, разбирая вопрос о любви греков к мальчикам, приводит соображения оккультного характера; по его мнению****, греки предпочитали эту любовь, руководствуясь такой мыслью: только этот акт в состоянии перенести добродетели любящего человека на возлюбленного. По древне-греческому воззрению, подобное перенесение может быть совершено только физическим путем, например, путем ввода семени, которое содержит в себе, по крайней мере, известную долю души человека. Следует поэтому предположить, что это были гомосексуальные акты, напоминающие собою акт совокупления. Благодаря этому метафизическому обоснованию греки, вероятно, иначе смотрели на гомосексуализм, чем односторонняя «pruderie» позднейших веков.

Почти подобными мотивами руководствовался среднеавстралийский народ, Окилия, устанавливая у себя обряд обрезания. У мальчика срезают обыкновенно крайнюю плоть

и передают ее брату его. Тот растирает ее различными жировыми веществами и отдает младшему брату своему, который должен ее съесть. Идея, лежащая в основе этого обряда, сводится к тому, что мальчик, съев крайнюю плоть, становится здоровым, сильным юношей*****.

Мнение Bethe подтверждается данными, приводимыми Licht'ом*****. На греческом острове Тера, который раньше назывался Κολλιστός — прекраснейший, были найдены вблизи храма Аполлона Карнейского камни с надписями, из которых видно, что в этом месте совершались акты физического перенесения добродетелей любимого человека на возлюбленного. Corpus inscriptionum Graecarum, в XII книге, под № 536—601 и в приложении под № 1410—1493 приводит целый ряд подобных надписей. Вот первая из них:

Φειδιππίδας ωϊφε. Τιμαγόρας και 'Ενφέρης
και ευωϊφομες.
'Εντυλος τάδε-πόρνος.
'Ενπεδοκλήης ενεκόπητετο τάδε χωρφεϊτο μᾶ
τόν 'Απόλλω.

Итак: Phidippidas futuit. Timagoras et Enpheres et ego futuimus. Enpylus haec (hic!)... Пόρνος — позднее обозначение нравственно развращенного человека.

Enpedocles fututus est hic et saltavit pro Apollinem.

Судя по этим надписям, мы можем с полной достоверностью утверждать, что первый подобный акт был совершен в честь богов; мнение Bethe о метафизическом значении этого акта является поэтому вполне правильным. Очень может быть, что торжества в честь Аполлона Карнейского играли только ту роль, что давали людям возможность познакомиться с наиболее прекрасными юношами страны. Половой акт в данном случае совпадал с праздником лишь по времени, но он никакого отношения к этому празднику не имел; он также лишен был всякого оккультного значения.

***** Stall, Das Geschlechtsleben in der Völkerpsychologie S. 526.

***** Licht, Das etische Moment der sogenannten hellenischen Liebe, Ztschr. f. Sexualwissenschaft Jahre I Heft 8. S. 491/92.

* Petersen, Der geheime Gottesdienst bei den Griechen, Hamburg 1848, S. 14.

** Dulaure, a. a. O., 60.

*** Petersen, a. a. O., 24 и 26.

**** Die dorische Knabenliebe (Rheinisches Museum für Philologie).

Однако нет никакого сомнения, что у многих народов любовь к мальчикам приводилась в связь с религиозным культом, что видно на обозначениях: *puer sanctus*, *kinalda* и т. д. Гельвеций сообщает, что в Перу педерастия рассматривается как акт, совершаемый в честь богов. В Японии еще и в настоящее время половое общение священника с женщиной считается делом «грязным и недостойным», тогда как любовь к мальчикам — «и достойной, и святой»*.

Особенно велико было число сексуальных богов в Древнем Риме. Конечно, не потому, что римляне отличались исключительной похотливостью, а потому, что в делах культа они были особенно мнительны. Никогда они не навязывали покоренным народам свои религиозные убеждения; часто даже римляне перенимали у них то или иное божество и возводили его на высоту государственного культа с тем, чтобы данное племя не чувствовало себя в обиде и не восставало против римского владычества. Большинство этих божеств являлось покровителями половой жизни; сообразно с этим церемонии, устраиваемые в честь их, носили ярко выраженный сексуальный характер. Древне-италийские сабиняне воздавали почести Флоре, богине плодovitости, при помощи полового акта. Как передают Августин, Лактанций и Арнобий, невеста должна была сесть на половой орган статуи Приапа и тем самым совершить акт лишения девственности, которая приносится в жертву *Dea Perfica*, *Dea Pertunda* и *Mutunus Tutunus*. Согласно одному преданию, зачатие Окризии совершалось именно этим путем.

Бык пользовался большим почитанием также и в Риме, правда, в несколько меньшей степени, чем в Египте. По этому поводу Овидий говорит: «Римляне, огорченные бездетностью похищенных сабинянок, удалились в священную рощу, чтобы помолиться и просить заступничества у Юноны. Оракул при этом сказал: женщины должны быть оплодотворены быком. Совет этот римляне приняли с холодным равнодушием; но этрусский маг истолко-

вал им эти слова в том смысле, что бездетных женщин нужно бить по спине или животу ремнями из бычьей кожи. Так и было сделано во время люперкалийских празднеств. В день праздника, т. е. 23 февраля, обнаженные юноши бегали по всему городу и избивали прохожих ремнями, сделанными из бычьей кожи. Особенно же доставалось женщинам, которые охотно подставляли свои спины под удары кнута в надежде получить красивое и многочисленное потомство». Здесь *Dulauge* замечает: «По всему видно, что римская церемония во многом отличалась от мендийской. Бык, правда, не играл здесь главной роли, но он все же был причастен к этому обряду. Словом, мотив тут один и тот же». То же самое можно сказать и о церемонии обрезания у Массаев. В этих праздниках принимают участие и женщины, особенно бездетные. Юноши, предназначенные к обрезанию, забрасывают их экскрементами быка; женщины надеются благодаря этому приобрести способность к деторождению**.

Культе Вакха перешел в Рим после периода царей. Римляне называли Вакха *Pater Liber*, а Венеру — *Venus Libera*. Августин говорит: «Мужской половой орган пользуется почитанием в храмах *Liberi*, женский — в храмах *Liberae*... Оба бога были известны под именем отца и матери, так как они являлись покровителями акта зачатия». Фаллуса римляне называли *Mutinus* или *Tutinus*; Приап — это тот же Фаллус, помещенный на каком-нибудь пограничном столбе. Обе формы являлись символами мужской силы и женской плодovitости; люди думали, что эти боги в состоянии устранить всякое вредное чародейство при свадьбах и беременности.

В праздник Либералий, 17 марта, по всему городу проезжал Фаллус огромнейших размеров. Он останавливался обыкновенно на базарной площади, куда стекались все знатные дамы города. Первая же дама возлагала на него венок; это делалось с той целью, чтобы вымолить у него богатый урожай.

В конце марта справлялся праздник Венеры. В Греции, Сирии и Египте культ Венеры

* *Doriphorus, die Verbreitung der Päderastie in Japan, aus Krauss, a. a. O., S. 89.*

** *Stoll, a. a. O., S. 510.*

был тесным образом связан с культом Фаллуса. В день праздника все римлянки торжественным шествием направлялись к Квиринальскому холму, к храму Фаллуса. Там они брали изображение его и относили его в храм Венеры, где богиня брала его к себе на колени. Точно таким же торжественным образом его относили обратно*. Наиболее горячие поклонницы богини проявляли свое благочестие в том, что после этой церемонии они уходили в баню и там вступали с мужчинами в связь, столь приятную богине**.

Римские вакханалии превосходили по своей разнузданности все то, что мы видели в греческих мистериях в честь Диониса. Первоначально торжественные церемонии происходили днем при участии одних только женщин. Впоследствии сюда были допущены и мужчины. Вот тут-то начался самый настоящий, грубый, безудержный разврат. Торжества были перенесены на ночь; они происходили каждый месяц в течение пяти дней, тогда как раньше они справлялись лишь один раз в году и то только три дня. Юноши, которые допускались на эти торжества, были не старше 20 лет. Жрецы вводили их в подземные помещения, где вступали с ними в любовную связь. Отчаянный вопль, раздававшийся при этих актах изнасилования, заглушался звуком труб и игрой на цимбалах. Волна грязного разврата подхватывала и уносила с собой людей, а те спокойно плыли по ней, пользуясь густым мраком ночи. Здесь все смешалось: возраст, пол. Всякий отдавал долг своим страстям. Чувство стыда было забыто; все формы извращения были испробованы. Юноши должны были беспрекословно подчиниться и покорно отдаться в руки жрецов; в противном случае их ждала страшная кара: их приносили в жертву. Боясь разоблачений этих таинственных церемоний, жрецы многих убивали. При помощи особых приспособлений их быстро вздымали на воздух, а затем бросали в пропасть. Народу жрецы говорили, что их убили боги, разгневанные упорным нежеланием этих юношей подчиниться всем правилам культа. На этих вакханалиях можно бы-

ло нередко встретить и людей из высших слоев общества. Число участников было колоссальным. В этих оргиях принимали участие не какая-нибудь секта или общество, а громадная толпа народа. Наконец, сенат запретил эти вакханалии. Конечно, его мало тревожили буйные эксцессы, которыми они сопровождались. Сенат скорее имел в виду устранить политическую опасность, которая была связана с подобными церемониями. Это видно из того, что мистерии в честь *Vona Dea* продолжали существовать и отличались той же разнузданностью, хотя в них принимали участие одни только женщины.

Подробную картину этих церемоний рисует нам Ювенал в своей VI сатире, конечно, не без поэтических преувеличений: «Они нам хорошо знакомы, эти тайные обряды, совершаемые в честь *Vona Dea*. Неистовые вакханки с распущенными волосами, оглушенные трубными звуками и возбужденные вином,— они носятся в дикой пляске, взывая к помощи Приапа. Кто в состоянии описать эту безграничную похоть? Кто может себе представить эти бешеные танцы, сопровождаемые диким, безумным воем? Какие потоки вина изливаются на этих торжествах? Вот София; с цветами в руках она хочет совратить даже самую низкую тварь, непотребную женщину; но Мэдулина далеко превзошла ее. Высшая разнузданность дает здесь высший почет. Это не призрак; здесь все неподдельно и реально. Их бешенство могло бы возбудить самых отживших стариков, Приапа и Нестора. Эти фурии, истерзанные своим горячим сладострастием, вопиют: «Настал момент! Подавайте нам мужчин! Разве мой возлюбленный спит?—Разбудите его. А если не разбудите, тащите рабов. Если не найдете рабов, приведите водовоза!»

Относительно ночных мистерий в культе Приапа сообщает нам Петроний. Он говорит, что накануне праздника в приаповы храмы стекались огромные толпы женщин. Каждая имела в своих руках большое кожаное изображение Приапа; «далее этого не позволено было видеть»—добавляет он. Кроме меда и молока, этому божеству приносились в жертву миртовые ветки, символ счастливой любви.

* Dulaure, a. a. O., 30 и 63, 64.

** Svoboda, a. a. O. I 266.

Импотенты или люди, страдающие венерическими болезнями, приносили восковые или мраморные изображения детородного органа своего в надежде снова выздороветь*.

Заимствованный в Риме культ Кибелы справлялся в Малой Азии с особенной пышностью. В день праздника, 22 марта, люди удалялись в кедровую рощу богини; выбрав наиболее красивое дерево, они обматывали его шерстяными лентами, а ветки его украшали символами культа: посохом, тимпанами, флейтами и барабанами. Все это они красиво убрали свежими фиалками и другими первенцами весны. По самой середине висела фигура Аттиса, любимца Кибелы. Дерево же, на котором висела фигура, вырубают и относят в капище богини. За этим торжеством следовал период поста, траура и экстатического плача. Но 25 марта радость и ликование снова воцарялись в стране. День видимо одерживал победу над ночью, Аттис возродился к новой жизни и вернулся к Кибеле, измученной продолжительным ожиданием. Далее следовал день перерыва, а за ним — торжественное шествие. В центре его на колеснице, запряженной быками, находилось изображение богини, а вокруг нее пестрая ликующая толпа. Процессия направлялась по всему городу к реке; в ней купали богиню при радостных песнях всего народа.

Култ Астарты и Милитты, существовавший первоначально в Сирии, перешедший затем в Рим, среди многочисленных других жертв знал также жертву девственности. Смысл этой жертвы заключался в том, что богиня, умиловленная этим актом, должна была явиться покровительницей данной девушки в ее дальнейшей брачной жизни. Только этим можно объяснить тот странный факт, что девушки охотно отдавались всем посетителям храма этой богини. Ведь в случае отказа она рискует навлечь на себя гнев богини.

Подобные жертвы существовали не только у девушек, но и у юношей**. Это практиковалось не в одной только Сирии; по данным Bastian'a и Nachtigall'я, мы встречаем этот об-

ряд во всей Африке. Пережитком его является «хижина красоты» — учреждение, родственное сирийскому сикот-бенот — «девичья горница». В этой горнице выставлялись напоказ разряженные девушки, готовые вступить в брак. Люди, желающие вступить с девушкой в более или менее продолжительную связь, имеют здесь возможность осуществить свое желание. Девушка приобретает здесь за определенную цену. Тайное совокупление мужчины и женщины считается в некоторых местах преступным нарушением исконных обычаев общины. Деньги, приобретаемые таким образом девушкой, считаются вполне приличным и правомерным заработком и ни один, даже самый святой, ганга не побрезгает отчислить от этих денег некоторую долю в пользу храма***.

В африканском королевстве Юиде существует своеобразный религиозный акт: основывать убежища любви и населять их иностранцами. В Африке и Малой Азии, в Полинезии и Внутренней Азии — всюду половой акт считается религиозным обрядом, который доставляет милость неба и благоволение божества. Иными словами, половой акт, с точки зрения основной цели его, рассматривается, как некоторое оккультное действие. В Камуле, расположенной в Тангутской провинции, акт гостеприимства доходит до того, что при приходе гостя хозяин оставляет свой дом и возвращается лишь тогда, когда гость уже успел уйти. До своего ухода он строго-настрого приказывает своей жене, дочерям и прочим родственницам угождать во всем гостю. И этот обряд имеет исключительно религиозное значение.

Во время пребывания Кука на острове Гаити жители этого острова предложили его спутникам присутствовать при одном жертвоприношении, которое совершалось в честь любви одного юноши к 12-летней девочке****.

В сирийском Гиерополисе, на берегах Евфрата, около теперешнего Менбиджа, Фаллусу воздвигнуты громадные памятники. Перед главным храмом города, величайшим и священнейшим из всех сирийских храмов, были

* Mannhardt, a. a. O., S. 572/3.

** Dulaure, a. a. O., 79.

*** Lippert, a. a. O., 313114 u. Bastion, Deutsche Expedition I 175.

**** Dulaure, a. a. O., S. 148, Aum. 5.

сооружены два громадных Фаллуса. По этому поводу Dulaure замечает: «Эти два Фаллуса, которые возвышаются перед храмом наподобие двух высоких башен, служили, вероятно, общепринятым образчиком тогдашней архитектуры. Башни с зайцеобразными шпилями так и назывались во времена Витрувия-phalae. Тем же именем обозначались в средние века различные башни, которые служили для защиты городов и крепостей. Подобное совпадение с названием заставляет нас думать, что высказанный нами взгляд правилен». Но оба Фаллуса, воздвигнутые перед зданием храма, служат не только для украшения, но и для различных религиозных обрядов. Ежегодно какой-нибудь человек взбирался на самую вышку и оставался там в течение семи дней. Пищу ему подавали снизу, он же втаскивал ее с помощью длинной цепи; таким же образом он доставал и дрова, из которых сооружал маленькое сиденье наподобие гнезда. Посетители храма отдавали все свои приношения жрецу, стоявшему у основания Фаллуса; тот же передавал имена жертвователей человеку, сидевшему на верхушке. Последний возносил к Богу молитву от имени жертвователя, причем ударял в какой-то металлический инструмент, издававший какой-то резкий звук. В течение всех семи суток этот человек не должен сомкнуть глаз. И по соседству с Сирией, в Финикии, Фаллус пользовался глубоким преклонением; его культ связывали с культом Астарты. В Библие и Адонис, и финикийская Венера чествовались в одном храме. В подражание египтянам финикийцы праздновали смерть и воскресение Адониса. За траурными мистериями следовали дни живой радости. Во время церемонии разносили изображение Фаллуса, полового органа; в это именно место Адонис, согласно преданию, был ранен кабаном; но, излечившись, он освятил навсегда этот орган*.

Евреи почитали Адониса под именем Тамуза. В одном месте Иезекииль жалуется: «И он сказал: Ты увидишь еще большую мерзость, которую они творят. И он повел меня к вратам дома Божия, обращенного к северу, и я увидел

перед собою женщин, сидевших там и оплакивавших Тамуза»**. Этот бог Тамуз, вероятно, не кто иной, как Тамос или Шамош, которому поклонялись финикийские хананеяне, моавиты и мидиамиты. Ему царь Соломон выстроил храм, впоследствии разрушенный Иосией***.

Большим почитанием в форме фаллического культа пользовался у фригийцев Аттис. Согласно преданию, он сильно изувечился или, по другой версии, кто-то другой нанес ему тяжкую рану.

В областях, расположенных по соседству с Палестиной, почитался Баал-Пегор или Баал-Пеор. И иудеи неоднократно возвращались к этому культу. Центром всех церемоний, относящихся к данному культу, являлась, по видимому, нагота. По словам Филона, люди совершенно обнажались перед изображением этого божества. В библейском тексте мы встречаем указание на то, что все верующие душой и телом отдавались этому божеству. Раскрывая смысл библейского текста, Веуер приходит к тому заключению, что моавитянки отдавались этому идолу до вступления в половую связь с каким-нибудь израильтянином****. Рабби Соломон Иархи (Раши) говорит, что люди обнажали свою заднюю часть перед изображением Баал-Пеора; тут же они отправляли свои потребности и оставляли экскременты в качестве жертвоприношения*****.

Из культурных стран Востока перенесемся на Запад.

Уже в то время, когда была открыта Мексика, фаллический культ насчитывал в г. Пануко много веков своего существования. В Гласкалле пользовался религиозным поклонением символ, представлявший из себя соединение мужских и женских половых органов. Garcilaso de la Vega со слов Blas Valera говорит, что Тлетцотейтль был у мексиканцев богом развращенности. Точно так же и жители острова Таити (Сан-Доминго) посвятили Фаллусу

** Hesekiel 8: 131, 14.

*** Könige II 23, 13.

**** Andreas Beyer, Additamenta ad Joh. Seldeni de dūs Syriū Syutagmata. Leipzig 1668,5. Kap. Syntagma I Baal-Peor.

***** R. Salomon Jarchi, Commentarius in Quinque libri Mosis, Gothae 1713. Kap. 25.

* Dulaure 38—41.

специальный культ. При раскопках, произведенных в 1790 году, было найдено множество фаллусов самых разнообразных размеров. Перуанцы изготовляли бокалы в форме Фаллуса; эти бокалы нередко клали в могилу вместе с умершими. Все это указывает на весьма распространенный фаллический культ*.

Фаллус играл очень видную роль и во время праздников жатвы, происходивших в Мексике. В старинной мексиканской живописи, изображающей картину этих праздников, мы встречаем чрезвычайно знаменательную черту: шествие фаллоносцев. Каждый носит с собою огромный фаллус, поддерживаемый рукой; торпливым шагом они направляются к божественной матери Тетеойнан, в честь которой и справляется этот праздник. В начале ноября таскальтеки и другие племена справляют праздник в честь богинь Ксохикветцаль и Ксохитекатль (богиня, родственная Флоре); здесь приносятся в жертву девушки в память о возлюбленных. В этот же месяц выступают на сцену проститутки, которые предлагают и свою жертву. Идя на смерть, они призывают на себя жесточайшие проклятия, причем произносят самые непристойные слова. Можно, поэтому, вполне согласиться с Preuss'ом, который утверждает, что одним только выступлением публичных женщин и непристойными словами дело не ограничивалось; надо полагать, что здесь имели место и приапические телодвижения, и публичные половые акты. Все же это, вместе взятое, облекалось в форму религиозного культа. Во время этих праздников жертвами, как мы уже говорили, являлись девушки и публичные женщины; смысл этих жертв заключался в том, что благодаря их смерти богиня любви приобретает молодость, свежесть и жизнерадостность**. Моки-индианцы справляют праздник плодовитости и зимой. Главным эпизодом этих торжеств является 14-дневная церемония, которая, между прочим, сопровождается избиением детей обоего пола. По поводу этих торжеств Fewkes сообщает сле-

дующее***: «Группа танцоров отправляется к священному дому. Там каждый из участников получает горсть муки; кроме того, их обкуривают табачным дымом. Далее толпа идет вперед, останавливается в каком-нибудь месте и просит там мяса; при этом она заводит шутивную речь с хозяевами. Когда они выходят на площадь, им навстречу выступает другая толпа, оглашающая воздух криками радостных песен. Затем выступают два танцора, которые симулируют эротический экстаз; они ложатся на землю и производят при этом самые непристойные телодвижения, извиваясь в мнимых конвульсиях сладострастия. Через пять минут они вскакивают, набрасываются на мамзрауток и совершают с ними акты, которые неудобно назвать их настоящим именем».

Обряд посвящения жрецов заканчивался обыкновенно у ацтеков половыми излишествами. В конце «смертного пути» (этим именем обозначался обряд посвящения) неофиты посещали танцовщиц храма. Совершенно обнаженные, они совершали религиозную пляску. После пляски они предавались половым излишествам, столь приятным Витцлипутцли, обновителю мира****.

В своей *Historia general de los hechos de los Castellanos en las Islas i Tierra Firme del Mar Océano****** Herrero говорит, что у Кордовы испанцы нашли множество идолов, «с дьявольскими лицами и чертовскими фигурами; тут были и мужчины, и женщины, предававшиеся ужасному содомистатскому пороку». Oviedo в своей *Historia general y natural de las Indias****** сообщает, что подобные идолы были найдены у Laguna de Terminos.

Религиозные союзы, покоющиеся на весьма оригинальных формах культа, существовали также на отдельных островах Полинезии, оторванных от всего прочего мира. Здесь, как и повсюду, религиозные обряды подчинены естественным потребностям человека. На со-

*** Fewkes, Walter, *Tusayan Katanas in Fifteenth Annual Report of the Bureau of Ethnology 1893—94* Washington 1897, R. 251 ff.

**** Heckethorn, *The Secret Societies of all Ages and all countries*, 1 97, 98.

***** Madrid 1730, Bd. 2. 1. 2. Kap. 17.

***** Lib. XVII. Kap. 17. Stoll, a. a. O., S. 953.

* Dulaure, a. a. O., S. 51 и 61, Aum 9.

** Preuss, K. Th., *Phallische Fructbarkeits—Dämonen als Träger des altmexikanischen Dramas*, Archiv f. Anthropologie, Neue Folge, Bd. 1 Braunschweig, 1904.

юзных и Ладронских островах существовала особая каста эриоев, в которую входили преимущественно представители господствующих классов. Здесь обращают на себя внимание те жестокие условия, которыми было обставлено вступление в это общество. Человек, желающий войти в касту эриоев, обязан вступить в брак; дитя же, происшедшее от этого брака, должно быть убито. На ближайшем собрании он обязан представить свидетелей в том, что предписание это исполнено в точности; только тогда его принимают в число членов. Но эриои убивают и тех детей, которые рождаются и после принятия их в союз; так они поступают до тех пор, пока окончательно не выйдут из него. Если хоть один ребенок их остался в живых, они считаются выбывшими из союза. Многие, таким образом, расстаются с союзом в возрасте 30—35 лет. Некоторые же остаются в нем всю свою жизнь и предаются так гнуснейшему разврату. Эриои нередко усыновляют чужих детей, что им вполне разрешается. У них существует особая татуировка; различными рисунками они отмечают различие в положении того или иного члена в этом союзе. Эриои представляют из себя военную касту, которая пользуется в народе большим почетом. В их празднествах принимают участие народ и различные высокопоставленные лица, не принадлежащие к этому союзу. Они связаны между собою тесными узами дружбы; даже товарищи, незнакомые друг с другом, и те пользуются взаимным гостеприимством*. Народ видит в них посредников между богом и человеком. Празднества, устраиваемые ими, отличаются неимоверной развращенностью**. В основе этого союза лежит та же идея, которую мы отмечали повсюду: разрыв с нормой обыденной жизни путем жестокого, хотя и несколько запоздалого, акта отречения.

Культ Фаллуса пользуется большой популярностью и в Конго. Там в лесах можно нередко видеть маленькие храмы, в которых находятся мужские и женские фигуры величикою в человеческий рост с непомерно больши-

ми половыми органами. «Однако,— говорит Johnston***,— в этом не следует видеть ничего особенно мерзкого; тот, который так смотрит на дело, находится в состоянии ослепления или полнейшего невежества»****.

И в Дагомэ существует весьма развитый фаллический культ. Почти все улицы столицы украшены этим символом. Все это фигуры самых различных размеров. «Древо жизни» орошается пальмовым маслом, которое стекает в сосуд, поставленный внизу.

Но вернемся к былым временам. Посмотрим, каково было отношение древних галлов, германцев и славян к культу пола. Майские торжества, устраиваемые друидами, носили характер какого-то обновления, пробуждения природы; иными словами, отличительным моментом их был момент половой. Здесь мы рядом с суровым аскетизмом встречаем самые дикие эксцессы. Жрицы друидов не все обязаны были сохранить свою девственность; некоторые из них по своим функциям походили на греческих и египетских гиеродуль.

Freug и Freya были у германских народов фаллическими божествами. В своем труде «Gesta pontificum Hammerburgensium» Adam von Bremen говорит: «В Упсале, вблизи города Сикстуна, были воздвигнуты для поклонения три главных божества Севера. По самой середине на высоком троне сидел Тор, наиболее могущественный среди богов; по бокам находились Водан и Фрейр. Последний был снабжен громадным Фаллусом. В прежние времена, когда германцы еще не научились у римлян представлять богов в виде живых людей, символом Фрейра был большой Фаллус. Сестра Фрейра, Фрея, северная Венера, была изображена с огромным фаллусом в руке. Ей обыкновенно приписывали признаки, принадлежащие обоим полам*****. В Северной Швеции Фрейру был воздвигнут роскошный храм. Рядом с его статуей находилась красивая, молодая женщина, которую называли его женой. По народному поверью, эта

* Ellis, Reise durch Hawaii und Owhyhee, Hamburg 1828, S. 172.

** Heckethorn, a. a. O., II 286.

*** Bieber, Geschlechtsleben der Aethiopicr. Anthropyteia V.

**** Johnston, H. N., Der Kongo.

***** См. Pömer, Die androgynische Idee des Lebens, Jahrbuch f. sex. Zwischenstufen V; II S. 744.

женщина находится в сожительстве с богом Фрейром; когда одна из подобных женщин забеременела, радость прошла по всей стране, ибо это было счастливым предзнаменованием. Зимой «жена Фрейра» уезжала вместе с Фрейром в самые отдаленные углы Швеции с тем, чтобы дать возможность тамошним жителям искупить свои грехи и проникнуться надеждой на предстоящую плодovitость*.

На севере Германии существовал культ Нертуса; Тацит видит в нем подобие культа Кибелы. По мнению Mannhardt'a слово Nerthus не значит богиня; по всей вероятности, здесь подразумевается «мужественность» или «проявление мужественной силы» или «человек, который проявляет себя, как мужчина». Поэтому в лице Nerthus'a следует видеть бога плодородия. По словам Тацита, всюду, куда Nerthus ни приезжал, его встречали, как «званого, дорогого гостя»; всякие раздоры при этом прекращались и ему оказывали величайший почет, соответствующий значению его культа.

Среди германских женщин Фаллус пользовался самым глубоким поклонением. Olaf Rudbeck**, видевший в Фаллусе символ солнца, по этому поводу замечает: «Они поклоняются Фаллусу в надежде, что плодovitость распространит свое благоденствие как на всю землю, так и на них самих. Ими руководил не мотив сладострастия, а соображения материнского достоинства, ибо для них не было ничего более отвратительного, как бесплодная красота». Римляне после победоносных походов своих отдавались всевозможным церемониям приапова культа; последний был усвоен и другими племенами, у которых «символ жизни» пользовался религиозным почитанием. Германцы воздвигали Приапу алтари, статуи; под его защиту они отдавали свои поля и города; им же они пользовались для того, чтобы предотвратить от себя всякую порчу***.

Приапов культ был до того популярен в Антверпене, что он просуществовал там вплоть до XVII века. Он был известен там под

именем Перса. По словам Горония****, в Антверпене существовал известный храм Приапа; к нему стекались многочисленные паломники. Статуя Перса находилась также у ворот городской тюрьмы. Gölnitz***** сообщает, что бездетные размешивали кусочки штукатурки этой статуи в воде и принимали внутрь.

Славяне, жившие в Пруссии, почитали Фаллуса в лице Потримпа. Он являлся существом средним между мужчиной и женщиной.

В финляндской области, Карелии, пользовался большим почитанием Укко, бог грома и плодovitости. Этому Укко поклонялись и эсты. Празднества в честь его происходили в дни весеннего равноденствия; бездетные женщины обязаны были принять участие в них. В сущности эти праздники представляли из себя самые дикие вакханалии, сопровождаемые обильными, щедрыми жертвами богу Укко.

Культ пола сохранился отчасти и в христианской церкви. Последняя должна была примириться и принять в себя целый ряд обычаев и предрассудков, с которыми сжился народ еще с давних времен. Выход из этого положения она нашла в том, что уделила своим святым те функции, которыми заведовал Приап. Как передает Komble, в Англии один священник заставил маленьких девочек вести хорошую пляску, он же тем временем проносил перед ними изображение Приапа.

Согласно данным, приводимым Симмахом и Макробием, культ Венеры сохранялся еще очень долго в христианском мире, как например, в Италии и вообще во всей Римской империи. На христианском Востоке храм Венеры в Йемене был разрушен Калифом Османом. Самый же культ продолжал, однако, существовать еще долгие века. С введением Ислама новообращенные в моменты приступа жестокого сладострастия все же обращались к el-khabar, к великой. Сарацины, перешедшие в христианство, получили от церкви формулу отречения, в которой также фигурировала el-khabar. Все это лишний раз доказыва-

* Mannhardt, a. a. O., S. 591 и 589/90.

** Atlantica, Upsala 1679.

*** Dulaure, a. a. O., 91.

**** Ivan. Goropii Becani, Origines Antwerpianae, 1569. Buch I, S. 26 и 101.

***** Ulysses Belgico Gallicus von Abraham Gölnitz Leyden 1631 S. 57.

ет, как велико было почитание этого божества. Исламистско-христианская секта; друзья, во время своих тайных богослужений посвящают женским органам особый культ; это совершается преимущественно в пятницу вечером. «Их церемонии,—говорит Lajard*,—могут вызвать в человеке самое горячее возмущение, если не принять в соображение, что они покаяются на предписаниях чистой морали»; ведь половой акт для друзей—смертный грех. Но загры воздают почести Ктеис; половой акт является для них единственным средством общения с божеством.

В Провансе, Лангедоке и Лионе пользовался большим почетом св. Фугэн, последователь Приапа. Св. Фугэну приписывалась сила наделять плодovitостью тех женщин, которые были лишены ее; он вселял пламенную страсть в душу тех мужчин, которые лишились ее; он утишал тайные страдания. Согласно ритуалу ему подносили изображения ослабленных или больных членов. Амбренская церковь имела среди самых важных реликвий своих фаллус этого святого; благочестивые женщины часто обливали этот фаллус вином. В Руупе-Valay почитание св. Фугэна продолжалось до XVIII века. Статуя его имела вид громадной фаллической ветви. Женщины, нуждавшиеся в его помощи, откалывали мелкие частицы от этой статуи, размешивали их в воде, которую пили для поднятия своей плодovitости. Следы культа св. Фугэна можно найти и в Германии. Один немецкий автор говорит о нем, как о святом, пользовавшемся большой известностью в XVII веке; девушки в день своей свадьбы приносили ему свое девичье платье.

Здесь следует отметить еще и св. Кюммерн, отличавшуюся андрогинической организацией; в католической части Баварии женщины, страдающие болезнями матки, воздавали ей религиозные почести. Подношениями служили изображения жаб. В самые древние времена матку ставили в какую-то таинственную связь с жабой. И в Эльзасе истеричные, бездетные женщины приносят в жертву жаб; но изображения их чаще всего подносят к статуе св. Витта. Те

же самые жертвы приносятся и другим божествам в надежде приобрести способность к деторождению**.

В Bourg-Dieu фаллический святой назывался Saint-Guerlichon или Saint-Greluchon; в настоящее время этим именем обозначается сутенер. Бездетные женщины, отыскавшие такого святого, молились в его капелле в течение девяти дней. Они припадали к статуе, которая лежала горизонтально, и в глубоком экстазе возносили молитвы к богу. Затем они соскабливали слегка статую, размешивали осколки с водою и выпивали ее. К этой же категории святых относятся и St. Gilles в Бретани, St. René в Анжу и St. Arnaud в провинции Бурниньон. Но тогда как первые два находились на таком же положении, что и св. Грелихон, третий доставлял человеку все блага плодovitости при одном только взгляде, брошенном на его фаллус. Обыкновенно Фаллус был закрыт передником. В окрестностях Бреста этот святой был известен под именем Гиньолэ.

С дальнейшим развитием человеческой культуры все эти культы были устранены; но тогда возник вопрос о том, чем можно было бы их заменить. Выход был найден очень легко. Например, бездетные женщины должны были пить воду из источника, посвященного святому; или—в течение 9 дней возносили к нему молитвы. В храме святой девы из Орсиволя они должны были стоять, обнявши обеими руками церковную колонну. Или они целовали железный стержень, Роландов меч, имевший отчасти фаллическое значение. В Сарагоссе, в церкви св. Anton de Paula женщины обыкновенно припадали к гробу святого, дарующего плодovitость. В общине Сен-Жанье 20 июня совершаются паломничества к храму св. Иоанна и св. Ремигия. Сюда стекаются мужчины, женщины и дети. Все они совершают жертвоприношения с возлияниями. Вино, которое служит для этой цели, они смешивают с водою из источника св. Иоанна и выпивают. Эта смесь служит, по их мнению, прекрасным средством против бесплодия, импотенции и сглаза.

* Lajard, a. a. O., 53/54.

** Hovorka u. Kornfeld. Vergleichende Volksmedizin. Stuttgart 1900.

В Италии место Приапа занимает св. Космас. Страждущие и угнетенные приносят в жертву изображение Фаллуса, сделанное из воска.

Даже в христианские времена и под христианскими правителями Фаллус служил особым членом судебной присяги. Герцог Бретанский, Гозль Добрый, издал для английской провинции, Валиса, закон, в силу которого изнасилованная женщина, желая привлечь к ответственности своего насильника, должна была принести присягу, держа свою правую руку на святынях, а левую — на половом органе подсудимого. Этот обряд наблюдается еще в настоящее время у арабов, особенно когда они хотят торжественно подкрепить данное ими обещание. То же самое делали и евреи при различных видах присяги. Такая присяга была нерушима. В XIV веке синодальные статусы турецкой церкви предписали трехдневный пост тому человеку, который, стоя перед *fascinum*'ом, сделает своей рукой символический знак, изображающий соединение мужских и женских половых органов, т. е. фигу. Здесь разрешено было только произносить молитвы, вроде «Отче Наш» и т. д.* *Fascina* — это изображения, символизирующие подобное соединение мужских и женских половых органов; они находились обыкновенно на домах и церквях и служили предохранительным средством против всякого рода колдовства.

Stoll** говорит, что нет никакого основания признавать *Fascinum* исключительно фаллическим амулетом.

* Dulaure, a. a. O., 84 и 95/96.

** A. A. O., S. 681.

Вообще, культ пола, проникший тайным образом в христианство под видом культа Фаллуса, существует еще и поныне, правда, в сильно ослабленных и едва заметных формах. Люди же верующие, которые взывают к святым за помощью, отлично понимают, в чем дело. Из этого еще не следует, что протестантизм искоренил зло, устранил святынь. Правда; в протестантских странах народ взывает не к св. Витту и не к св. Кюммерн; но он, следуя обычаю своих предков, обращается к лешим, водяным и тому подобным духам. Человек даже не знает, какой цели служит тот или иной обряд; он совершает его непосредственно, зная лишь, что данный обряд принес тому или иному человеку пользу. Искоренить это зло совершенно невозможно. Напрасны все обличения в глупости и узости человеческого рода. Человек, обрушивающийся на все это, вряд ли понимает основу этой веры. Но покуда последняя существует, сохраняются и все обычаи, связанные с ней, и даже наиболее культурный человек взывает к старым богам в минуту тяжелой душевной драмы. И если они даже остаются глухи к его мольбе, то они все же приобщают его — человека, потерявшего меру естественности, к общечеловеческой черте. Иногда это является для него несчастьем; но большей частью в этом лежит отрада и счастье его. Ибо это приобщение обуславливает собою постижение, а за постижением следует познание.

ПОЛОВАЯ МИСТИКА

Н аличность тесного духовного родства между религиозным и половым экстазом была весьма тонко прочувствована и воспринята языческим миром. Последний только в чрезвычайно редких случаях рассматривал один вид экстаза недостойным противоположением другого. Тем не менее мы в язычестве ни разу не встречаем замены одного состояния другим, той замены, которая отлично знакома христианской церкви. Разве только в тайных собраниях жрецов дело иногда доходило до того, что духовный момент получал перевес над физическим, половым. Языческие народы всегда относились отрицательно к этому своеобразному превращению полового инстинкта. Вполне понятно, что известная метаморфоза имела место и у них; но она чаще направлялась к моменту жестокости. Правда, подобная метаморфоза производит разрушающее действие на отдельного индивидуума, но в принципе она не содержит в себе никакого отречения от радостей мира. Принцип полнейшего отречения от земных благ мог возникнуть лишь в такую эпоху, когда понятие божества стало понятием абстрактным в высшем значении этого слова. В тот момент, когда в человеческом мозгу впервые вспыхнула возвышенная мысль: не делай себе кумира и никакого изображения, кроме Меня—в этот самый момент был провозглашен принцип строжайшего аскетизма в форме полового воздержания.

Жертва воздержания была не чужда и языческому миру. Но в сфере половой жизни она никогда не шла дальше общих ограничительных определений; значительно чаще человеку представлялась здесь полнейшая свобода. Абсолютное воздержание, решительный отказ от плотских наслаждений—все это было впервые провозглашено монотеистическими рели-

гиями. Мозаизм и Ислам—два учения, всецело покоящиеся на принципах земной жизни, превратились в резкую проповедь абсолютно полового воздержания благодаря своим глашатаям, проникнутым глубочайшим мистицизмом. Во всяком почти культе, по крайней мере, на первых порах его возникновения принцип отречения от земных, плотских радостей находит себе сторонников в таких группах, которые отличаются некоторою склонностью к мистицизму; да это и вполне понятно, так как подобные группы всегда стремятся к внутреннему постижению. Всякая вообще мистика возносит субъективное, духовное переживание единичного лица над объективной, внешней действительностью. Чтобы достигнуть чистоты и ясности этого переживания, необходимо порвать ту связь, которая соединяет его с земным, плотским; иными словами, должен восторжествовать принцип полнейшего отказа от всего того, к чему стремится человеческое сердце и, прежде всего, принцип полового воздержания. Мистик как бы инстинктом постигает ту колоссальную роль, которую играет половое воздержание в общей совокупности его стремлений и идеалов. Он знает или, по крайней мере, чувствует, что мудрая умеренность в половых радостях ведет к физиологическому оздоровлению и укреплению мозговой деятельности его. Подобная «переоценка ценностей» представляется и религиозному человеку единственно правильной и дозволенной. Субъективная склонность к духовному самоуглублению приводит его к преувеличенной оценке двух моментов—духовного переживания и полового воздержания. Являясь провозвестницей духовного преобразования человека, христианская церковь во главе со своими мистиками выступила защитницей

принципа полового воздержания и вознесла его на высоту идеала.

Турнир аскетов был в самом разгаре. Могучая волна аскетизма бурно поднялась и захлестнула все человечество в первые века христианства.

«Человек должен свергнуть с себя все то, что толкает его на путь греха: радость, знание, аристократизм... Один ищет голодной смерти, другой, подобно дикому зверю, мечется по бесконечным пустыням; тот бросается в страшные болота Нила, отдавая свое тело насекомым на съедение, а другой, обнажив свою голову и грудь, подставляет их под жестокие удары бури и непогоды. Человек душит и убивает в себе живую плоть. Душа его ищет мира и покоя; ибо только таким образом ей дано созерцать Промысел Божий. И все же мы очень часто слышим от самих аскетов, что мир сходит в их душу лишь урывками, на отдельные моменты. Но зато они живут фантазиями, страшными фантазиями, потрясающими нашу душу. Современники жадно хватаются за эти величественные картины. Мир, скованный в тисках дряхлости и бессилия, восторгается величием аскетического подвига и дикой фантазией странствующих монахов. У обыкновенного человека не было ни сил, ни характера решиться на такой возвышенный подвиг; он хотел насладиться им, по крайней мере, в своем воображении. Фельетонисты в монашеском одеянии писали романы и новеллы, в которых изображали различные моменты из жизни кающихся грешников, смешивая в одно и действительные, и фантастичные переживания. Зародилась новая отрасль литературы: монашеская беллетристика»*. Уже здесь можно подметить истинную природу этой мании. В своем труде «*Geschlechtsleben der Heiligen*» Steingiesser приводит мнение Evagrius'a об анахоретах, мнение, которое является знаменательным во всех отношениях. «Они обходили многочисленные города, желая похвастаться перед всем миром своей непорочной чистотой. Там они посещали дома терпимости и купались вместе с женщинами. Но они были насто-

лько выше всякого плотского вождения и страсти, настолько властны в сфере своих природных инстинктов, что ни созерцание, ни прикосновение, ни даже объятия женщин не могли вызвать в них сладострастного возбуждения»**. Бесконечное спокойствие духа, наблюдаемое у этих кающихся христиан, объясняется, по мнению Evagrius'a, очень просто: «Ибо среди мужчин они — мужчины, а среди женщин они — истинные женщины». Указание Evagrius'a на некоторую половую аномалию у анахоретов, пожалуй, и правильно. Но если бы оно было даже и неправильно, то вряд ли можно «подобное» воздержание признать победой над плотью; нет — оно является результатом тех буйных эксцессов, которые привели этих аскетов к полнейшей дряхлости и импотентности. Во всяком случае, оно ничего общего не имеет с той одухотворенной эротикой, которая так свойственна христианской церкви.

Эта эротика появилась вместе с догматами церкви и развитием мистической спекуляции. Догматика развенчала понятие Бога; она лишила его того чрезмерно абстрактного значения, которое придавали ему раньше. Но раз это дело было закончено, религиозные экстастики начали наделять понятие Бога различными атрибутами человеческой личности. Отдаться этому божеству, подчинить ему свою волю и желания, посвятить себя служению ему — это должно быть поставлено основной целью человеческого существования. Ничего нет странного в том, что мы питаем к божеству, завоевавшему наше сердце, те же нежные и возвышенные чувства, которые встречает у нас любимый нами человек. «Язык, которым говорят подобные экстастики, есть язык земной любви; достаточно вместо имени Иисуса подставить какое-нибудь другое человеческое имя и мы увидим перед собою женщину, сгорающую в огне любви». — Чувство страсти, проникающее и в душу и тело в момент религиозного экстаза, «есть не что иное, как страстная влюбленность; но человек упорно отказывается признать в этом чувстве любовь, так как объект любви в данном случае слишком резко

* Harnack, *Das Mönchtum, seine Ideale und seine Geschichte*, 7. Aufl. Giessen, 1907, S. 28/29.

** Steingiesser, a. a. O., S. 27.

возвышается над всеми человеческими, земными понятиями»; тот факт, что это божество обладает отчетливыми чертами мужчины, несколько не является препятствием для этих энтузиастов. Их ощущения совершенно сходны с ощущениями влюбленной женщины, которая страстно жаждет подвергнуться насилию со стороны объекта своей любви. По мнению религиозного человека, этот эффект может быть наиболее успешно достигнут одним только Богом. Но христианская церковь позаботилась также о таких людях, которые нуждаются в нежных ощущениях и которых пугает энергичный и суровый образ Иегова. Для них объектом преклонения была Мария. Это воплощение женского начала дает мужчине все то, чего жаждет его страстная истомленная душа. Люди, которые мыслили несколько рассудительнее, нашли свое дополнение «в великой любовнице Софии»; в лице Христа фанатички нашли не только Бога, но и «жениха духа» и «агнца». Чувство верующего человека, столь враждебное земным вожделениям, искало самого тесного общения с олицетворенными кумирами своей веры; это стремление было тем сильнее, чем воздержнее был человек в физическом отношении. Правда, среди них были люди с уравновешенным темпераментом, которые в своем воздержании не видели ни жертвы, ни испытания; но таких людей было меньшинство. Большинство же состояло из таких людей, которые искали физического удовлетворения в величественных фантазиях, созданных их творческой психикой.

Половое влечение и религиозный экстаз имеют один общий корень. В обоих случаях человек жаждет сойтись со своим дополнением, причем это желание носит обыкновенно оттенок сладостного ощущения. В религиозной сфере этот эффект достигается путем подчинения высшей силе, путем абсолютной покорности, с какой человек отдается высшему существу. Аналогичное явление мы наблюдаем в сфере половой жизни; и здесь человек часто находит удовлетворение не в том, что он покоряет, а в том, что он покорен. Религиозный человек отлично знаком с этим ощущением; дается ли оно ему в силу воспитания или при-

родных задатков—это безразлично. И как страстно желает этого человек нерелигиозный, но, увы!—безнадежно. В силу этого религиозный человек видит в своих страданиях, вызванных его любовью к Богу, лишь подтверждение тех надежд, которые единственно наполняют его существо. Вместе с тем у него зарождается такая мысль: отказ от плотских наслаждений вознаграждается повышением духовных радостей. Эти радости он уже теперь ощущает; они проникают в душу и тело его; они пленяют и околдовывают его. Ибо как можно вообще предположить, чтобы чувственное существо, подобное человеку, могло отказаться от своей изначальной природы. Это значило бы—оболгать самого себя. В крайнем случае, человек может освободиться от своего природного инстинкта, изменив лишь его направление или сузив сферу его проявления.

Поясним это на примерах. Св. Иероним спасался; он искуплял грехи своей молодости в сирийской пустыне. Но несмотря на все испытания, которым он подвергал себя, страсти его не покидали. В безумном, страшном отчаянии он вопиет: «О, как часто мне казалось там, в пустыне, в этой бесплодной стране, выжженной горячим солнцем, где отшельники встречают ужас и отчаяние,—как часто мне казалось, что я извиваюсь в бешеных страстях развратного Рима». «Мое лицо помертвело от голода, но душа моя сгорает от сладострастия... После бесконечных слез, вознеся свои глаза к небу, я редко-редко встречал вокруг себя ангелов—и тогда в радостном упоении я взывал к Властителю: Мы бежим за тобою в аромате пахучего елея твоего»*. Это восклицание указывает на то, что одно видение, носившее первоначально половой оттенок, было вытеснено другим, не менее чувственного свойства. Половой характер этих видений еще ярче выступает в фантазиях других мистиков и святых. Так например, Seuse, чувствуя близость к своей «небесной страсти», восклицает: «Мне кажется, что я вознесся над временем и пространством и стою в преддверии вечного

* Steingieser, a. a. O., S. 11—13.

блаженства». Этот человек, который подвергал себя самым мучительным истязаниям, который связывал себе руки, чтобы как-нибудь не покончить с собой в минуту прилива «адских страстей» — этот человек упивается картиной своего «духовного бракосочетания» с Иисусом, этой «вечной мудростью».

Аналогичные мысли мы находим в письмах Heinrich'a von Nördlingen'a доминиканке Margaretha Ebner. В его словах чувствуется нотка сожаления: «Мы охотно вошли бы с тобой, но нас не пустили туда» (в брачную комнату). Далее он в сильных поэтических красках рисует картину брачной ночи, которую провела его духовная дочь с ее «царственным женихом». Он пишет: «Нам нужно стоять неподвижно — это вполне справедливо; ты же тем временем войдешь в отдельную комнату со своим «царственным женихом». Там девственная грудь твоя наполнится небесной благодатью, которую буду вкушать не только я: твой недостойный раб; ты станешь кормилицей всего христианства». Далее идет смелое поэтическое описание того экстаза, который охватывает ее при ее общении с женихом. Это описание дышит восторгом — физическим и духовным. Прислушаемся: «Далее заметь... возлюбленная жена опьянена одним видом благородного лица. Она сильна и бессильна; в прекраснейшем блеске — она слепа; в глубокой слепоте своей она видит особенно ясно; в прозрачной ясности она — и жива, и мертва; чем долее она мертва, тем радостнее живет она, — чем уже брачное ложе, тем пламеннее объятия, тем ароматнее... поцелуи — чем сильнее она горит, тем прекраснее светит*».

Мне, пожалуй, возражат, что здесь речь идет об одних только поэтических сравнениях. Совершенно правильно; но подобные поэтические сравнения употребляет лишь тот человек, который упивается представлениями, связанными с ними. Уже по одним только этим сравнениям можно с достаточной точностью определить направление мыслей человека. Но разве дело ограничилось здесь этими поэтическими параллелями? Разве не пламенная

страсть, горевшая в груди этих экстатиков, заставила их пережить все эти сравнения? У этих людей фантазия чрезвычайно возбуждена. Обыкновенный человек мыслит образами только в своих сновидениях, они же делают это в состоянии экзальтации. Эти образы представляются экстатикам столь же реальными, как и те картины, которые реют перед глазами спящего, испытывающего радость и муку в своих волшебных сновидениях. На примере св. Екатерины из Сиены мы видим, насколько реальны эти образы. Ей представилось, будто она в присутствии многочисленных святых была помолвлена с Христом; с тех пор на ее пальце будто бы появилось обручальное кольцо, которое она видела своими собственными глазами. Но помолвками удовлетворяются далеко не все «божественные невесты». Св. Вероника обручилась с агнцем Божиим. В трепетном благоговении она взяла к себе в постель ягненка, которого пыталась вскормить своей грудью**. И Katharina Emmerich была сильно занята мыслью о ягненке. Св. Тереза, как это видно из ее мемуаров, ощущала в моменты экзальтации чувства бесконечной радости; она издавала при этом страшные крики, «смешанные с таким радостным чувством, что она, казалось, не хотела освободиться от своих страданий; эти страдания доставляли ей отраду, ту отраду, которой не найдешь ни в глубоком покое, ни в тихой удовлетворенности, а в самом Боге».

Janet называет Терезу «покровительницей истеричек». Пронзительный свист раздастся в ушах истеричек всякий раз, когда надвигается гроза истерического припадка; то же самое мы видим у Терезы. Об этом она рассказывает в одном отрывке: «Die innere Burg». Там мы читаем: «Я прислушиваюсь к тому, что происходит в моей голове, к тому страшному шуму, о котором я раньше говорила и который лишил меня возможности выполнить работу, заданную мне начальником. Этот шум похож на страшный плеск бурных потоков; это — пение несметного числа

* Mehlhorn, a. a. O., S. 48.

** Müller, Alphons Viktor, Die hochheilige Vorhaut Christi, im Kulte und in der Theologie der Papstkirche, Berlin, 1907. S. 37—39.

птиц, сопровождаемое оглушительным свистом. Не ушами слышу я это; я чувствую этот шум всей верхней половиной своей головы». Мы встречаем у нее все прочие симптомы истерии: истерический комок и истерические конвульсии. С этим соглашается и ученый иезуит Hahn*. «Но,— замечает он,— если повышенная чувствительность ее организма и сближает ее с истеричками, то все же она отличается от этого типа больных железным характером и сильнейшей волей». Он расточает всяческие похвалы ее «чисто мужскому организаторскому таланту» и удивляется ее редкому искусству проводить различные реформы во внутреннем распорядке своего ордена. Что касается ее видений, то он признает только те из них, которые носят характер небесного божественного откровения. Но если мы вспомним только, что она истязала свое тело непрерывным постом, что припадки истерии не покидали ее вплоть до 50-летнего возраста, то мы поймем, что эти божественные откровения также явились результатом этих страданий. Эти откровения отличаются от явлений дьявола лишь по форме своей; во всем остальном они совершенно сходны между собой.

Субъективная ценность откровений св. Терезы несколько не умалится, если мы отбросим различные сопровождающие феномены, рожденные ее буйной фантазией. Объективная же ценность их, измеряемая объектом внутреннего содержания, напротив, сильно повысится, если оставить в стороне эти проявления религиозной фантазии. Творчество святых, как, например, реформа ордена Кармелитов, несколько не теряет в наших глазах от того, что благочестие со своими принципами и запросами является перед ними в видениях в образе человеческих фигур.

Нечто аналогичное мы встречаем и в видениях Блавацкой. Многие считают ее провозвестницей новой религии; она же сама видит в себе остаток «первобытной мудрости». Св. Терезе является Христос, Блавацкой — Ма-

гатм. Склонность этих женщин к мистицизму объясняется одной и той же причиной: половой аномалией. Блавацкая относилась совершенно индифферентно к мужчине, как к половому существу; точно так же и Тереза. Блавацкая находилась в самых интимных отношениях с подругами. И у Терезы была подруга, к которой она питала «самые нежные чувства». Чтобы снова вступить с ней в связь, она поступает в Кармелитский монастырь, находившийся в ее родном городе. В одном только мы находим разницу между Терезой и Блавацкой, причем разницу очень значительную. Блавацкая была слепой игрушкой в руках своих страстей, Тереза же — твердость характера и сила воли. В этом отношении она вовсе не была истеричкой. А впрочем, разве эта строгость, повышенная строгость к самой себе не является симптомом истерии? Ну, в таком случае следовало бы все признать истерией. Но что такое истерия, мы ведь в точности не знаем. Поэтому, если мы все же пользуемся и будем пользоваться этим термином, то вовсе не в пояснительном, а описательном смысле.

Очень симпатичную мистичку представляет из себя Maria v. Mörl. Чрезвычайно нежная от рождения, она быстро превратилась в типичную экстаичку. «Непрерывный пост, бессонные ночи, твердое ложе, скудное питание и другие лишения — все это постепенно подтачивало ее силы... Сильные конвульсии и частые кровотечения... Эти физические испытания сопровождались душевными муками. Ее душа была окутана густой сетью страшных соблазнов... Она поборола в себе дьявольские искушения. На нее надвигалась целая армия демонов-соблазнитель... Отвратительные, мерзкие образы носят и днем, и ночью по ее комнате; они заграждают ей дорогу в церковь». Görges у она рассказала следующее: «Люди, которые толпятся вокруг меня, — это все отвратительные мужчины. То в одиночку, то целыми массами они становятся передо мной и грозят увлечь меня. Часто я вижу среди них несчастных людей, то черных, то пламенных; они мешают мне молиться. Иногда они кричат: с тобою уже давно покончили, ты отвергнута и проклята. Ты можешь слушаться духовника,

* Hahn, Die Probleme der Hysterie und die Offenbarungen der heiligen Theresä, deutsch von Trina. Leipzig 1906. S. 22; 121/125 и 43.

сколько твоей душе угодно; он нисколько не в состоянии тебе помочь! Они стараются со-
вратить меня с пути истины и веры: они вкладывают в мои уста кощунственные слова, слова протеста против Бога и св. Девы...» Часто эти фигуры подводят ее к окну, где перед ней открываются цветущие рощи и богатейшие сады. Вдруг она видит перед собою роскошную лестницу, которая ведет в этот земной рай. Призраки, преследующие ее, усиленно приглашают ее сойти вниз и насладиться. Благо, что какая-то невидимая, таинственная сила сковывает ее ноги; в противном случае, как она сама сознается, ей не устоять было бы против соблазна*. Любопытно было бы сравнить это с рассказом Richer**.

«Весь третий период своих припадков истеричка Matth... оставалась неподвижной, со смеющимся лицом и скрещенными на груди руками. Она находилась в состоянии каталепсии... Вдруг ее будят. Она просыпается, сильно разочарованная: «О, как это было восхитительно...!» — восклицает она. Она видела роскошный замок с пестрыми, блестящими шарами, с пышной растительностью; в нем жили люди, одетые в пестрые шелковые платья. Во время другого припадка она видела небо, ангелов, блестящие шары и сверкающие звезды! Другой раз она заснула с лицом, перекошенным страшной гримасой ужаса и отвращения. — Ее тотчас же разбудили; при этом она воскликнула: «Вы хорошо сделали, что разбудили меня! Мне теперь гораздо лучше!» Она была в аду, видела там дьявола и огненные шары!».

У Maria v. Mögl встречаются также явления магически-демонического характера. Но относительно них мы знаем лишь с ее собственных слов или со слов ее духовника, патера Капистрана — показания, которые трудно признать особенно беспристрастными и достоверными. Ведь в период своей борьбы она лишена была способности спокойно наблюдать за собою; что же касается патера Капистрана, то он не находился при ней, а узнавал все с ее слов. В ее

искренности он нисколько не сомневался. И вполне основательно. Ведь она ему не говорила ничего такого, чего она на самом деле не пережила. Но это переживание, говоря языком теософов, вращалось в совершенно другой плоскости. Оно было реально, но не в том смысле, в каком мы это обыкновенно понимаем, а потому оно лишено было характера объективности.

Взаимодействие между ней и патером Капистраном было необычайно велико. Он имел неотразимое влияние на нее. Только он в состоянии был вывести ее из состояния экстаза: «Тихо шевелились при этом уста духовника; он не произносил ни малейшего звука — в один миг потухший взгляд молящейся озарялся блеском живой силы»***. Один протестант, посетивший Maria v. Mögl, характеризует патера в следующих выражениях:

«Черты его строгого лица носят оттенок мягкого благочестия и сурового самоотречения. Достаточно взглянуть на него раз, чтобы не быть в состоянии оторвать от него глаз; до того он сильно привлекает к себе»****.

Тот же протестант рассказывает много интересных подробностей относительно экстазичек в Тироле. Дело в том, что пример Марии подействовал весьма заразительно. Наиболее интересной среди них является Domenica Lazzari. И она боролась со всевозможными искушениями. Вдруг перед ней являлось «лихо», «то в образе собаки, то молодого юноши, и они мешали ей молиться и работать».

Во время стигматических кровотечений у нее появлялся сверхъестественный жар. Температура бывала до того высока, что ей нередко приходилось открывать настежь окно даже в самый жестокий мороз. Старуха-мать согревала свои озябшие руки у пылающей головы своей дочери*****.

Автор упомянутого труда прекрасно описывает появление стигмат:

«Все эти больные женщины влюблены; возлюбленный — Спаситель; Он — высшее благо их души... Исполненные любви и страданий,

* Die Tyroler ekstatischen Jungfrauen, Regensburg 1843, I, 32—35.

** Etudes cliniques, Paris 1881, S. 456.

*** Die Tyroler ekstatischen Jungfrauen, I, 24.

**** A. a. O., I, 21.

***** A. a. O., I, 51 и 53.

они погружаются в мысли о страшных мучениях Возлюбленного; эти мучения сильно раздувают бешеное пламя их страсти. При всем эгоизме, которым отличается обыкновенная человеческая любовь, мы замечаем в ней одну глубоко альтруистическую черту: человек радостно принимает на себя страдания своего возлюбленного. И как сильно проявляется эта черта в бескорыстной, чистой любви к Иисусу! Как велико должно быть желание принять на себя хоть часть тех невыразимых страданий, которым подвергался Спаситель»*. Известно, что стигматы являются результатом органического изменения, протекающего под влиянием сильного продолжительного самовнушения. «Трансцендентальный субъект (по терминологии du Prel'я) обладает колоссальной силой воображения; призраки его отличаются реальной объективностью и способны подчас воздействовать на физическую природу человека.

У третьей экстатички, Creszencia Nieklutsch, ярко выступает наружу половой момент. В ее любви к Спасителю не было ничего, кроме ханжества. Она часто писала письма к своему Возлюбленному, умоляя его, чтобы «Он обратил свое милое лицо к ней». — «В минуты отдыха она имела в руках своих маленькое распятие, к которому питала безграничную любовь. Стоило ей поцеловать или даже только посмотреть на распятие, как она впадала в сильнейший экстаз и ее пылающие глаза устремлялись к небу»**.

Св. Армелла отличалась еще большей страстностью. Она так горячо и сильно любила, что порой казалась себе огромным горящим пламенем. По словам одной урсулинки, написавшей ее биографию, она и днем, и ночью все бредила своим Возлюбленным; она бегала за ним по пятам и, не найдя его в одной комнате, обегала и другие комнаты в надежде найти его. Часто она взывала к нему нечеловеческим голосом, прижимала к своей груди все предметы, попадавшие на ее пути. Она бродила по полям, убегала в леса, чтобы поведать птицам невероятные муки своей любви.

* А. а. О., II, 303/04.

** А. а. О., 60/61.

Maria de l'Incarnation часто восклицала: «О, моя любовь! Я слилась с тобой и растворилась в твоём пылающем сердце. Я живу и умираю, страдаю, тоскую и наслаждаюсь. Мне кажется, будто возлюбленный хочет уничтожить меня в своих божественных объятиях. Мой возлюбленный — разлитый елей, от сладости которого я погибаю в целомудренных объятиях. Душа моя чувствует его; он зажигает меня огнем радости. Восторг моей души ищет выхода; он жаждет излияний, но дух не хочет этого».

Мария Магдалина да Пацци часто стояла неподвижной до тех пор, пока не наступало любовное излияние; вместе с ним новая жизнь вселялась во все ее члены. Часто она вскакивала с кровати, хватала за руку одну из сестер и кричала: «Бежим со мной, зовем любовь». Опьяненная любовью, она убегала в монастырь и там шепотом повторяла: «Любовь, любовь, любовь, ах, не нужно больше любви! Слишком уже много ее!»***.

Откровения Mechtildis von Magdeburg включают в себе все любовные стадии, которые проходит человек от ранней молодости до глубокой старости.

В своей «Relation sur le Quiétisme» Meaux описывает видение одной экстатички: Иисус принял ее в отдельной комнате и на ее вопрос, для кого поставлены здесь две кровати, он ответил: «Смотри! Одна кровать для моей матери, а другая — для тебя, моя невеста; я избрал тебя»****.

Сравним это с тем случаем, о котором рассказывает Steingiesser:

Тереза М., пораженная каким-то наследственным пороком, отличалась еще в ранней молодости живейшей фантазией. На первом же причастии она почувствовала, что сердце ее принадлежит всецело Иисусу. После смерти матери, а также одной очень любимой ее учительницы ей часто казалось, что она видит этих умерших перед своими глазами и слышит их голоса. Ее уговорили поступить в монастырь. Там она отдается исключительно служению Христу. «Я хотела любить Иисуса сильнее, чем какая-либо другая монахиня, — гово-

*** Steingiesser, а. а. О., 45—47.

**** Hennings, Von Geistern und Geistersehern.

рит она,— мне даже казалось, что и Он питает ко мне какую-то особенную любовь... Целых два года меня неотступно преследовала эта мысль; она превратилась в *idée fixe*; я старалась очиститься от своих грехов и злых помышлений, чтобы снискать себе любовь Христа». Рядом с этим выступает наружу половое влечение, которое она всячески старается в себе подавить. Она рассказывает все это своему духовнику. Он советует ей сосредоточить свои желания в сфере духовной жизни. С жаром бросается она на дела религии. Она ежедневно причащается. Наконец, явилось к ней видение. «Раз вечером,— пишет она,— когда мне ясно стало, что Иисус окончательно покинул меня, я вскрикнула: «Мать! Скажи, что мне сделать для того, чтобы завоевать любовь Твоего Сына!»— Мои глаза были обращены к небу и я вся застыла в безумном ожидании. Смешно было. Я хотела стать матерью мира! А моя душа вторила: Да, Он придет. Долго после этого я находилась в каком-то чаду. Повсюду я встречала Его: Он подавлял меня своей непорочной нежностью». Эротические видения ее становятся все ярче и рельефнее. Ее описания вопиющи; они вызывают соблазн и подражание в широких слоях народа. Наконец, ее религиозная страстность постепенно падает. Через некоторое время она пишет: «Покидая высоты, на которых я раньше витала, я до того приблизилась к земле, что скоро все мои желания не подымутся выше ее». Еще позже она говорит: «Теперь я верю лишь в Бога и муку; я чувствую, что мне необходимо выйти замуж»*. Разумным лечением ее взвинченная эротика была приведена к нормальному уровню. Если бы Тереза М. вращалась среди ханжей и фантазеров, она, пожалуй, давно получила бы кличку святой. И кто знает, сколько зла могла бы еще причинить ее необузданная фантазия?

Очень верны замечания г-жи Guyon, которая говорит по собственному опыту: «Источником экстаза является особая склонность к *духовной чувственности*. Душа теряет последний остаток своих сил, погружаясь в темные, сладостные ощущения»**.

* Steingiesser, a. a. O., S. 59—63.

** Guyon, Jeanne Marie, «Leben» Buch I, Kap. 9.

Но эти ощущения свойственны не только истеричкам. Подобные переживания наблюдаются и у экзальтированных мужчин. Когда Филипп Нерский совершал возношение даров, он, по словам одного биографа, «до того проникся сладостным ощущением, что дрожал всем своим телом»***.

Возьмем для примера Иосифа Копертинского. Это был до того бездарный человек, что капуцины давно уже махнули на него рукой; изучение латинского языка, например, давалось ему с большим трудом. И все же все поклонники его в один голос говорят, что «он своим суровым благочестием и святым преклонением перед Матерью Божьей достиг глубочайшей прозорливости в делах религии; ученые представители ордена говорили, что беседа с Иосифом несравненно поучительнее всяких трактатов». Как страстно было его преклонение перед Матерью Божьей, видно из того, что одно упоминание ее имени погружало его в сильнейший экстаз****.

Св. Франк Ассизский, одна из наиболее симпатичных фигур среди сонма святых, вышел в одну холодную лунную ночь в сад. Он шел по глубокому снегу совершенно нагой. Сделав семь чучел из снега, он сказал: «Смотри! Та большая—это твоя жена; те двое—твои сыновья, а те—твои раб и рабыня! Скорее согрей их, они умирают от холода! Но если такой труд тебе не по силам, отдайся всецело Богу!» По этому поводу Hase***** говорит: «В таком виде Франк представлял себе семейную жизнь; он сумел подавить в себе влечение к ней». В имени Христа воплощалась всякая любовь; это имя вызывало в нем сладостное ощущение, в котором он способен был забыть весь мир. Продолжительная молитва была его потребностью, а не долгом. Его любвеобильное сердце и не мечтало о воздаянии. Любить Христа и быть любимым им—такова его религия*****.

Св. Альфонс Лигурийский, ревностный поклонник Марии, «гимны» которого насквозь

*** Die Tyroler ekstatischen Jungfrauen, I 288.

**** Gentzel, Joseph von Copertino, Psych. Studien, IV, Jahrg. 1877, Juniheft S. 242/43 и 45.

***** Franz von Assisi, ein Heiligenbild, Leipzig, 1856, S. 95.
***** A. a. O., 94.

пропитаны эротикой, ощущал в себе «плотский стимул» еще на 88 году своей жизни. Ему казалось, что он устраивает свидания с божественной королевой, которая «в девственной красе стоит перед глазами очарованного раба своего»*. Всего этого нельзя объяснить одной только религиозной и половой экзальтацией, охватившей Европу в первые века христианства. Ведь подобные явления можно наблюдать всякий раз, когда какая-либо страстная личность ищет морального спасения в убиении плоти и подавлении полового инстинкта. Обманутая природа жестоко мстит: она наполняет умы апостатов эротическими образами.

Многочисленным святым католической церкви соответствовали столь же многочисленные воскресшие протестантизма. Один из них, Нетте Науен, после тяжких ударов судьбы удостоился, наконец, милости Божьей. При этом «он ощутил такую сверхъестественную, сверхчеловеческую сладость в своей душе, что от избытка радости должен был вскрикнуть».

Он испытывал при этом «какое-то беспокойство, смешанное с мукой, но все же оно было сладостнее муки, так как в нем таился совершенно исключительный приятный оттенок. Его тело до того сильно проникалось этим ощущением, что он ясно чувствовал его в себе».

Его состояние часто доходит до ясновидения. У него бывают галлюцинации слуха и обоняния. Последние были свойственны и его жене. У них обоих мы наблюдаем следующее явление: под влиянием какого-то внутреннего голоса они ставят в огонь свои ноги, которые остаются совершенно невредимыми. Экстатика и влюбленные остаются совершенно равнодушными ко всяким внешним влияниям; более того—при известной степени возбуждения они делаются абсолютно неуязвимыми. Какова причина этого явления? Относительно этого можно высказывать одни только предположения. Не является ли экзальтация, так сказать, аномальной деятельностью «животной силы», как утверждают теософы?

* Steingesser, a. a. O., S. 34.

Пожалуй. Ибо в состоянии экстаза мы всегда ощущаем себя в виде какой-то силы.

Годы невероятных мучений пронесли над Беатой Штурмин. Она долго и горячо боролась постом и молитвой; наконец, «милость неба» снизошла на нее. «Она снизошла на нее шумными потоками. Когда Он явился к ней, она должна была Его попросить не подавлять ее столь бесконечной милостью». «Эту радость трудно выразить словами!—говорит она.—О, если бы люди, ищущие радостей жизни, ощутили хоть сотую долю того, что я испытала! Очень прискорбно, если хоть одна душа в мире не знает нашего любвеобильного Бога!» В одном месте она сама говорит: «Щедрость Бога до того бесконечна, что вместе с душой расцветает и тело мое»... «благость, ниспосланная Творцом на мою душу, сообщалась и телу моему»**. Ее брат, сидя у смертного ложа ее, с горечью вспоминал все те лишения, которым она подвергалась в жизни своей. Но она горячо прервала его: «Я хотела рассказать тебе о приятной встрече моей со Спасителем, которая произошла в прошлую ночь. Нет, я вполне счастлива»***.

Другой человек, также обретший милость Божью, смотря в лицо Христа, воскликнул: «Отврати свои глаза от меня; они меня страшно разжигают»****.

Иоанна Элеонора Петерсен еще в детстве своем возымела сильную любовь к Спасителю. Дело дошло до того, что она оставила должность придворной дамы при герцогине Гольштинской и отдалась всецело служению Христу. В браке своем она видела перст Божий; следует при этом заметить, что ее муж также принадлежал к числу «восставших из праха»*****.

Мистик Gichtel также пережил момент просветления. Ему казалось, что «душа его превратилась в сплошной огонь любви. Он часто припадал к груди Спасителя и ощущал при этом неопишное сладостное чувство. Вся душа его совершенно преобразилась; он чувство-

** Kanne, *Leben und aus dem Leben merkwürdiger und erweckter Christen*, Bamberg 1816, I, 7/8, 13, 18, 14 и 19.

*** Kanne, a. a. O., I, 89, 91, 91/93 и 107.

**** Kanne, a. a. O., I, 89.

***** Kanne, a. a. O., I, 185.

вал себя новым человеком. Просветленный внутренний мир сверкал каким-то особенным блеском в глазах его». «Два года продолжалось это блаженство; любовь ко Христу была до того сильна, что больше двух часов в день он не спал; все остальное время он проводил в горячей молитве». — «Когда в голове у него рождалась плотская мысль, что бывало очень редко, он... вдруг весь уходил и замыкался в своей любви к Христу; пламенной молитвой и страшными истязаниями он вытравлял всякую скверну из своего мозга. Или он обращался с вызовом к искусителю: эй! ты вкуси хоть одну каплю Христовой любви! Насколько она радостнее и лучезарнее твоей скотской страсти! Соблазн тотчас же исчезал». Но ему никогда в голову не приходило, что радостное ощущение его есть не что иное, как своеобразная форма эротики, которую он так упорно подавлял в своем физическом организме.

Gichtel смотрел на женщину, как на низшее существо, он видел в ней не вполне достойную подругу своей жизни. Его поклонницы часто делали ему предложения вступить в брак, но он решительно отклонял их. Правда, во время молитвы озаряла его иногда мысль, что ему необходимо жениться, ибо такова воля Божья, но все же он упорно воздерживался от брака. С другой стороны, он окружал себя многочисленными доброжелателями, из которых Ueberfeldt привлекал его исключительные симпатии. «Он горел пламенной любовью» и к Justinian Ernst von Weltz, в котором он почувствовал такого же «ревнителя дела Божьего», как и он сам. Барон Weltz отвечал ему самым восторженным чувством. «Барон был необычайно рад этой находке; дело в том, что после продолжительного и бесплодного знакомства с многочисленными теологами, которых он даже поддерживал денежными средствами, он, наконец, обрел человека, которого искал. Мало того. Барон нашел в нем еще нечто большее, чем искал».

Окультистский момент в жизни Gichtel'я сказывался в том, что некоторые просьбы его, обращенные к Богу, были в точности исполнены. Когда он молил Бога за других людей, очень часто получалось впечатление, что его

мольба была услышана. Временами его посещали различные видения. Особенно характерно одно из них; оно явилось ему в рождественскую ночь 1673 года, когда умер его братчик Charias. Около полудня, повествует его биограф, «он стоял на коленях перед Распятием, охваченный молитвенным экстазом... Вдруг он почувствовал сильное волнение: перед ним явился божественный образ Христа, озаренный светлой, радостной любовью. С глубоким трепетом приблизился он к Нему и тогда его осенила мысль, что Христос пришел к нему не как друг или брат, а как нежный «муж» его души. Нежнейшая любовь вела таинственный разговор с его душой; она клялась ей в верности... Он хотел лишь поведать миру, как сильна и лучезарна любовь Христа. Но он этого не сказал и не должен был сказать, ибо этим самым он предал бы тайну своей любви»*.

К этой же категории относится и Franke, основатель сиротского дома в Halle. Его любовь к Спасителю не лишена некоторого чувственного оттенка. Экстаз, который его часто охватывает, он сравнивает со «сладким молоком», которым «милый Abba кормит своих нежных питомцев». Эти люди говорят со своим Богом тем же детски-воркующим голосом, как обыкновенно говорят влюбленные между собою.

Видения посещали также Анну Марию Флейшерин, известную визионерку XVII века; у нее они были вызваны безнравственной репутацией, которой она пользовалась в широких слоях общества. Ее переживания довольно подробно описаны фрейбургским суперинтендантом в его труде: «Beschreibung Frieburgs». Она навлекла на себя подозрение благодаря одной очень «сомнительной» личности, которая часто навещала ее. Духовник не хотел пускать ее к причастию до тех пор, пока она не представит веских оправданий. Этот факт до того сильно подействовал на эту болезненную женщину, что ее начали посещать различные видения. К ней явился «злой дух» и сказал: «Люди убеждены в том, что ты безусловно

* Канне, а. а. О., II, 57/58, 62/63, 20 и 98/99.

виновата. Нечего тебе искать утешения; ты нигде не найдешь его—это ясно хотя бы из того приема, который оказал тебе духовник. Но я хочу помочь тебе в твоей беде; для этого я потребую от тебя только одного: повторяй за мной все, что ты услышишь от меня».—Она отказалась от такого предложения, но дьявол явился еще раз. Стоя в это время на лестнице, она почувствовала сильный толчок и упала к порогу своего дома. Все эти припадки кажутся ей наваждением дьявола; болезненное состояние ее постепенно прогрессирует и заканчивается половой истерией. Биограф Флейшерин упоминает также о левитации, будто бы наблюдаемой у нее; но здесь мы, вероятно, имеем дело с обыкновенными прискакиваниями, вызванными сильно расстроенным состоянием истерички; подобное явление можно обычно наблюдать при пляске св. Витта.

Христина Понятович была дочерью одного ксендза, принявшего протестантизм и переселившегося в Богемию. Она воспитывалась в самом строгом и благочестивом духе. Заметим кстати, что ее отец был ярким противником Kotter'a; он даже писал огромные статьи против него, разоблачая всю подпочву его видений. Но Понятовичу вскоре пришлось бежать из Богемии. Наша юная героиня была принята в дом известной баронессы Садовской, в котором оставалась недолго. Когда Христина покинула этот дом, ее постигла страшная болезнь, которая закончилась экстазом. С тех пор на нее нападали частые и продолжительные экстазы. Сюжет видений, которые являлись ей, вращался исключительно вокруг ее собственной личности; перед ее глазами проносились картины божественной свадьбы и бракосочетания ее с Христом. Экстатическое состояние нападало на нее как днем, так и ночью. Как она сама нередко сознавалась, ее видения носили порою чувственный характер, но все же они большею частью были проникнуты духовным содержанием.

Известная пиэтистка Juliane von Krüdener, вдохновительница «святого союза», находилась, по словам ее биографа Эйнарда, в близких отношениях с Христом. Она называла его «mon bien aimé» или «le plus aimable».

Половую мистику мы встречаем и в византийской церкви. По словам Леруа-Болье, в России существует секта «скакунов», которые устраивают по ночам собрания с танцами, доводящими людей до эротически-религиозного экстаза. Часто дело кончается гнуснейшим развратом до кровосмешения включительно.

И дервиш страстно жаждет духовного общения с Богом. Песни, в которых он взывает к Аллаху, дышат страстной, пламенной любовью, ибо религиозный человек относится к Богу совершенно так же, как влюбленная невеста к своему возлюбленному. Приведем несколько строф из религиозных песен дервишей:

«Тихая грусть, грусть сладкой любви точит сердце мое; тоска смертная сомкнула вежды мои. Сердце мое надрывается: море слез течет из глаз моих. Счастье мое далеко. Узрю ли я Возлюбленного? Ах, если бы не разлука! Я не плакал бы так горько».

«В удел мне достались скорбные ночи; надежду оставил я. Разлука страшна. Мои слезы, словно перлы; мое сердце—горячее пламя. Кто страдал, как я? Нет, никогда не блеснет мне луч надежды. Ах, если б не разлука! Я не плакал бы так горько».

«О, горлянка, скажи мне, что так горько ты плачешь? Скорбишь ли ты в разлуке? Или у тебя отняли твои крылья?—А она в ответ: я изнываю от тоски, тоски разлуки и любви. Ах, если б не разлука! Я не плакал бы так горько».

«О, Ты Единственный и Вечный! Простри Свою милость надо мною. У твоего раба нет другого Властителя, кроме Тебя. Скажи великому пророку Твоему, Та—Ха. Пусть он исполнит мою просьбу. Ах, если б не разлука! Я не плакал бы так горько»*. Впрочем, Ислам вообще очень удачно подменивает половой момент религиозным. Магомет говорит, что Аллах сотворил человека из «одной капли своей спермы».—Адам же, всмотревшись в женщину, которая произошла от него, заметил, что она прекрасна. Опьяненный ее красотой, он овладел ею, нисколько не сомневаясь, что он таким образом совершает акт, угодный

* Busch Wunderliche Heilige. Leipzig 1879. S. 50/51.

Богу. Этим он положил начало великой человеческой семье». Так говорит Эль-Ктаб*. Далее мы читаем: «Для Адама coitus явился величественным и прекрасным откровением: он — источник бесконечных наслаждений, он, кроме того, превращает мужчину, этот активный принцип, в творца, исполнителя воли Божьей. Вместе с тем он заметил, что coitus является основой всякого творчества»...

В Эль-Ктабе мы встречаемся со следующей аргументацией: «Вникнув несколько глубже в этот акт, мы сейчас же замечаем, что он восстанавливает первобытное единство, связывая мужчину и женщину в единую плоть. Отсюда следует, что именно этот акт служит для вещего прославления любви и могущества Всевышнего»**... «coitus — великая и священная хвала, благородное стремление мужчины и женщины к примитивному единству, к райскому наслаждению»***.

Итак, повсюду мы наблюдаем один и тот же процесс развития. Alice Stockham, говоря о «реформированном» американском браке, замечает: «Оба субъекта при взаимном согласии достигают полнейшего удовлетворения своих желаний, не переживая ни кризиса, ни физического потрясения. Через какой-нибудь час физическое напряжение начинает заметно падать, тогда как духовный экстаз достигает самых крайних пределов. При таких обстоятельствах нет ничего удивительного в том, что начинают появляться различные видения из сферы трансцендентной жизни; мало того — очень часто человек начинает ощущать в себе пробуждение новых, дотоле неведомых сил». Мужчины и женщины, живущие «реформированным» браком, уверяют, что «души их, слитые воедино, проникаются необычайной живительной, оплодотворяющей силой, ведущей к духовному размножению и рождению».

Подобные явления наблюдаются у всех людей, склонных к мистицизму и фантастике. В период первой зрелости мы замечаем у людей какое-то неустойчивое состояние, колеба-

ние между религиозным и половым началом. Еще Osiander в своей статье «Die Entwicklungsjahre» замечает: «Никогда девушка не бывает так нежна и спокойна, вместе с тем так соблазнительна и заманчива, как в период юной зрелости своей». То же самое можно сказать и о юношах. Фантастические видения, с которыми мы встречаемся у подобных людей, с внешней стороны как бы проникнуты религиозным содержанием; на самом же деле они таят в себе глубокую половую сущность. Это вполне подтверждается опытами Freud'a, Näcke и др.

Мне могут возразить, что в этом самопроизвольном зарождении религиозных фантазий таится какая-то изначальная религиозность, присущая данному человеку; поэтому нет ничего неестественного в том, что у подобного человека мы наблюдаем полное подавление полового влечения, победу над половым стимулом. Это возражение не лишено некоторого основания. Однако следует заметить, что все эти представления, носящие большей частью церковно-обрядовый, а не религиозный характер, очень редко выступают на почве изначальных ощущений, глубоко заложенных в природе того или иного человека. В процессе зарождения подобных идей главную роль следует отнести традиции и воспитанию. Тем не менее нельзя отрицать и того факта, что каждому человеку до известной степени свойственно определенное чувство, которое, подобно половому инстинкту, настоятельно требует удовлетворения. Но это чувство отличается от полового инстинкта тем, что оно нуждается не в дополнении, равноценном себе, а в чем-то высшем, более ценном, чем оно само.

Но теперь возникает вопрос: является ли это «высшее», действительно, чем-то более ценным? Основательно ли будет утверждать, что искупление, пережитое нами в огне религиозного экстаза, по своей ценности выше того спокойствия, которое мы приобретаем в результате половой оргии? И в том, и в другом случае мы имеем дело с совершенно одинаковым фактом. Психическая удовлетворенность неизменно сопровождается физической реакцией точно так же, как физическое

* Paul de Regla, El Ktab, des lois secretes de l'amour, pag. 31.

** A. a. O., pag. 34.

*** A. a. O., pag. 85.

наслаждение не остается без влияния на психику человека. Всмотримся несколько глубже и мы увидим, что религиозный экстаз кроет в себе глубокую силу. Вспомним те великие истины, которые были созданы людьми в подобные моменты; правда, эти истины не лишены некоторого фантастического оттенка, но это несколько не умаляет их ценности. Вполне естественно, что воображение человека, охваченного глубоким сильным экстазом, созерцает предметы и отчетливее, и рельефнее; также естественно и то, что изречения подобных людей, отличаясь чрезмерной картинностью и образностью, часто кажутся нам неясными и туманными. Глубокое проникновение в сущность вещей, достигаемое экстазами в сфере религии и искусства, имеет своей обратной стороной создание произведений социального содержания, рожденных на почве плотской любви. Но величие и блеск этих проникновенных созданий человеческого духа не в состоянии утолить земной голод большинства людей. Обе ценности нуждаются во взаимном дополнении. Поэтому ошибочно будет утверждать, будто одна из них является по значению своему выше другой.

Переоценка значения психического экстаза имела самые печальные последствия; достаточно сказать, что она вызвала страшнейшую бурю негодования. Всякое вообще излишество, будь то физическое или психическое, в одинаковой степени вредно. Но все это не играет никакой роли в оценке их философского и мистического творчества.

Теперь мы уже знаем истинную основу всякого рода экстазов, а также религиозного экстаза. Пусть это знание послужит нам на пользу и даст возможность критически оценить те требования, которые ставят людям фанатики религии. Не ригорический аскетизм, а благородное подавление в себе всяких инстинктов и страстей — вот в чем заключается благо человечества. Но тут же следует высказать пожелание, чтобы это проникновение в физиологические мотивы экстаза не упустило значения и ценности психических результатов этого состояния.

То, что мы сказали относительно отдельных мистиков, приложимо и к целым мистиче-

ским сектам; разница заключается лишь в том, что в последних материальные формы эротики получают перевес над всеми прочими. Helmnот*, ревностный защитник мистической идеи, предостерегает нас однако от многолюдных мистических собраний, в которых принимают участие лица обоих полов; подобные собрания он называет «убежищем тайного порока». Это предостережение вполне основательно; в пользу него говорит вся история мистических союзов. Так, например, религиозные торжества секты сарабитов сопровождались самыми отвратительными половыми эксцессами. Эта секта существовала до IX века.

Гностик Карпократ требовал для водворения Царства Божия на земле обобществления всякого имущества; отсюда вытекало отрицание частной собственности и брака. Он учит, что наслаждение есть основная цель человеческой жизни. Приверженцы его применяли эту теорию на практике**. По учению паулицианов, низший бог, Демиург, создал нашу землю, тогда как Отец неба создал Верхний Иерусалим. Этот высший Бог послал на землю Христа, телесность которого была лишь мнимая. Смерть его, таким образом, не была настоящей смертью, а крест является не знаком искупления, а проклятия и хитрости Демиурга, которого они отождествляют с сатаной. Отсюда — их бесконечное пренебрежение к кресту. По тем же соображениям они несколько не отказывались «от запрещения райского плода», под которым понимали половое общение; совершенно напротив — в этом акте они видели освобождение от тиранического господства сатаны***. Каиниты учили, что человек должен пройти все ступени человеческого порока с тем, чтобы достигнуть конечной цели. По их теории, каждый порок имеет своего ангела, которого призывают в момент совершения соответствующего акта****.

Аналогично было учение катаров. И они признавали высшее и низшее божество, счита-

* Opera omnia. Mentis complementum, § 26.

** Dankmar, Ketzertum und Hexerei in ihrem kultur-historischen Zusammenhange, Uebersinnliche Welt, VII Jahrgang, 1899, Heft 2—9, S. 50.

*** Dankmar, a. a. O., S. 49/50.

**** Gruber, Die Ophiten, Würzburg 1864, S. 160.

ли смерть Христа одной только видимостью; крест и для них является признаком позора. Они отрицали свободу воли, а земную жизнь считали своего рода испытанием, после которого человек вступает в высший мир, но лишь в том случае, если он вел на земле совершенный образ жизни. Под совершенным образом жизни они понимали половое воздержание, отрицание причастия, клятвы, светской власти. У них не было обычая крестить детей; они крестили обыкновенно взрослых, причем духовным или огненным крещением. Те из них, которые не приняли еще *consolamentum*, назывались *credentes* — верующие, все прочие — *perfecti* — совершенные, посвященные. К посвященным они предъявляли самые строгие требования. Плотские наслаждения и всякие иные радости жизни были им абсолютно запрещены. Это было страшно обременительно для них, тем более, что посвященные-то сами не знали, насколько им удастся противостоять всяким соблазнам. Но вот найден был выход: сектанты начали принимать огненное крещение на закате дней своих, лежа уже на смертном одре. Этим они, конечно, обеспечивали себе «самую благочестивую кончину». Но подобный обычай повлек за собою неприятные последствия двоякого рода. Во-первых: «верующие» удовлетворяли всем своим потребностям, не отказывая себе решительно ни в чем; ведь они знали, что последний день их жизни, день святого крещения, принесет им искупление от всех грехов. Во-вторых: тяжело больной, чувствующий приближение смерти, принимал обыкновенно крещение и таким образом переходил в разряд «посвященных»; но, оставаясь жить, он не чувствовал в себе достаточно сил следовать тому строгому режиму, который был обязателен для «посвященных». Поэтому он предпочитал умереть с голоду, чем нарушить раз данную клятву*. Все это дало повод представителям церкви узреть здесь влияние сатаны. В результате произошло то, что секта катаров, которая действительно была безукоризненно чиста, навлекла на себя подозрение в том, что она приносит половые жертвы дьяволу.

* Dankmar. a. a. O., S. 52/54.

Подобных обвинений не избежал и орден тамплиеров. По крайней мере, один из тайных союзов, существовавших в нем, подвергся самому решительному преследованию за какой-то «гнусный» обряд, который совершался в тайных собраниях его. Инквизиторы, пожелавшие во что бы то ни стало уничтожить этот орден, построили против него обвинение весьма искусно: они связали идею отрицания Христа (в чем вполне сознавались некоторые тамплиеры) с фактом существования у них различных «гнусных обрядов»; в результате такой комбинации получился, конечно, культ, насквозь проникнутый половым моментом. Правда, половое общение между членами тайного союза вполне допускалось орденскими властями; но в этом проявилась известная степень свободы, которую власти хотели предоставить своим членам. Говоря о допустимости полового общения со своими товарищами, тамплиеры нередко прибавляют такие выражения: «если вы не в состоянии владеть собою» или «с тем, чтобы выдержать эту невозможную палестинскую жару» (кстати сказать, довольно странное оправдание) или «это гораздо лучше для престижа ордена, чем вступать в связь с женщинами» и т. д. Отсюда ясно, что эту свободу нельзя смешивать с ритуалом «*consolatis*». Этот ритуал заключается в том, что новичок должен был поцеловать тамплиера, совершавшего акт посвящения, в рот, пуп и половой член. Что касается этих поцелуев, то здесь показания тамплиеров совершенно расходятся: одни говорили, что они ни от кого подобных поцелуев не получали, другие же утверждали как раз обратное. Вообще в показаниях тамплиеров замечаются самые вопиющие противоречия. Это объясняется, вероятно, тем, что «тайные статуты», на которые ссылались обвиняемые, давали председателю капитула право в каждом данном случае изменять обряд посвящения по своему усмотрению. Правда, в устах тамплиеров все половые акты, совершенные ими, приобретали какой-то религиозный и вместе с тем оккультный характер; я же лично склонен думать, что все эти акты совершались для того, чтобы обязать новичков к абсолютному молчанию. На это указывают некоторые места из «тайных статутов».

В абзаце 11—13 мы находим относительно обряда посвящения следующее: «В назначенный час ночи собираются все братья, опоясанные орденским поясом. После прочтения псалма: «Как прекрасны...» начинается самый обряд посвящения. Прежде всего оглашаются все данные, которые имеются насчет личности новообращенного. После голосования, которое решает вопрос о принятии в число членов ордена, новообращенный уводится в сопровождении двух свидетелей во главе с председателем в капитул. Там он дает устную и письменную клятву, под страхом пожизненного заключения или даже смерти, хранить строжайшее молчание относительно всего того, что он видел в стенах орденового здания. Затем его раздевают и подводят к двери. Там же или где-нибудь за алтарем раздеваются оба свидетеля, которых новообращенный должен поцеловать в рот, пуп и член. Если же кандидат откажется это сделать или произнесет при этом нечто непристойное, то его следует отвести в кухню или погреб и совершить уже там над ним мнимый обряд посвящения. Только тот человек, который спокойно и серьезно относится к этому обряду, удостоивается того, что перед ним открываются двери капитула, только он допускается к обряду истинного посвящения. Председатель, оба свидетеля и кандидат входят в капитул; кандидат запекает псалом: «Да восстанет Бог, да рассеются враги его...», который подхватывают все присутствующие братья. После этого новообращенный становится на колени перед председателем; правая рука его лежит на груди, левая же обращена к небу. Далее он дает торжественную клятву хранить нерушимое, вечное молчание относительно всего того, что видел в капитуле и читал в тайных статутах. Он клянется в том, что верит в Творца и Его Сына, который никогда не умирал и не может умереть, который никогда не страдал, не был распят и никогда не воскресал. Великий гнев Божий он призывает на светских тиранов, на синагогу Антихриста, на Новый Вавилон, т. е. Рим, торжество которого предсказывал еще Иоанн. После этого все тамплиеры бросают на пол свои кресты, топчут их ногами и плюют на них. То же самое должен

проделать и новообращенный; с этой целью ему дают в руки деревянный крест. Совершив этот последний акт обряда, новообращенный, наконец, принимается в число избранных».

Церемония крещения, описанная в третьем отрывке «тайных статутів», в *liber consolamenti*, также не содержит никаких указаний на то, что половые акты совершаются с оккультной целью. Закон требует лишь соблюдения строжайшего молчания, верности и беспрекословного повиновения; кроме того, он предписывает тамплиеру, совершающему акт посвящения, «отпустить новообращенному все его грехи, освободить его от законов, обычаев и заветов Нового Вавилона». Далее перед новообращенным произносят три заповеди: одну — Моисея, другую — «Сына Марии, имя которого Иисус»; вместе с тем новообращенный надевает кольцо «в знак вечного единения с Богом, истиной и братьями», после чего прочитывается третья и последняя заповедь — заповедь Бафомета. Как видно из содержания молитвы, Бафомет — это не кто иной, как Магомет. После прочтения последней заповеди идол Бафомета, сделанный из дерева, а, по иным источникам, из металла, совершенно обнажается; при этом все тамплиеры восклицают: «Ja — Allah», что значит: «Сияние Бога». — «Далее каждый в отдельности подходит к тамплиеру, совершающему обряд посвящения, целует идол и трогает его своим поясом. При этом главный тамплиер берет руки новообращенного, подымает их кверху и восклицает: «Хвала сыну человека, хвала Господу Богу. Смотрите, братья: вот перед вами человек, восплававший дружескими чувствами к Богу; он будет говорить с Богом всякий раз, когда этого захочет. Вознесите благодарность Всевышнему, ибо Он исполнил все ваши желания и повел вас туда, куда вы хотели. Пусть божественное сияние пребывает в душе и сердце каждого из нас». Тем временем новообращенный отпускается, а тамплиеры начинают петь хвалу мудрости (*Sirach*, Cap. 24).

Как видно из приведенного отрывка, либеральные идеи, а, пожалуй, и более свободные нравы пустили самые глубокие корни в ордене тамплиеров. Эти идеи всецело покоятся на от-

рицании церковной догматики. Наличие подобных идей объясняется близостью тамплиеров к сарацинам и катарам, у которых они заимствовали некоторые церемонии, вроде опоясания, отречения от Рима и т. д. Вполне возможно, что строгие правила, предписанные тамплиерам относительно прекрасного пола, были значительно умерены под влиянием сарацинов, допускавших половые акты и всевозможные эротические связи. С этих пор мы даже замечаем какое-то особенно снисходительное отношение к половым излишествам; но тут же следует заметить, что орден тамплиеров ко всему этому совершенно не причастен. Правда, со всеми этими фактами мы встречаемся в ордене тамплиеров, но они вовсе не являются особыми формами религиозного культа или отрицанием обрядов официальной церкви. Ведь сами-то «тайные статуты» говорят, что отрицание символа креста еще не означает отрицания божественности Христа.

Конечно, v. Hammer-Purgstall придерживается противоположного взгляда. Он ссылается на различные надписи и изречения, найденные им и Mignard'ом на развалинах храма тамплиеров. В своих трудах по этому вопросу: «Mysterium Baffometis revalatum» и «Die Schuld der Tempel» он высказывается в том смысле, что тайное учение тамплиеров носило офитический характер. К этому выводу он пришел на основании различных рисунков, изображающих таинство огненного крещения. На одном из этих рисунков был изображен голый неопит, лежащий на горячем, пылающем костре. Hammer утверждает, что это символическое изображение указывает на педерастические мистерии. Он приводит также одну арабскую надпись, найденную им на каком-то шкафу: «Наш род ведет свое происхождение от огня Св. ...» Вместе с тем он говорит: «Под «просветлением» следует понимать не что иное, как половое общение; благодаря сладострастному влечению посвященные становятся просветленными, крещеными. «Быть крещеным» значит вместе с тем «быть просветленным»; это весьма легко доказать, как полагают мученик Юстин и другие отцы церкви. Офиты же под актом просветления разумели половой акт;

этим-то объясняется тот грязный разврат, которым сопровождалось огненное или духовное крещение»*. У Dankmar'a** мы по этому же поводу читаем следующее: «В системе офитов играет весьма значительную роль также и дитя Святого Духа; оно именуется Метом и представлено в виде существа, среднего между мужчиной и женщиной. Имя Мета, которое имеет нечто общее с именем Бафомет, было впервые раскрыто v. Hammer'ом по одной арабской надписи, найденной им где-то на утвари тамплиеров; там же он нашел андрогиническое изображение Мета. В руках своих Мет держит цепь, которая является символом производительной силы божества; над головой его распространяется сияние солнца и блеск луны; в ногах находится треножник друидов, звезда и мертвая голова. В другом месте была найдена картина, на которой изображен Мет, принимающий поцелуй благоговения от своих поклонников. Из всего этого видно, что идол тамплиеров представлял из себя низшее божество, дарующее жизнь и земные блага. Если согласиться с v. Hammer'ом, что символ веры позаимствован тамплиерами у офитов, тогда последовательно будет также заключить, что половое общение между мужчинами является одной из основных заповедей тайного учения тамплиеров».

Согласно учению офитов все зло в мире воплощено в двух образах: в лице сына Софии, Ялдабаофа, четвертого по счету среди восьми богов, и в лице могущественного Творца материального мира, Самаэля, который является символом змеи—родоначальницы всех злых духов. Подобно паулицианской (тоже гностической) секте, они полагали, что мир наш управляется законами низшего божества, Ялдабаофа, а потому всякое нарушение этих законов является актом эмансипации от этого божества. Отсюда ясно, что все безнравственное и противоестественное казалось им высшей мистерией человеческой страсти. Двусмысленный завет «познай себя» был истолкован таким образом, что каждый человек

* Mines de l'Orient (Wien 1818), I. Bd., Mysterium Baffometis revalatum, pag. 52.

** Dankmar, Ketzertum und Hexerei, S. 218—21.

должен подробно ознакомиться с различными явлениями своей собственной физической природы. Змея, как символ зла, служила им руководительницей по пути к истинному познанию. Ведь офитические общества имели у себя прирученных змей. То же самое мы видим и на картинах тамплиеров: акт огненного крещения изображен рядом со змеей и офитической «сгux truncata». Этот «крест» фигурировал в двух различных ролях: во-первых, он служил ключом всякого познания, во-вторых — символом фаллуса. В последнем именно смысле крест являлся предметом почитания со стороны офитов, особенно перед «половыми оргиями»; эти оргии были своего рода торжеством, триумфом. Дело в том, что совершенное исцеление человека и достижение абсолютного познания происходит, по мнению офитов, путем отречения от всех тех радостей, виновником которых является Ялдабаоф; но для того, чтобы подавить в себе все плотские вожеления, необходимо вкусить и испытать их; вполне естественно поэтому, что офиты допускали всевозможнейшие формы разврата вплоть до содомии и скотоложества. Изображение подобной оргии в Hammer нашел среди своих раскопок.

Но ко всем этим раскопкам следует относиться с чрезвычайной осторожностью. Придавая им серьезную доказательную силу, мы тем самым рискуем впасть в противоречие, как с общим духом «тайных статутов», так и с показаниями отдельных тамплиеров. Ведь совершенно непонятно, почему тамплиеры так единодушно и настойчиво отрицали гомосексуальный момент; а ведь необходимо заметить, что свои показания они давали совершенно свободно, нисколько не запираясь. Остается один выход: необходимо предположить, что в пределах тайного союза существовал другой тайный союз, который придерживался самых крайних взглядов. К нему, естественно, принадлежали высшие слои тамплиеров; в их распоряжении находились все идолы, украшенные различными символическими знаками. Итак, если гомосексуализм, действительно, практиковался в ордене тамплиеров, то, во всяком случае, в самом тесном кругу избранников; масса же оставалась совершенно непричастной

к этому акту. Ей необходимо было пройти известный искус, сильно окрашенный в сексуальный цвет; но этот искус был лишен какого бы то ни было характера культа.

И все же союзы людей, пораженных каким-нибудь половым дефектом, несомненно существовали; акты их извращенной сексуальности являлись знаком почитания сатаны. В их воображении сатана далеко не тот дьявол с высокими рогами и длинным хвостом, каким представляют себе его все люди. По их мнению, он — воплощение «возвышенного духа, великий витязь мира». Описание подобного союза мы находим в «Song of the Devils Own» — произведении, приписываемом Оскару Уайльду. Эта чрезвычайно поэтическая книга посвящена оккультизму и культу дьявола, столь распространенному среди английских гомосексуалистов. Очень может быть, что об этом именно союзе говорит Benedict Friedlaender*, утверждая, что в Америке существует тайная организация, которая стремится к освобождению от гнета pruderie. В отказе от всех земных благ она черпает уверенность в будущей победе. В нее входят всевозможнейшие сторонники мужской культуры и прежде всего, конечно, гомосексуалисты.

Но и так называемая нормальная эротика очень часто приводит к возникновению различных сект. Это мы видим на примере адамистской секты тюрлюнэнов, пользовавшейся большой популярностью в XIV веке в Савоие, а отчасти и в Париже. Они ходили то совершенно голые, то одетые, хотя и в последнем случае они обнажали свои половые органы, в которых видели исключительный дар небес. Кроме того, они совершали половые акты самым открытым образом. Инквизиция подавила эту секту самым решительным образом. Такая же участь постигла и секту пикардцев, основанную одним пикардским крестьянином. Последний называл себя сыном Божиим, посланным на землю с возвышенной миссией восстановить естественный порядок вещей. По его мнению, порядок будет достигнут лишь в том случае, если все люди будут ходить

* Mitteilungen des Bundes für männliche Kultur. Jahrg. II, Nr. 3, Mai 1908, S. 44.

голые и половое общение будет вполне свободно. Тем не менее основатель секты удержал за собою некоторое право надзора. Как-то раз один из сектантов почувствовал влечение к какой-то женщине; он обратился к своему учителю со словами «моя душа загорается при виде этой женщины»; это заявление нашло живейший отклик в душе учителя; он разрешил колебания своего ученика словами Ветхого Завета «плодитесь и множайтесь». Изгнанные инквизицией из Франции, пикардцы направились в Богемию, где и осели на равнине вблизи лагеря Циска. Там они совершили колоссальный разбойничий набег, за который поплатились жизнью; Циска оставил в живых только двух пикардцев с тем, чтобы узнать от них основные принципы их вероучения*. Резко выраженным эротическим характером отличалась и секта *Вонjour'a*, основанная им в эпоху Великой французской революции. То же самое мы наблюдаем и в апостольстве *David'a*, этого итальянского «пророка», который, напр., стяжал себе громкую известность своими манифестами к правительству. Как верно замечает *Witry***, доктрины современной мессиады насквозь проникнуты эротикой: их пророки — явные психопаты. Тот же характер наблюдается и в польской секте мариавитов, в которой Мария Франциска Козловская является новым воплощением Матери Божьей. Этот «эротический дух» очень недавно послужил причиной крупного скандала в среде упомянутой секты.

Положение дел гораздо сложнее, чем это могло казаться. Дело в том, что культ пола может родиться и чисто метафизическим путем. Крупный интерес в этом отношении представляет учение, выдвинутое *Ebel'em*, основателем первого пиэтического общества в Кенигсберге. Человек чрезвычайно мягкий и склонный к мечтательности, *Ebel* состоял адьюнктом кенигсбергской церкви, познакомился с теософическими теориями некоего *Schönherr'a*; заметим мимоходом, что этот *Schönherr* сам называл себя параклетом. Свои

идеи «параклет» распространял в кругу ремесленников и мелкой буржуазии; но те же мысли можно было услышать из уст *Ebel'я*, который преподносил их кенигсбергскому дворянству с высоты своей церковной кафедры. Этому человеку страшно везло в жизни. Ему удалось как-то утешить графиню *v. Gröben*, дочь прусского наместника, сильно скорбевшую по поводу потери своего мужа; он пал на поле битвы во время освободительных войн. *Ebel'ю* сразу улыбнулось счастье. Из адьюнкта кенигсбергской церкви он был возведен в сан диакона, а затем и архидиакона. Он был принят в высшем кенигсбергском обществе. Своим пламенным красноречием ему удалось овладеть вниманием этой аудитории, состоявшей из высокопоставленных лиц. С большой страстностью и одушевлением проповедывал он глубокие тайны своего учения (строго говоря, то было учение, заимствованное *Ebel'em* у «параклета»). Но вот случилось, наконец, то, что было вполне естественно при подобных обстоятельствах. Одна из поклонниц *Ebel'я* узрела вдруг в нем «представителя святого, божественного начала во вселенной, совершеннейшего человека в возродившейся, новой природе его», словом, она решила, что *Ebel* — «совершенный Христос». Дело, естественно, дошло до того, что внутри самой церкви возник тесный религиозный кружок. Придать делу более широкие размеры было и нежелательно, и опасно, как для *Ebel'я*, так и для его сторонников.

Самый подробный разбор теории *Ebel'я* мы находим у профессора *Sachs'a*. Являясь горячим сторонником *Ebel'я* и находясь в самых интимных отношениях с ним, он был знаком с его теорией до мельчайших подробностей. Впоследствии, правда, *Sachs* изменил свое отношение к *Ebel'ю*: из ревностного сторонника он превратился в самого горячего противника. Чем объяснить подобную метаморфозу, трудно сказать. Очень может быть, что *Sachs*, заняв профессорскую кафедру в кенигсбергском университете благодаря содействию *Ebel'я* и его друзей, счел наиболее разумным держаться вдали от этой секты, тем более, что прежний клерикально настроенный прусский наместник *Auerswald* был сменен *v. Schön'ом*, человеком

* Stall, a. a. O., S. 705/06.

** Witry, Theodor, Historisch — Pathologisches über die Pseudomessiasse der Vergangenheit und Gegenwart.

самых либеральных взглядов. Но более правильным нам представляется предположение Dixon'a*. Он говорит: «На вид Sachs был весьма изящный молодой человек; с внутренней же природой его Ebel'ю удалось познакомиться лишь впоследствии. Всмотриваясь в нежное девичье лицо Sachs'a, Ebel вдруг пришел к заключению, что в этом лице он видит скорее отражение воды, чем света. Обстоятельство это чрезвычайно понравилось Ebel'ю, тем более, что он в то время носился с мыслью о последовательном развитии полового начала в человеке. По его мнению, наличная сексуальность человека является далеко еще не законченной; она представляет из себя определенную стадию бесконечного процесса развития. Надо полагать, что Sachs произвел глубокое впечатление на Ebel'я тем, что он вмещал в себе дуалистические принципы его теории. Ebel очень широко использовал свое знакомство с Sachs'ом; но и Sachs в этом отношении не отставал от Ebel'я». В последних словах Dixon'a мы видим явное указание на эротические отношения, существовавшие между Ebel'ем и Sachs'ом. Факт этот подтверждается «показаниями», которые Sachs, как член кружка графини v. Kanitz, дал перед судом. В своей книге «Darstellung der pietistischen Umtriebe in Königsberg» он говорит: «Я вижу одно: судье были выданы не все бумаги, а лишь некоторые. Если бы до суда дошли все те показания, которые я изложил письменно, то он нашел бы в них очень много сомнительных данных относительно личности Ebel'я; в его поступках он, пожалуй, раскрыл бы самое гнусное мошенничество!» Но все эти «показания» имели непосредственное и исключительное отношение к сексуальной сфере.

Половой момент занимал центральное место в религиозной системе Ebel'я. По этому поводу мы читаем у Sachs'a следующее: «Говоря о себе, Ebel иногда высказывал такую мысль: я ни в коем случае не мог бы знать, как создан мир, если бы сам не был при этом». Как уже было упомянуто, Ebel воплощал в себе Христа, но вместе с тем он являлся прямой

противоположностью Христу Назарейнину, который в силу непорочного зачатия был лишь отчасти человеком. Христос Назарейнин — это идеальный Сын человека, отвергший порочность человеческой природы и запечатлевший в себе чистоту и святость возвышенного духа. «Но какова миссия этого безгрешного, святого человека? Что ему делать? Как он должен проявить свою божественную природу? Это все вопросы совершенно особого характера. Впрочем, таких вопросов вовсе быть не может. Ибо что еще может сделать святой и непорочный человек, как не очищать или озарять лучами своей святости всех прочих людей? Какова может быть его миссия, как не озарение и святость? Ведь нам достаточно знать основные принципы той научной системы, которую исповедует данный человек, для того, чтобы несколько не сомневаться относительно тех целей и задач, которые ставит себе этот человек. Все зло на земле — от дьявола. Он ввел в искушение второе (женское) изначальное существо, мрак, воду и таким образом окончательно устранил влияние первого (мужского) изначального существа, огня, света; (каким же образом явился дьявол? что его искусило? — таких вопросов человек вовсе и не ставит себе; в лучшем случае, он удовлетворяется обычным ответом: высокомерие — искусило его; человек всегда почерпает из себя ответ, когда ему это необходимо; но обратите внимание на смысл этих слов: почерпает *из себя*!). Итак, все зло произошло оттого, что на женщину снизошло дьявольское наваждение в лице мужчины; спасение лежит лишь в том, что божественное влияние мужчины дает женщине святость и чистоту. Таковы теоретические основы учения Ebel'я; практические последствия его напрашиваются как бы сами собой. Прежде всего необходимо оставить мысль, будто святой и непорочный Ebel призван был озарять светом своей чистоты всех женщин без исключения; свое влияние он распространял преимущественно на женщин, отличавшихся какими-нибудь выдающимися качествами своей природы. Таких женщин найти было не особенно трудно. Они большей частью шли навстречу ему и объединились в тесный кружок, цент-

* Seelenbräute, deutsch von Frese, Berlin 1868, I 140/41.

ральной фигурой которого являлся Ebel. Здесь обращают на себя наше исключительное внимание три выдающиеся женщины, на которых покоились широкая популярность и колоссальное влияние Ebel'я: г-жа v. Gröben—супруга его, олицетворявшая природу света, девушка Emilie v. Schrötter—вторая супруга его, олицетворявшая природу мрака, и, наконец, третья доверенная супруга его, которая являлась символом постижения (последнее выражение представляется нам особенно многозначительным; оно обыкновенно вырuchало Ebel'я в тех случаях, когда он никаких здоровых понятий в своей голове не находил). Однако Ebel несколько не брезгал и другими женщинами, которые хоть сколько-нибудь нуждались в святости и чистоте его; всех их он удерживал при себе. Таковы, например, были: графиня v. Kanitz (урожденная v. Dersebau), Maria Consentius и многие другие. Характер этих актов, с помощью которых женщина приобщалась к святости и непорочности, также не представлял собою чего-либо особенно сложного: во-первых, он должен был совершаться человеком абсолютно святым и непорочным, а во-вторых, объектом этого акта должен быть человек, жаждущий святости и чистоты. Способ же совершения этого акта должен быть тот, который предуказан изначально природой. Но природа указала нам один только путь—путь половой; что касается очищения, то оно выражается в свободном и ясном сознании. Таким образом, акты эти, по природе своей половые, должны были сопровождаться различными разговорами, ибо они только свидетельствуют о наличии свободного и ясного сознания у человека. Но половой момент не следует доводить до акта зачатия, так как цель этого обряда заключалась не в зачатии, а в очищении человека от скверны земной. Словом—до момента зачатия—не дальше. Само собой понятно, что к этому акту допускались далеко не все женщины, посвященные в тайны религиозного учения; от них требовалось, прежде всего, ясное и отчетливое представление о всех тех грехах и половых искушениях, которым они были подвержены. Кроме того, им предписывалась абсолютная

покорность и полнейшая независимость во всех своих проявлениях. Далее, не менее понятно было и то, что в этих актах не могли участвовать старухи, так как они окончательно утратили специфические отличия своей половой организации, которые никакими средствами восстановить нельзя. Мало того. Самую идею существования подобных актов скрывали от них тщательнейшим образом, так как они, по мнению Ebel'я, все равно ничего не смыслят в них*.

Итак, если святой и непорочный Ebel' озарял светом своей чистоты второй изначальный элемент, т. е. женщину, в которую вселился первородный грех земли, если этот обряд очищения протекал в форме постепенно усиливающихся половых актов, доходящих иногда до момента зачатия, то невольно возникает вопрос: как поступал Ebel с мужчинами? Прямой ответ на этот вопрос будет таков: Ebel посвящал их в тайны своего учения; он заставлял их проникнуться той мыслью, что они произошли от второго изначального элемента, проникнутого смертным грехом, уверял их, что этот грех они субстанциально носят в себе; он бранил, жестоко бранил их, но вместе с тем умел и польстить им, и приободрить их, и вселить в них веру в свои собственные силы. Характернее всего было то, что Ebel, действительно, очень мало общего имел с мужчинами; истинными руководителями их являлись женщины. Ebel сразу понял, что мужчины представляют для него серьезную опасность; для того, чтобы предотвратить ее, он выдвинул такой принцип: здесь нет ни женщин, ни мужчин; основным началом является христианское смирение и глубокое познание; кто в этом отношении успел особенно много, тот может быть настоящим руководителем и наставником людей мало сведущих и неопытных; человек, который чувствует в себе благородные, бескорыстные порывы к постижению христианской идеи, должен во всем подчиниться такому наставнику, будь он мужчина или женщина...

* Sachs, a. a. O., S. 282—284.

Итак, Ebel'em был провозглашен принцип подчинения, который в конечном итоге приводит к безропотному смирению; а это-то именно было особенно важно для него. Возражение, что подобная роль женщин вселяла в них необычайное высокомерие, лишено было всякого основания, так как эти женщины в силу своей предшествовавшей жизни отличались глубоким смирением, но раз дело было поставлено так, раз мужчинам приходилось исповедываться перед женщинами в глубочайшей испорченности и развращенности своей, то уже нетрудно себе представить, каковы были последствия подобного положения вещей. Между мужчинами и женщинами возникали такие отношения, которые резко игнорировали элементарные заветы человеческой природы, которые несколько не считались с чувством стыда и человеческой порядочности. Но сюда присоединилась еще одна черта. Так как эти отношения были глубоко противоестественны и резко противоречили всем разумным законам человеческой природы, то отсюда делали тот вывод, что эти отношения знаменуют собою новый порядок вещей, новые устои человеческого бытия. Чем решительнее и смелее шел человек в этом направлении, чем бесстыдней и откровенней звучала его исповедь, тем выше стоял он в глазах других людей, тем больше святости и чистоты приписывалось ему. Все стыдливое и застенчивое возбуждало глубокое неудовольствие; люди сосредоточивали все свое внимание на самых бесстыдных и извращенных переживаниях своей преступной природы. В закрытых заседаниях своего кружка, которые происходили у графини Иды в замке или у графини v. Kanitz в самом городе, они нередко испытывали стойкость и силу сопротивления мужчин; с этой целью в собрание являлась обыкновенно красивая женщина с обнаженной рукой и ногой. Этим самым они хотят дать собранию живой образчик тех соблазнов, которыми сатана искушает человека. В пламенной страсти, рожденной видом этой женщины, очищается и закаляется дух благочестивых. Как далеко заходило дело в этом направлении, в точности неизвестно. Когда скандал, наконец, прорвался наружу, все они

единодушно заявили, что соблазнительная внешность несколько не смущает их, так как именно в этом лежит успех того процесса, который направлен на очищение человека от скверны земной*. Впрочем, вопрос о том, как далеко простирался процесс «очищения», лишен для нас всякого интереса. Если даже предположить, что дело не шло дальше обыкновенной наготы и поцелуя, то все же мы знаем, что в учении Ebel'я есть один тезис, в силу которого даже coitus считается божественным актом**. Но все эти эротические эксцессы и половые акты имели значение лишь постольку, поскольку они вели человека к преддвериям святости и чистоты, а в таком случае им следует приписать и оккультное значение. Даже тот человек, который не в состоянии был свергнуть с себя первородный грех, находит себе извинение в том, что жизнь заставила его «смириться перед самим собой, уверовать в страшную глубину своей греховности; что он пришел к твердому убеждению в необходимости начать все сызнова».

Но если кенигсбергские ханжи думали достигнуть оккультного «очищения» путем бесконечного числа половых актов, не исключавших всевозможные «исповеди» и «испытания», то Heinrich Prince, основатель «убежища любви» в Англии, видел в одном только половом акте освобождение человеческой плоти от разрушительного действия смерти, божественное воскресение бренного тела***. Занимаясь сперва хирургией, он вскоре оставил медицину для того, чтобы променять ее на священническую рясу. Он отличался какой-то исключительной женственностью. Его первая жена, Martha Freeman, была первой учительницей и «вдохновительницей» его. Она была уже довольно стара, когда он женился на ней. И его вторая жена была значительно старше его. Кроме Марты, глубокое влияние имели на него произведения немецкого мистика Tersteegen'a. С глубокой страстностью усвоил он основную идею этого мистика о претворении человека в Бога; он истолковал эту идею в том смысле, что чело-

* Dixon, a. a. O., I, S. 157.

** Sachs, a. a. O., S. 322.

*** Dixon, a. a. O., S. 273.

век составляет единство с Богом не только в духовном отношении, но и в плотском. Прямым результатом подобного взгляда явилось то, что Prince самым решительным образом подавлял всякое самосознание. Он отказывался от всяких размышлений по поводу самых обыденных вещей; он подчинялся лишь внушению духа, которое, по его словам, озаряло его в моменты горячей, проникновенной молитвы. Наконец, Heinrich Prince предстал перед нами в виде человека, «распятого и телом, и духом; все, что осталось от прежнего студента теологии, было лишь видимое воплощение божественного духа. Совершенно правильно заметил он Dixon'у: «Вы видите во мне бесконечную могучую любовь Всемогущего. Вглядитесь в меня и вы увидите, что плотью своею я одно с Христом. Святой дух подавил во мне дьявола. Я умер и духом вновь возродился, чтобы творить дело Божие... Цели Божии исполнены: нет больше страданий, нет больше и смерти. Величественно воспарила и вознеслась вся вселенная. Иисус пришел на землю, чтобы подавить происки дьявола в душе человека; я пришел для того, чтобы сделать то же самое с человеческой плотью. Все это исполнено не во мраке ночи, не в тайных пещерах, а путями Господа, в радостное, светлое время, благословенное Богом. В царственном откровении любви Бог примирился с человеком; плоть обрела ту вечную свободу, которую обрела в свое время и душа».

Чтобы завершить великое дело примирения Бога с падшим человеческим существом, Prince объявил, что он, служитель Бога, человек, убивший в себе плоть и возродившийся к новой жизни духа, снова навлекает на себя брешную плоть с тем, чтобы во плоти Бог познал человека и человек — Бога. Это принесет спасение смертным; человек очистится от греха, на него снизойдет милость неба и откровение своего единства с Богом. Для всего этого необходима девственница, невеста агнца, молодая, прекрасная, непорочная... Эту девственницу он во имя Бога возьмет себе в жены, но без всякого чувства стыда и без желания скрыть это. Нет! при ярком, ослепительном блеске лучезарного утра он возьмет ее; все

святые будут свидетелями его брака. Он должен взять ее — такова воля Божья; он сделает это, никого не спрося; меньше всего он намерен считаться с волей избранницы. Кого он возьмет — он не сказал. Пусть все девушки будут наготове: никто не может знать, когда придет жених. Он поцелует ее и крепко прижмет к себе, так что божественный дух сольется с земной радостью и воцарится единство духа и плоти».

Наконец, был назначен день для совершения искупления. При торжественных звуках духовных песен собралась вся община и перед нею выступил «возлюбленный» (так члены общины называли Prince), снова возвещая о великих путях Господа. «Мир, — сказал он, — обрел искупление только в духовном отношении; земля же до сих пор не знает спасения. Евангелие сделало душу бессмертной, над человеческой же плотью все еще тяготеет проклятие. Настало время изгнать дьявола и передать землю в руки Господа. Свет и мрак сочетаются божественным браком, небо и земля взойдут в бесконечной любви друг к другу. Новые небеса разостлались над нами; мы должны создать и новую землю, которая по красоте и великолепию своему напомнила бы новое небо. Дух воплотился во мне, возлюбленном!» — При этих словах он взял за руку мисс Paterson, одну из сестер общины, крепко прижал ее к себе и в присутствии многочисленных свидетелей совершил с ней половой акт, который в данном случае носил ярко выраженный оккультный характер.

Dixon, побывавший в «убежище любви» и посетивший самого Prince, как и многочисленных поклонников его, не может достаточно подивиться тому, что все они вполне равнодушно относятся к половому акту и не видят в этом процессе ничего отталкивающего. Он никак не может понять «сестру Ellen», которая в ответ на все его вопросы говорит: «Вы плакали бы горячими, кровавыми слезами, если бы видели, как неизмеримо страдал этот человек, этот чувствительнейший человек, взваливший на себя жестокое бремя страданий за всех нас». Для самого Prince, как и для сторонников его, половой акт являлся

жертвой, правда, довольно чувствительной и болезненной. Это была та же жертва, которую приносили финикийские женщины Мелиты, отдаваясь каждому гостю.

Итак, половой акт, отвергнутый всеми религиозными системами, как средство удовлетворения человеческого сладострастия, вновь получает доступ в религиозный культ под видом божественного, святого действия. При таких обстоятельствах этот акт является

символом, символом единства человека с изначальной вечной силой. Проникновение какой-то неизъяснимой силы, которое бессознательно проявляется в отношениях двух людей, горячо любящих друг друга, здесь выступает перед нами в ясной, сознательной форме. И этот процесс, насколько он лишен всяких преувеличений, несомненно, знаменует собою шаг вперед в человеческом развитии.

ПОЛОВАЯ МАГИЯ

Этическое начало сказывается в магии еще сильнее, чем в мистике. Мало того — эта сфера оккультизма находится под исключительным господством эротики. Рядом с чарами любви мы встречаем всевозможные комбинации половых чар. Колдовство, направленное к расторжению брачных уз, имеет своей противоположностью различные средства, способствующие повышению половой потенции человека. Ворожбе с помощью изображения возлюбленного или соперницы с целью вызвать любовное возбуждение противопоставляется ужасная манипуляция, несущая с собою гибель человеческих чувств, а иногда и полнейшую смерть. Одно приходится тут же отметить: каковы бы ни были всевозможные магические операции, все они ближайшим образом касаются половой сферы. Участие сексуального момента рассматривается, как вернейший залог успеха предпринимаемых мер; особенно верно это в применении к определенной категории мантических действий. Там же, где половой момент вторгается в качестве препятствующего начала, он всячески изгоняется.

В сфере любовных чар мы различаем три группы средств, применяемых для достижения определенного эффекта. К первой группе относятся внушение, ко второй — различные органические субстанции, иными словами, речь идет об известных соединениях, вызывающих оккультные явления, в третью группу входят самые разнообразные возбуждающие средства. Первая группа, естественно, является наиболее распространенной. Об этом свидетельствует множество фактов.

Римляне полагали, что пепел гардуна, приложенный к левой руке, сильно повышает половое влечение; но оно, напротив, значительно умеряется, если тот же пепел приложить к пра-

вой руке. Кровинка летучей мыши, находящаяся под подушкой женщины, вызывает в последней страстное половое влечение*.

Померанец еще в настоящее время глубоко верит в чудодейственную силу, заключенную в крови летучей мыши, а в Штирии девушка кладет своему возлюбленному в вино сердечко летучей мыши**. Южная славянка обмакивает панталоны своего возлюбленного в крови летучей мыши или угощает его конфетами, пропитанными этой кровью. Далее, она нередко дает ему зажаренные внутренности этого животного и часто носит под левой мышкой летучую мышь с тем, чтобы ее возлюбленной окончательно обезумел от страсти***. Точно так же и узелка пользуется летучей мышью в своих любовных чарах. Поймав мышь, она помещает ее в новенький горшок, мелко продырявленный во многих местах. Сосуд этот зарывается в глубокий муравейник. Муравьи с жадностью набрасываются на предлагаемую пищу, и когда от мыши остаются одни только косточки, девушка откапывает горшок и разыскивает в нем те косточки, которые наиболее похожи на вилы или грабли. В полночь самландец убивает сову и выбирает в ней кости, имеющие сходство с крючком или лопатой; все прочее он закапывает под кровельным желобом. Узелка привлекает к себе молодого человека «граблями», а «вилами» она отталкивает от себя предмет неприязни своей. Для этой же цели самландец пользуется своей «лопатой». Узелка умеет пользоваться также и менструальной кровью

* Soldan, Geschichte der Hexenprozesse, Stuttgart u. Tübingen, 1893, S. 50.

** Hovorka u. Kornfeld, Vergleichende Volksmedizin, Stuttgart 1908, I 80 u. II 175.

*** Krauss, Liebeszauber der Völker, Anthropophytica III, S. 165/68.

своей. Она вливает обыкновенно в настойку пару капель воды, в которой вымывает свои грязные рубахи, и этой-то настойкой она угощает своего возлюбленного. При этом она тайно причитывает: «Подобно тому, как эта кровь пристала к моей рубахе, пусть сердце твое прильнет ко мне в вечной любви». В Кroatии существует такой обычай: незадолго до Юрьева дня девушка, изловив лягушку, помещает ее в коробку. В крышке делается маленькое отверстие, а сама коробка зарывается в муравейник. Лягушку необходимо закопать еще до того, как она успела хоть раз квакнуть. Ибо человек глохнет, если он слышит кваканье такой лягушки. В ближайшем новолуние лягушка вновь откапывается. Девушка отрывает нижнюю челюсть и незаметно втыкает ее в платье своего возлюбленного. С тех пор этот молодой человек подпадает под самое сильное влияние любовных чар этой девушки.

В Богемии существует поверье, что если расцарапать до крови руку девушки с помощью лапки квакши, пойманной в день св. Луки, то эта девушка загорается безумной страстью к тому человеку, который проделал над ней эту операцию.

Словачки называют орхидею с пальцеобразными клубнями «лапкой Христа». Они глубоко убеждены, что достаточно провести этой орхидеей по голому телу возлюбленного для того, чтобы он оставался верен им навеки.

Очень наивное колдовство мы встречаем у южных славян. Там девушка выкапывает землю, на которой отпечаталась нога ее возлюбленного; эту землю она всыпает в горшок и засаживает туда *calendula officinalis*, которая по-немецки называется также цветком мертвецов, так как ее обыкновенно сажают на могилах; заметим кстати, что этот цветок никогда не вянет. Подобно тому, как этот цветок растет, цветет и никогда не вянет, пусть любовь юноши к девушке расцветет и никогда не отцветает. В противоположность этому поэтическому обычаю я приведу здесь один случай, о котором рассказывает Krauss. Одна крестьянка горячо полюбила молодого человека, стоявшего в общественном отношении значительно выше ее. Желая привлечь его к себе, она в глубокую полночь убивает черную кошку, вырывает из

нее сердце и крошит его на мельчайшие куски. Все это она замесила в пироге, который послала этому господину в качестве угощения к завтраку. Чтобы ожидаемый эффект действительно приключился, этот пирог необходимо было съесть натошак. Но угощение было отвергнуто.— Вообще следует заметить, что средства, необходимые для пробуждения полового инстинкта, извлекаются обыкновенно из животных, отличающихся сильнейшей чувствительностью; у них берутся те именно органы, в которых сосредоточен половой инстинкт, и делается это в такое время, когда чувствительность находится на исключительно высоком уровне. Берется сердце, семя и т. д.

Влияние всех этих веществ, поскольку, конечно, устранена всякая возможность внушения, покоится, вероятно, на тех же принципах, что и Органотерапия Brown Séquard'a. Тут в дряхлеющий организм человека вводится мощночный сок животных, добытый путем многочисленных вытяжек. При всprыскиваниях в местах уколов наблюдается сильное болезненное воспаление. Но несмотря на эти страдания, всprыскивания ведут к полнейшему восстановлению сил и обуславливают собою возврат к молодости. Изобретатель, сам испытавший на себе действие своего средства, не мог нахвалиться им.

К более мягким средствам, возбуждающим любовь, принадлежат анис, ир и т. д. Словацкие девушки влетают в свои косы сухостебельник (*Asplenium Trichomanes* L-особая разновидность папоротника) с тем, чтобы привлечь к себе женихов*.

Папоротник приносит молодому человеку счастье в игре и успех у женщин**.

Плавун (*Lycopodium selago* L), священное растение друидов, служит и словакам в качестве средства для колдовства. Девушки вшивают его целыми пучками в свои платья с тем, чтобы обзавестись возможно большим числом женихов. Но плавун отличается еще одним свойством: он предохраняет*** девушек от несвоевременной беременности.

* Hovorka и Kornfeld, a. a. O., 231, 288, 32 и 160.

** Schindler, a. a. O., 188.

*** Hovorka u. Kornfeld, a. a. O., 50/51.

Деревенские девушки перед тем, как начать танцы, кладут себе в ботинки сухотный корень. При этом они говорят:

*«Брошу тебя в баимачок,
Мой милый коренек;
Спеши ко мне дружок»* *.

Точно так же и молодой человек должен всегда иметь при себе ноготки, завернутые в шелковый фиолетовый платок, если он хочет вызвать к себе любовь девушки. Грондола и колючник, смешанные с красным воском, служат причиной страстного расположения девиц к молодому человеку **.

Вербена (*verbena officinalis* L) является «прекрасным растением для беспокойных супругов». Никто не устоит перед любовью к человеку, намазавшему свое тело вербеной.

Когда у южных славян возникает семейный раздор, жена берет яблоко и оставляет его на ночь в руках какого-нибудь умершего незаконнорожденного ребенка. Затем она подает это яблоко своему мужу; тот съедает его — и мир снова восторжествовал. С той же целью она иногда заваривает в пище выделения аиста ***.— В основе этих двух обычаев лежит одна и та же мысль: ограниченная плодovitость и половая неудовлетворенность всегда ведут к спорам между супругами. На это указывают слова: внебрачное дитя и выделения аиста.

В России все эти любовные заклинания совершаются колдунами. *Andrian Werburg* приводит некоторые из них. Например:

Навстречу мне вышли семь братьев; семь братьев, семь буйных ветров. Куда вы ушли? Мы были в чистом поле, в широкой степи, мы пронеслись над чахлыми травами, убогими лесами, богатыми пашнями. Придите к нам, ветры буйные, утешьте вдов-сирот и ребятишек маленьких; возьмите скорбь земную и вселите ее в неукротимое сердце молодой девушки *N. N.* Стальным топором сердце ее рубите и пусть расцветет в нем скорбная печаль.

А вот еще одно заклинание:

* *Batranek, Aesthetik der Pflanzenwelt, Leipzig 1853.*

** *Hovorka u. Kornfeld, a. a. O., II 170.*

*** *Krauss, a. a. O.*

У моря-океана, на острове Буяне стояло дерево; на дереве том сидело семьдесят птиц; все птицы были похожи друг на друга. Они общипывали ветки и бросали их на землю; ветки эти подбирал черт и уносил их к Сатане Сатановне. Вот где ты, злой дьявол! Здравствуй! Окажи мне милость: зажги сердце *N. N.* любовью ко мне. Мое слово крепче стали вечной!

Боснийская девушка в Юрьев день пристально наблюдает за своим возлюбленным в скобу висячего замка; скобу она затем отворачивает, а самый замочек кладет на большую дорогу. Этот символический акт заимствования, по-видимому, у венецианцев; дело в том, что в венецианском диалекте акт совокупления обозначается словом *ciavag*, что значит — запирает на замок. Символизм, лежащий в основе подобной терминологии, до того понятен и очевиден, что боснийцам, по-видимому, не стоило особенно большого труда постигнуть его; отсюда само собой понятно, что для выяснения причин возникновения этого обычая вовсе не следует касаться отношений Венеции к Далмации и Нижней Боснии ****.

У южных славян существует такой обычай: в пятницу, совпадающую с днем новолуния, молодой человек или молодая девушка, кладя себе под обе мышки и между ногами по три волоса, раздевается донага и, стоя перед печкой, бросает в огонь эти девять волос и бобы, причитая при этом: «Пусть он (или она) извивается в любви ко мне точно так же, как эти бобы извиваются в огне!» Иные поступают следующим образом: в пятницу до восхода солнца они собирают воду, которую делят на три части. Затем, повернув веник метлой вверх, обливают его водой в течение трех дней: в пятницу, субботу и воскресенье. Вода стекает обыкновенно в миску, подставленную внизу. В этой воде человек умывается, произнося при этом следующее заклинание: «Господи! Зову тебя на помощь! И вас — пятницу, субботу, воскресенье — вас также призываю! Пусть любовь моя течет такими же каплями, как эта вода, стекающая с веника!» — Ту же процедуру повторяют в субботу и в воскресенье; существ-

**** *Hovorka u. Kornfeld, a. a. O., II 187.*

ует поверье, что таким образом легко снискать себе взаимную любовь человека, который до того решительно отвергал ее*.

Как обстояло дело с любовными чарами в Саксонии, мы достаточно подробно знаем из показаний Anna Röberin, арестованной в 1529 году по обвинению в колдовстве. Она чистосердечно созналась в том, что пускала в ход всевозможные колдовские средства с тем, чтобы вернуть к себе своего мужа. «Она очутилась перед домом своей матери на берегу шумного потока. Подсев к самой воде, она возложила свои руки на поверхность ее, так что бурные волны обильно орошали ее ладони. При этом она приговаривала: я погружаю свои руки в холодные волны, шлю тебе, Ганс, трех послгов. Первый посол назван моим именем — Анна; второго зовут Марией, она пошлет к тебе третьего посланца, исполненного светлой радости и божественной любви. Ты, Ганс, возгоришься пламенной любовью ко мне, ты будешь преследовать меня по пятам до тех пор, пока адская страсть твоя не удовлетворится актом обладания**.

У бурманов существует особая татуировка для возбуждения любовной страсти. Рисунок изготавливается из особой смеси, состоящей из киновари, различных других трав и раскрашенной кожи ящерицы и представляет из себя два круглых пятна, расположенных в виде треугольника между глазами. Иногда, по особому совету знахаря эти пятна наносятся на губы, часто даже на язык. Среди всевозможных любовных чар эта татуировка представляет из себя единственное средство, которым пользуется девушка с целью привлечь к себе объект своей любви. Индейский эротический регламент предписывает женщине оросить желчный камень коровы своей менструальной кровью и провести им по своему лбу: это будто бы должно обворожить ее мужа***.

В Китае существует тайное женское общество под названием Mi-fa-chiao (околдование мужчин). Под руководством одной старухи, посвященной в тайны магии, участницы этого

общества знакомятся с тончайшими подробностями своей колдовской деятельности. Ночью они все отправляются к могиле какого-нибудь юноши, сохранившего целомудрие до самой смерти своей; откопав могилу, они извлекают оттуда несколько костей, которые прячут дома или носят всегда при себе. И вот когда какой-либо из их мужей в чем-нибудь не угодит им, они особым знаком отмечают на кости время рождения его, а самую кость зарывают или бросают в море. По словам v. d. Goltz'a, околдованный становится с течением времени сумасшедшим или идиотом; иногда он подвергается весьма тяжелому заболеванию, которое влечет за собою неминуемую смерть****.

В странах Ислама очень распространен амулет, имеющий форму маленькой книжки; в ней изложены пять заповедей Магомета, биография его и символ магометанской веры. Но рядом с этим мы встречаем там различные формулы заклинаний. Вот одно из них:

«Если ты хочешь, чтобы в тебя влюбилась женщина, вот тебе верное средство. Возьми бумагу и напиши на ней указанную формулу; затем обмой эту бумагу в соляной воде и натри ею свои половые органы — успех тогда вполне обеспечен. Я решительно утверждаю: отец и мать этой девушки никого слушать не будут, кроме тебя.— По данным Stoll'я, формула эта состоит из целого ряда каббалистических знаков, среди которых можно найти и арабские буквы*****.

И астрология оказала весьма существенные услуги человеческой любви; по ее указаниям был создан особый любовный талисман. Последний делается обыкновенно из меди, так как этот металл присущ Венере, владычице любви, и той звезде, которая руководит любовным чувством в человеке. Для подобного талисмана можно взять первый попавшийся кусок меди, так как ценность ее, как металла, остается всегда равной. Конечно, по тем или иным соображениям можно один кусок меди предпочесть какому-нибудь другому. Это

**** v. d. Goltz, Zauberei und Hexenkünste, Spiritismus und Schamanismus in China (Mitteil. der Deutsch. Gesellschaft f. Natur— und Völkerkunde Ostasiens, 51, Heft. Bd. VI, S. 1—36) Tokio 1893.

***** Stoll, Suggestion und Hypnose in der Völkerpsychologie, S. 139/40.

* Krauss a. Mitrovic, Erotik und Skatologie im Zauberleben und Bannspruch, Anthropophyteia IV, S. 217.

** Weber, Aus vier Jahrhunderten, Leipzig 1857, I 373.

*** Stoll, a. a. O., S. 115.

весьма важное обстоятельство. Дело в том, что в подобном случае творческая деятельность человека протекает под влиянием двойного волевого импульса. Что касается формы талисмана, то она обыкновенно бывает круглая. Талисман снабжается всевозможными знаками Венеры; все это совершается в тот день и час, которые посвящены этой планете, т. е. в пятницу, совпадающую с 20 числом месяца. Его носят обыкновенно на шее в маленьком мешочке того же цвета, что и звезда Венеры. Все это, вместе взятое, отражает в талисмানে волю и слово того человека, который изготовил его; оно же обеспечивает ему полнейший успех во всех его оккультных начинаниях*.

И современная городская культура не осталась чуждой тому роду колдовства, который именуется любовными чарами. Правда, принципы, выставленные городами, относятся к весьма далекому времени; что касается христианской окраски их, то она является позднейшим, весьма несущественным придатком. Мы приводим текст одной формулы.

Если мужчина хочет привлечь к себе женщину, пусть напишет на бумажке следующее: Во имя Отца, Сына и Святого Духа (однако не следует писать слова «аминь», ибо это совершенно уничтожает действие применяемого средства). Я, N. N., люблю тебя, N. N. Ты будешь ко мне благосклонная, хотя ты теперь недоступна для меня; ты снова будешь любить меня, хотя в настоящее время ты окончательно оттолкнула меня; ты хочешь отдаться мне, хотя теперь презираешь меня.— Затем бумажка сжигается до превращения ее в пепел; с этим пеплом необходимо обращаться крайне осторожно с тем, чтобы он не смешался с пеплом от каких-нибудь других вещей. Далее, его всыпают в пищу или какой-нибудь напиток и подают его этой женщине; она, безусловно, полюбит этого человека, независимо от того, хочет она этого или нет. Или бумажка кладется в перья подушки, на которой спит любимая женщина. Результат получится тот же самый.

Все это может проделать и женщина, если хочет вызвать чувство взаимности в сердце любимого ею мужчины. Измена, совершенная

кем-либо из супругов, уничтожается тем же способом. Разница между той и приведенной уже формулой заключается в том, что после слов: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа» необходимо написать следующее: ты сохранишь полнейшую верность, хотя теперь ты жестоко изменяешь мне; твои глаза будут обращены только ко мне, хотя теперь они разбегаются на всех людях; ты будешь любить только меня, тогда как теперь ты любишь очень многих людей.

Если мужчина любит женщину или женщина — мужчину, причем неизвестно, насколько это чувство встречает отклик в сердце любимого человека, тогда следует поступить так: сосредоточив все свои мысли на предмете своей любви, человек среди глубокой тишины ночи произносит следующее: во имя Отца, Сына и Святого Духа зову тебя, N. N., приди ко мне. Сказав это три раза, он встает, идет к двери навстречу любимому человеку (как будто бы этот человек действительно входит), приглашает его сесть и начинает рассказывать ему о неимоверных страданиях своих. Далее он просит дать ему какой-нибудь знак, из которого при ближайшем свидании мог бы узнать, что он не внушает никакого неприятного чувства. Всю эту процедуру он повторяет в течение трех дней подряд. После этого любимый человек при встрече с ним дает ему желаемый знак.

Католическая церковь придумала иной способ вызывать страсть в сердце любимого человека: целовать его устами, намазанными святым елеем**.

Во всех описанных нами любовных чарах мы неизменно находим один и тот же момент: внушение. Действие его протекает в двух направлениях. Ему в одинаковой степени подвержены как те, которые совершают тот или иной обряд заклинания, так и те, которых хотят околдовать этим обрядом. Первые начинают ощущать в себе подъем уверенности и смелости в обращении с людьми противоположного пола; так, например, девушка недоступная делается приветливой, благоразумная — легкомысленной. Что касается вторых, то они так или иначе должны узнать о том колдовстве,

* Cours d'Astrologie et des clefs secrètes de magnetisme.

** Stoll. a. a. O.

которое совершается по отношению к ним, в противном случае не будет достигнут желаемый результат; если они непосредственно, при самом совершении обряда, ничего не замечают, то впоследствии все же узнают о нем, заметив, например, в своих платьях воткнутый «крючок». Все эти церемонии, несмотря на их нелепость и бессмысленность, все же не проходят бесследно. По этому поводу Stoll говорит: «Если принять в соображение причудливый характер тех психических состояний, которые обозначаются именем «любовь», то вряд ли можно за этими средствами отрицать всякое вообще влияние, будь то влияние прямого или посредственного внушения»*.

По своей распространенности афродизиаки нисколько не уступают всевозможным средствам внушения. Правда, слово «афродизиаки» употреблено здесь не в том смысле, в каком мы это теперь понимаем. Народное поверье приписывает некоторым, даже самым безобидным растениям силу и способность вызвать в человеке любовную страсть; это преимущественно такие растения, которые по внешности своей напоминают мужские или женские половые органы. Если любовная страсть под влиянием упомянутых растений, действительно, всплывает наружу, то в этом следует видеть результат внушения, поддерживаемого долготой, глубоко укоренившейся традицией.

В Галиции бешеная вишня (*atropi belledona*) употребляется во всевозможных любовных напитках. В Буковине существует такой обычай: в воскресенье на масляной неделе девушка, ищущая любви молодого человека, отправляется в сопровождении своей матери в поле с тем, чтобы отыскать бешеную вишню. Найдя вишню, она вырывает ее и наполняет образовавшуюся при этом ямочку хлебом и солью; туда же она подливает немного водки. На обратном пути она несет эту вишню у себя на голове, причем по дороге она всячески должна избегать споров с окружающими; ей запрещено даже отвечать на вопрос о том, что она несет с собой. В противном случае вишня не окажет никакого действия. К сожалению, здесь

ничего не сказано о том, как совершается в данном случае этот акт ворожбы**.

Большой интерес вызвал *Phallus impudicus*: загадочным казался процесс его возникновения, не менее занимательны были его форма и запах. «Это растение выходит из земли напоподобие яйца (чортово, ведьмино яйцо), затем оно подымается в виде небольшого penis'a. Когда оно вполне распускается, подымается страшнейший запах мертвечины, который привлекает мух в громадном количестве; мухи тут же умирают, утопая в липком соку. Penis этот имеет вид маленькой колонки с грязной головкой, окрашенной в зеленый цвет. Получается впечатление нормального penis'a, торчащего вверх и снабженного крайней плетью. Благодаря подобной форме и гриб был очень рано занесен в категорию афродизиак. Еще в глубокой древности употребляли его для изготовления различных любовных напитков. И средние века видели в нем вернейшее средство поднять половую потенцию мужчины (Wolfr. v. Esebenbach, *Parzival* XIII 643). А *Matthialis Kräuberbuch* пишет о *phallus impudicus* следующее: «Он укрепляет порочные органы нашего тела. Напиток этот увеличивает также количество молока у матери. Цирцейские женщины торгуют этим корнем; они готовят из него любовный напиток». Опыты, совершенные Krombholz'ем с *phallus impudicus*, оказались совершенно безрезультатными; ни животные, ни люди не реагировали на это средство. Правда, в журнале «*Neuer Schauplatz der Natur*» (Leipzig 1777, Bd. V) по этому поводу сказано: «гриб вызывает половое возбуждение лишь в том случае, если он вполне расцвел и издает зловонный запах».

Народное поверье обратило внимание и на мандрагор (*atropa mandragora*). Греки полагали, что это именно тот волшебный корень, с помощью которого Цирцея обратила союзников Одиссея в свиней. Пифагор, Диоскорид и Плиний всячески расхваливали его волшебную силу. Мандрагор — это в сущности тот же библейский корень «*dudaim*», из которого Лаван делал различных идолов; Лея же пользовалась им для повышения своей плодовитости.

* Stoll, a. a. O.

** Hovorka u. Kornfeld, a. a. O., 421/22.

Ценность этих идолов в средние века была необычайно велика. Пара таких идолов была у короля Рудольфа II, но они были сделаны не из настоящего мандрагора. Говорят, что и орлеанская дева пользовалась мандрагором в качестве волшебного средства. Арабы еще до сих пор видят в нем действенное любовное средство*.

Этот корень, измельченный в порошок и принятый в каком-нибудь растворе, вел к беременности. Но его очень редко начали употреблять и в любовных напитках. Афродиту называли еще и Мандрагоритис.

В своем труде «New Kreütterbuch»** (Neues Kräuterbuch) Leonbart Fuchs говорит следующее: «Корень мандрагора, положенный под постель или подушку, пробуждает сильную страсть к женщине и подавляет все моменты, уничтожающие половой инстинкт». То же самое действие производит и кориандр. «Его нужно держать целую ночь в крепком вине. Но не следует особенно увлекаться им, так как он производит разрушающее действие на умственные способности человека». И льняное семя, «смешанное с перцем, пробуждает естественное влечение в человеке». Совершенно исключительной репутацией пользуются кукушкины слезки. «Мужчины, которые употребляют этот корень, производят на свет Божий мужское потомство».

Далее мы встречаем в книге «New Kreütterbuch» перечисление огромного количества растений, имеющих половое значение***.

В богатейшей различными медицинскими травами Мексике мы встречаем массу растений, которые способствуют повышению силы полового инстинкта****.

Но вместе с тем Fisch приводит целый ряд таких растений, которые разрушающе действуют на органы оплодотворения.

Кровь, извлеченная с помощью насечки из тел двух супругов, кроет в себе, по мнению многих, волшебную силу. Этой же силой отличаются печень и почки мальчика*****. Ушная сера в связи с каким-нибудь другим жиром намазывается на хлеб и употребляется в каче-

стве любовного средства. Сладкая слюна, размешанная в каком-нибудь напитке, также применяется как средство для повышения силы полового инстинкта. Подобную смесь очень легко приготовить, а потому ею пользуются в самых широких размерах.

Мы теперь переходим к наиболее интересной группе любовных чар; в этой группе мы действительно встречаемся со всевозможными процессами оккультного характера. Различные процедуры с изображением любимого человека и тому подобные магические операции, усвоенные нами из практики древних веков, глубоко вкоренились в психике новейшего времени. Афинские гетеры и римские девственницы отливали из воска изображения своих возлюбленных с тем, чтобы вызвать в них чувство взаимности. Эта же цель преследовалась и при изготовлении всевозможных кукол из шерсти и других материй. Далее сжигались отдельные куски платьев, принадлежащих любимому человеку, или зарывались под порогом. Вырезывая имя своего врага на металлической пластинке или прокалывая булавочкой его изображение, человек надеялся добиться смерти его. Это могло также иметь своим последствием уничтожение половой силы мужчины... Все эти церемонии, сопровождаемые самыми нелепыми формулами, были усвоены высокопоставленными лицами... Безумие Калигулы было до известной степени обусловлено philtum, который дала ему жена его Ценолия; сластолюбивая Агриппина подсовывала своим фаворитам различные возбуждающие средства с неменьшим успехом, чем ядовитые грибы своему слабоумному мужу*****.

Подобная магия известна и так называемым первобытным народам.

Prof. Schinz рассказывает, что африканские ондонги, как и вообще все ветви Аоямбского племени, для сокрушения своего противника пользуются таким средством: сидя за горшком воды, они так долго всматриваются в него, пока там не появится изображение врага; тогда только они начинают произносить соответствующие заклинания. Или, держа в своих руках предмет, принадлежавший их врагу, они про-

* Hovorka u. Kornfeld, a. a. O., 15.

** Basel 1543.

*** Stoll, a. a. O., 928.

**** Hovorka u. Kornfeld, a. a. O., S. 371.

***** Hovorka u. Kornfeld, a. a. O., 413 и 313.

***** Soldan, a. a. O., 50—52 u. 57.

износят над ним целый ряд убийственных заклинаний. Поэтому человек, путешествующий по стране, закапывает обыкновенно все свои вещи с тем, чтобы они не сделались как-нибудь объектом чародейства. По тем же соображениям они засыпают обыкновенно свои экскременты толстым слоем песка. Нечто аналогичное рассказывает Ливингстон о племени ма-калло. После стрижки они тщательно собирают свои волосы и сжигают или закапывают их; они боятся, как бы эти волосы не попали в руки чародея, который причинил бы им своим колдовством сильнейшую головную боль*.

То же самое можно сказать и о племени Вандороббо, живущем в Восточной Африке. Это же поверье господствует у патагонцев и других индейских племен**.

На острове Борнео одна колдунья устранила свою соперницу, сделав изображение ее из воску и растопив его потом на огне. Силы соперницы ее убывали по мере того, как растоплялся воск***.

Индейцы племени Малайали вырезают из стеблей пизанга человеческую фигуру и вбивают в нее бесчисленное количество гвоздей; при этом они распевают всякие чародейские заклинания. Фигуру эту они затем кладут в такое место, по которому должен пройти околдованный. Существует поверье, что у этого человека появляются тяжелые раны в тех именно местах, в которых вбиты гвозди у деревянной фигуры. С этой же целью иногда разламывается палка или ветка; впрочем, этот обычай можно встретить и у южных славян. Чаще всего колдовство совершается с помощью кокосового ореха. В выдолбленную скорлупу ореха кладут рис, уголь, человеческие волосы, маленькие металлические пластинки и все это бросают в колодезь, принадлежащий преследуемому человеку, или закапывают на пороге его дома. Результаты подобного приёма, говорят, крайне серьезны и значительны.

Мадьярская девушка закапывает волосы своего возлюбленного у порога его дома. И она

пользуется менструальной кровью в качестве вернейшего средства для пробуждения любовной страсти. Она проливает несколько капель ее на печенье или фрукты, которыми затем угощает молодого человека. Вместо менструальной крови очень часто употребляется кровь, выжатая из пальца****. Южная славянка обмакивает сахар в менструальной крови и заваривает его в каком-нибудь блюде, которое подает своему возлюбленному. Если же замужняя женщина хочет снискать себе любовь своего супруга, то она берет первое яичко, которое снесла черная курица. Семь дней она держит это яйцо у себя под левой мышкой. Все эти ночи она должна тщательно избегать всяких соприкосновений со своим мужем. На восьмой день она из этого яйца делает пирог, который предназначается только для мужа*****. То же значение, вероятно, имеет и следующий обычай: во время родов женщина берет к себе в кровать рыбу, которую держит до тех пор, пока рыба не умрет. Затем она заваривает ее и дает своему мужу с тем, чтобы он воспламенился новой любовью к своей супруге. С этой же целью женщина иногда глотает семя, выделяемое ее мужем.

Индийская же эротика полна всяких советов мужчинам.

«Тот человек, который после полового акта берет в левую руку немного семени и касается им левой ноги своей жены, подчинит себе свою супругу». Далее:

«Если взять свое собственное семя, влить его в брюшко воробья, очищенное от всяких внутренностей, и смешать все это с водой, взятой из *Cynhobia antiquorum* (растение, похожее на кактус); затем, продержав это семь дней, заварить в каком-нибудь блюде и подать женщине — то не только она воспылет к нам любовью; — против этого не устоит и жена Вазисты»*****.

Вообще следует заметить, что любовными чарами занимались далеко не одни только женщины. Как в прежние времена, так и теперь, мужчина самым энергичным образом конкурирует на этой почве с женщиной.

* Livingstone, D. and Ch., Narrative of an expedition to the Zambesi and its tributaries and of the discovery of the lakes Shirwa and Nyassa 1858—64 London 1865.

** Soll, a. a. O., 185.

*** de Rochas. L'envoûtement, S. 6.

**** Hovorka и Kornfeld, a. a. O., II, 178/79.

***** Krauss, Liebeszauber der Völker, a. a. O., S. 165—68.

***** Schmidt, Beiträge zur indischen Erotik, Leipzig 1902. S. 918.

Так, например, в Богемии молодые люди подмешивают к различным блюдам и напиткам свою сперму, а затем угощают этим любимых девушек. В Гессене, Шлезии, Ольденбурге и Бадене крестьянские парни носят у себя подмышкой хлеб или сахар; и когда это насквозь пропитывается потом, они угощают этим знакомых девушек*. К сожалению, мы не можем в точности сказать, знает ли девушка о совершенной манипуляции или нет. Для того, чтобы сильно привязать к себе молодую девушку, эти парни очень часто, особенно во время танцев, стирают с ее лица пот с помощью платка, который они носят обыкновенно подмышкой.

У индейцев существуют рецепты не только для мужчин, но и для женщин. Вот один из них; он имеет своей целью повышение половой потенции мужчины: «Отвар, приготовленный из *aspargus racemosus*, *astera cantha longifolia* и *gmelina arborea*, и принятый рано утром в соединении с менструальной кровью, оказывает самое выгодное действие на половую потенцию и удлиняет человеческую жизнь»**.

Подобные рецепты знакомы и современной женщине. Вот один из них: Чтобы вызвать к себе любовь мужчины, надо взять три кофейных боба, поместить их в *vagin*'у и держать там до тех пор, пока они насквозь не пропитаются находящейся там слизью. Далее, поворачивая каждый боб три раза, необходимо сосредоточить свои мысли на любимом человеке, приговаривая при этом: он полюбит меня, он будет верен и ласков ко мне. Ибо один боб означает любовь, другой — верность, а третий — снисходительность. Затем все эти три боба завариваются в какой-нибудь пище, которая подается этому мужчине. Не следует, однако, никому говорить об этой церемонии; в противном случае она остается совершенно безрезультатной.

А вот другой рецепт: Надо положить несколько волос, принадлежащих любимому человеку, под крышку часов, на самом механизме их; тогда этим человеком овладевает страшное беспокойство, которое прекращается лишь тог-

да, когда он, наконец, догадается прийти к обладателю часов. Третий рецепт: В Иванов день, вечером, сорви несколько листьев сатранила, обмой и высуши их; затем носи их девять дней на сердце своем. Заваренные в пищу и принятые любимым человеком, эти листья оказывают самое благоприятное действие.

Среди южных славян широко распространено следующее средство: несколько волос, принадлежащих любимому человеку, заворачивают в маленькую тряпочку и носят их на голом теле, под самым сердцем. Для того, чтобы возлюбленный пришел, достаточно в первый день новолуния бросить эти волосы в огонь и сжечь их***.

В британской Ост-Индии та же процедура совершается с помощью арекового ореха. Там в дело идут и засохшая менструальная кровь, и отдельные частицы слизистой оболочки *vulv*'ы. Все эти колдовские вещества завариваются в блюде, составляющем смесь из арека, извести и табаку; это блюдо предназначается любимому человеку****.

В Новой Гвинее мы находим такой обычай: молодой человек заворачивает в своей сигаре несколько волос своих. Затем он зажигает сигару и передает ее своей возлюбленной. Если та выкуривает ее, то чувство взаимной любви с ее стороны вполне обеспечено. Процесс курения является, таким образом, особым видом любовных чар*****.

О любовных чарах в Пруссии повествует Frichbier. Если за ужином, после нескольких глотков вина, вытереть себе губы цветком, взятым в церкви, и подать этот цветок любимой девушке, то он обязательно пробудит в ней чувство любви. И здесь совершаются всевозможные манипуляции с кровью и потом, подмешанными в различные напитки. Точно так же мы встречаем здесь различные отвары, смешанные с пеплом сожженных вещей. Вопреки южнославянскому обряду мы встречаем здесь обычай подавать свой передник или носовой платок с целью вытереть руки любимого человека.

* Wuttke, Der deutsche Volksaberglaube der Vergangenheit u. Gegenwart (3. Bearb. von E. H. Meyer) Berlin 1900, S. 365/66.

** Schmidt, a. a. O., 844.

*** Krauss, Sittl u. Brauch der Südslaven, S. 167/68.

**** Hovorka u. Kornfeld, a. a. O., II 179.

***** Hagen, B., Unter den Papua, Wiesbaden 1899, S. 241/42.

Carrichter жалуется: «Ворожба совершается и с помощью восковых изображений; люди наносят таким образом тягчайшие раны друг другу... Этот вид колдовства весьма многообразен: Они делают восковое изображение человека, которого хотят поразить своей неприязнью. Эту фигурку они ставят на полено и стреляют в нее; для этого они всегда имеют при себе маленький лук; стреляют они обыкновенно по тем членам, которые им особенно нравятся. Попав стрелой в ту или иную часть, они тем самым поражают соответствующий орган своего врага»*.

Об этом типе колдовства Парацельс говорит следующее: «Если я крою в себе неприязнь по отношению к какому-либо человеку, то эта неприязнь должна быть устранена с помощью какого-нибудь медиума, т. е. с помощью тела, corpus'a. Таким образом, оказывается вполне возможным, что злой дух пронзит и низвергнет моего врага без содействия тела, без меча и ножа. Сообразно моему желанию, я воплощаю дух моего противника в воске, и это изображение я уродую и калечу по своему усмотрению. Знайте, что воля обладает чрезвычайным влиянием. Ибо человек, презирающий себя и накликающий на себя всякие бедствия, может действительно подвергнуться в жизни самым страшным испытаниям, вызванным его же собственными проклятиями. Так как проклятие черпает свою силу в угнетенном состоянии духа. Поэтому вполне возможно, что изображение человека может быть проклято, что оно может быть подвержено лихорадке, эпилепсии, апоплексии и т. д. ... Вы, врачи, не думайте, что это шутка; вы совершенно не знаете, как велика сила, присущая человеческой воле. Ибо воля является источником таких духов, с которыми разум ничего общего не имеет**. В другом месте мы на ту же тему читаем следующее: «Тело сильно, но вера дважды сильна. И пусть этот пример будет тебе в назидание: Ты — материя телесная, видимая; но в тебе заключено еще одно начало — таинственное, незримое. В то самое время, когда тело твое действует, работает в тебе и другое, незримое начало. А потому знай: человек сделал восковое изображение своего врага, нанес ему

тягчайшие раны, а главное не забывай, что это изображение имеет своим источником ту таинственную черту в человеке, о которой я говорил. Незримый в тебе незримо поразил и поверг своего врага. То, что Господь допустил до этого, является лучшим подтверждением тех возможностей, которые мы заключаем в себе; но это нисколько не доказывает, что мы должны использовать все эти возможности. Кто делает это, тот искушает Бога; кто роковым образом пришел к этому — горе его душе! Так поступают все волхвы: они разрисовывают изображение человека на стене и вбивают в него гвоздь. То же совершает и их злая воля: она вбивает незримый гвоздь в таинственную природу врага. Господь! Не допусти до этого! При помощи таких же восковых изображений околдовывают обыкновенно и женщин»***.

Для того, чтобы усилить действие этих колдовских средств, восковые изображения подвергались акту крещения, причем им давали при этом те же имена, которые носили изображаемые лица. Это «крещение» должен был совершать непременно священник; да оно так и в действительности было. В своей книге «Dämonomania» Bodin горько жалуется по поводу продажности священников. Он говорит: «Священники дают этим людям святую просвиру, Jungferpergament; они кладут их мерзкие изображения под покров алтаря; они крестят эти изображения, которые во время богослужения покоятся на алтаре».

Далее мы читаем у Carrichter'a: «Всевозможные пытки, которым чародеи подвергают людей, этим еще не исчерпываются. Здесь мы встречаем своеобразную страпню, которая служит средством колдовства. Этим обыкновенно занимаются служанки, покинутые своими возлюбленными. Во имя дьявола и в угоду ему они откапывают различные корни, заваривают их в новом, специально для этой цели купленном горшке, подмешав к этому несколько волос, принадлежащих любимому человеку. При этом они выкрикивают его имя. Если он почему-либо не услышит их и не придет, то его постигает умопомешательство, а иногда и смерть».

* Carrichter. Von Heylung zauberischer Schäden.

** Paracelsus, Paramirum. Tract. IV, cop. 8.

*** Paracelsus, De causis morborum invisibilium. Lib. I.

Лучшим и наиболее достоверным примером колдовства этого рода является процесс, возбужденный против генеральши von Neitschütz. Она была матерью Sybille von Neitschütz, любовницы Иоанна Георга IV Саксонского. Ее обвиняли в колдовстве. Обстоятельства дела представляются в следующем виде. Magdalena Sybilla von Neitschütz, дочь саксонского полковника, родилась 8 февраля 1675 года. Когда ей было всего только тринадцать лет, она своей редкой красотой привлекла к себе внимание всего двора курфюрста Иоанна Георга III Саксонского. Высокопоставленные лица, находившиеся при дворе, всячески добивались ее руки; среди них следует особо упомянуть коменданта дворца von Naxthausen'a и графа Vitzthum'a, любимца короля Фридриха Августа. И вдруг перед ними предстал серьезный соперник в лице красивого, молодого кронпринца, страстно влюбившегося в эту девушку. Это обстоятельство весьма не понравилось родителям молодого кронпринца; желая покончить с этой привязанностью, они посылали его в далекие путешествия и заставили принять участие в нескольких походах против Франции. Но вот умирает его отец, курфюрст Иоанн Георг III. Молодой человек приобретает полнейшую свободу и самостоятельность и, не успев еще вполне устроиться в Дрездене, он открыто объявляет г-жу Neitschütz своей фавориткой. Мать курфюрста, потеряв всякую надежду на исправление сына, решила на последнее средство: брак. К сожалению, выбор ее был не вполне удачен: он пал на вдову маркграфа Ansbach'a, женщину, которая была гораздо старше курфюрста; что же касается ее внешности, то, по свидетельству историков, она была далеко не красива, хотя осанка ее была полна достоинства и серьезной строгости. Брак был заключен в Лейпциге в 1692 году во время весенней ярмарки (большая месса) и, вопреки установившемуся обычаю, он прошел без всякой торжественности и пышности. Вместе с тем разнесся слух, будто курфюрст удалил от себя любимую им девушку Neitschütz, назначив ей годовое содержание в 4000 талеров.

В действительности же дела обстояли не так. Через некоторое время графине Neitschütz снова представился случай убедиться в пламен-

ной любви к ней курфюрста. Вполне понятно, что все старания ее были направлены к тому, чтобы возможно сильнее упрочить свое положение. В этом ей оказывала сильную поддержку ее мать. Тем временем Neitschütz, сопровождая курфюрста в поход против Франции, родила во Франкфурте девочку. Это обстоятельство еще сильнее привязало к ней курфюрста. Однако домогательства графини Neitschütz заходили гораздо дальше. Она хотела, чтобы ей был пожалован княжеский титул; этим самым она приобрела бы возможность вступить в брак с курфюрстом. Но тут произошло одно обстоятельство, которое разрушило все планы матери и дочери: Neitschütz заболела оспой и умерла 4 апреля 1694 года. На похоронах ей были отданы княжеские почести; при благовесте всех церквей она была погребена в княжеской гробнице в придворной церкви св. Софии в Дрездене.

Но недолго пришлось горевать курфюрсту. Сидя у постели больной, он впитал в себя яд оспы. Через некоторое время он также заболел оспой и в двадцать дней его не стало.

Со смертью курфюрста начала постепенно раскрываться таинственная роль, которую играли мать и дочь в своих отношениях к нему. Разоблачения эти вызвали бурю негодования, как при дворе, так и во всем народе. Был обнаружен факт колдовства и убийства курфюрста и его отца, Иоанна Георга III*.

В письме одного дрезденского советника, относящемся к тому времени, мы читаем следующее: «Вы достали где-то несколько волос, принадлежащих курфюрсту Иоанну Георгу III, замесили их в воске или каком-нибудь другом чародейском ингредиенте и сделали из этого маленькую человеческую фигурку. Затем, проткнув ее булавкой, вы начали растоплять ее на магическом огне. Этим самым вы хотели околдовать курфюрста; вы призывали всяческие проклятия на его голову; вы желали, чтобы кости его лишились мяса, чтобы его внутренности испарились, словом, вы хотели, чтобы он погиб. Вы достигли этого: через 4 дня после вашей злодейской операции он скончался. В ва-

* Hitzigs Annalen der deutschen und ausländischen Criminal—Rechtspflege. Neue Folge, Leipzig 1879. 19. Bd., 3. Heft, S. 205—40.

шей власти, конечно, было усилить или ослабить боли курфюрста; для этого вам достаточно было по своему усмотрению увеличить или уменьшить магический огонь».

И действительно, при вскрытии трупа курфюрста оказалось, что его «легкие отвердели; цвета они были фиолетового, смешанного с красным; в них не видно было ни одной кровинки. Сердце находилось почти в таком же положении, что и легкие; и в нем не видно было никаких, даже самых отдаленных признаков крови».

«Своей преступной чародейской игрой вы пробудили сверхъестественную любовь в сердце молодого курфюрста. Вы держали котел на вечном огне и варили в нем различные колдовские снадобья. Этим вы окончательно обворожили курфюрста. И вот, когда он в своей бесконечной любви припадал к устам своей супруги, его обжигал сильнейший магический огонь и в душу его проникали ужас и смятение. Но стоило ему приласкать Neitschütz— злодейский огонь соразмерно падал и курфюрст предавался усладе и покою».

Но этим Neitschütz не ограничилась. По совету своей матери она часто угощала курфюрста паштетом, орошенным ее кровью и кровью ее матери *. К левому колену ее был постоянно привязан маленький пучок волос, вырванных у половых органов курфюрста. В связи с процессом, возбужденным против генеральши von Neitschütz, была открыта могила ее дочери; тут у нее на плечах нашли ленту, сотканную из волос курфюрста. В этом факте также узрели чародейскую проделку генеральши: она будто бы снабдила этим свою дочь с тем, чтобы последняя увлекла с собой в могилу и Иоанна Георга III. Г-жа Neitschütz замышляла подобное же злодеяние и против Августа Сильного. Но ее замысел был раскрыт и против нее было возбуждено уголовное преследование.

Далее мы приводим приговор, вынесенный по этому делу; мы, конечно, при этом опустим все те пункты обвинения, которые никакого отношения к разбираемому нами вопросу не имеют:

«Что касается колдовства, которое вменяется в вину подсудимой, то, как из собственных

показаний ее, так и из показаний многочисленных свидетелей, ясно видно, что она была подвержена различным суевериям, часто пророчествовала, читала по звездам и т. д. Она верила в то, что человека не может постигнуть жестокая кара, если он увидел своего судью раньше, чем судья успел заметить его. Кроме того, у ее подруги Petschaft были найдены различные письма любовного содержания и целый ряд всяких подозрительных вещей. Надо полагать, что все это было оставлено у подруги лишь из предосторожности. Из вещей, найденных там, особенный интерес представляют следующие: три красных мешочка, наполненных полотняными лоскутками; все эти лоскутья были покрыты густой, запекшейся кровью; далее, три коралла, кусок пергамента, на котором были написаны какие-то неизвестные слова, портрет св. Анастасия, нарисованный на пергаменте, с подписью: «Effigies Sancti Anastasii Mart. ord. Carm. cujus aspectu fugari Daemones morbosque curari Acta duor Concilior. fessantur». Далее там были найдены: икона Спасителя, маленький кусок бумажки, в которую был завернут красивый цветок, и несколько кусков полотняной материи, покрытой кровавыми пятнами. Подсудимая вела знакомства с лицами, заподозренными в занятии колдовством; всех их она охотно принимала, выписывала из самых отдаленных стран и относилась к ним с величайшей теплотой и радушием. Но ближе всего она сошлась с известной ведьмой, Анн'ой Margareth'ой Burmeisterin. Щедро наделяя ее различными подарками, она искала ее поддержки в своих коварных замыслах. Она хотела, чтобы von Haxthausen женился на ее дочери, чтобы ее муж, генерал Neitschütz, был возвращен к своей прежней деятельности; далее, она всячески стремилась к тому, чтобы тогдашний кронпринц Иоанн Георг IV полюбил ее дочь сильной, вечной любовью. К первому желанию ее г-жа Burmeisterin отнеслась крайне отрицательно; она утверждала, что г-н von Haxthausen никогда не женится на ее дочери, так как он достоверно знает, что она— продажная женщина. Что же касается всего прочего, то, по ее мнению, не следует особенно торопиться; необходимо выждать момент, когда положение

* Hasche, Diplomat. Geschichte Dresdens, Dresden 1816/17. Bd. III, S. 294.

дел примет более благоприятное направление. Впоследствии оказалось, что через самое короткое время умер курфюрст Иоанн Георг III.

...Показания свидетельницы Кгаррин также наводят на сильные подозрения. По ее словам, та же участь готовилась курфюрсту Иоанну Георгу IV. Margaretha Burmeisterin пророчествовала ему какое-то несчастье, которое должно его постигнуть через два или три дня. И, действительно, через несколько дней курфюрст, неудачно ступив, упал, причинив себе этим страшнейшие боли. Далее, был намечен день его кончины, которая должна была наступить через три года, что в действительности приключилось.

Что касается пламенной любви курфюрста к дочери подсудимой, любви, навеянной колдовскими средствами, то следует в общем заметить, что курфюрст отличался весьма рассудительным умом, что он крайне отрицательно и враждебно относился к женщине. В этом отношении и дочь подсудимой не составляла исключения: курфюрст глубоко презирал ее, и все гнусные проделки, с которыми ему приходилось сталкиваться, он неизменно приписывал von Neitschütz; так, например, когда был найден мертвый ребенок, курфюрст, не колеблясь заявил, что это—дело рук его любовницы von Neitschütz. Далее, курфюрст, вступив в законный брак со своей супругой, принял твердое решение удалить от себя дочь подсудимой; но выполнить это намерение ему не удалось: он не только проводил с ней большую часть времени, но посвящал ей даже целые ночи. Из показаний различных свидетелей выяснилось, что, как колдунья Burmeisterin, так и сама подсудимая, очень часто говорили: нет ничего невозможного в том, чтобы два человека, близко сошедшиеся друг с другом, воспылали бы страстной взаимной любовью. «Моя дочь,—говорила подсудимая,—находится в самых близких отношениях с одной высокопоставленной особой, но все же это еще нельзя назвать настоящей любовью; когда воцарится истинная любовь между ними, Бог пошлет спасение молодому курфюрсту, а ведьма Burmeisterin также не останется без награды». Сама von Neitschütz показала, что Krappin ве-

лела ей принести несколько волос ее дочери и курфюрста. С чародейским искусством Кгаррин познакомилась по известным руководствам, относящимся к этому вопросу; она, по ее же собственным словам, вычитала из какой-то книги следующий совет: чтобы привязать к себе мужчину страстной, пламенной любовью, необходимо начертать на своей руке определенные знаки, специально предназначенные для этой цели. Надо полагать, что подобные знаки были начертаны и на руках дочери подсудимой; весьма вероятно, что, целуя курфюрста, она держала во рту какое-нибудь чародейское снадобье. Все это, вместе взятое, послужило причиной того, что курфюрст страстно полюбил ее и не в силах был расстаться с нею. Многочисленные показания свидетелей наводят на мысль о том, что к этому колдовскому заговору был приобщен и грацкий палач, Johann Melchior Vogel. Последний дал самые подробные объяснения относительно любви, существовавшей между Иоанном Георгом IV и von Neitschütz, вообще он рассказывал очень много любопытного относительно поведения подсудимой и ее дочери.

«Далее необходимо остановиться на том факте, что как графиня von Neitschütz, так и сама подсудимая, носили на своей шее маленькие мешочки, наполненные так называемым Spiritus familiaris, что подобные мешочки они зашивали в платья, принадлежавшие сыну курфюрста. Кроме того, графиня оторвала кусок своей рубахи, забрызганной менструальной кровью, присоединила к нему еще один кусок материи, пропитанной потом курфюрста, и отправилась в Бартоломееву церковь в Дрездене, она свернула их там и спрятала в маленькую коробочку. Это, по мнению чародеев, должно вызвать в любимом человеке чувство взаимной страсти. В комнате жены курфюрста воскурялся волшебный фимиам, который должен был привести курфюрста к неминуемому, резкому разладу со своей супругой; были предприняты все меры к тому, чтобы внушить курфюрсту отвращение к половому сожителю с его супругой. Курфюрст нередко жаловался, что всякий раз, когда он хочет остаться со своей супругой, его охваты-

вает такой бесконечный ужас, что он должен оставить ее и вернуться к себе в комнату, так как только там к нему возвращается обычное спокойствие его.

Подсудимая обыкновенно сопровождала свою дочь по дороге в курфюрстов замок; она, по ее же собственным словам, благословляла ее крестным знаменем всякий раз, когда графиня должна была оставаться целую ночь с курфюрстом. Но свои колдовские проделки подсудимая не оставила и после смерти графини. Она положила в гроб своей дочери портрет и волосы курфюрста, несмотря на протесты всех придворных врачей».

«Из всего обвинительного материала, собранного по этому делу, явствует с очевидностью, что одна подданная наша совершила неслыханное злодеяние против двух первых лиц нашей страны: курфюрста и супруги его. На основании этого против нее возбуждается преследование за посягательство на существующий строй и за оскорбление верховной власти. Да совершится над ней суд по всей строгости законов наших».

К генеральше была применена пытка, которую, однако, вскоре оставили. Через полтора года она была выпущена на свободу. Поселившись в имении своего сына, она там и кончила свой бурный век.

Чтобы уяснить себе сущность того процесса, который происходит при различных операциях с изображениями людей, вспомним то место из Капта, где он говорит о материи. В статье «*Träumen eines Geistersehers*» мы читаем: «В материи, по-видимому, заложено какое-то духовное начало, тесно связанное с нею. Это начало ничего общего не имеет с теми силами, которые определяют взаимоотношение между отдельными элементами материи; оно является скорее внутренним принципом ее». Каково это начало? На этот вопрос мы можем найти приблизительный ответ в исследованиях Иегера. Он установил, что последние остатки материи, отделяющиеся при процессе разложения, должны подвергнуться окислению с тем, чтобы устранить их из всей совокупности материи и дать свободный ход тому жизненному процессу, который протекал до

тех пор. При этом окислении освобождаются чрезвычайно утонченные вещества, к которым неприменимы никакие методы химического исследования. Эти вещества Иегер называет жизненным двигателем; в них он видит источник различных физических и психических состояний, вроде радости, гнева, ужаса, грусти и т. д.

Всякий раз, когда возникает определенное взаимодействие между телом и духом, эти вещества приходят в состояние крайней активности. Так, внешнее раздражение, достигшее какого-либо органа нашего тела, вызывает некоторое разложение нервной и мозговой протоплазмы; другое дело — волевой импульс, который с помощью сокращения мускулов ведет, например, к поднятию руки. Отсюда как бы само собой следует, что возникновение этого своеобразного вещества привело в первом случае к освобождению чувственного раздражения, тогда как во втором случае оно явилось причиной воздействия волевого импульса на нервную систему.

Жизненный двигатель относится к элементам материальной природы; вместе с тем он лишен видимости и материальности химической субстанции. Его можно уловить чисто физиологическим путем; наблюдая биение пульса или дрожание руки, мы тем самым имеем дело с проявлениями жизненного двигателя. В связи с этим он должен занять совершенно особое место среди прочих химических веществ, подобно своеобразно-действующим эманациям неорганических тел, которые мы не без удивления заметили на примере радия.

Тот факт, что в вопросе о жизненном двигателе речь идет об отложениях протоплазмы — этой основной материальной субстанции всех органических существ, свободно обращающихся, как в организме, так и вне его — делает еще более правдоподобным предположение о том взаимоотношении, которое существует между ним и человеческим духом*.

Жизненный двигатель играет первенствующую роль во всех исследованиях, произведенных de Rochas'ом, профессором Luys'ом и т. п. De Rochas совершил много опытов над

* Jorden, *Der Vermittler zwischen Geist und Körperorganen*, Monos, Nr. 1, S. 617, Juli 1908.

различными лицами, на которых навевал сомнамбулистический сон. При этом неизменно обнаруживался один и тот же факт: исчезновение чувствительности кожи. Но он вместе с тем установил, что эта чувствительность на самом деле не исчезает; здесь вокруг тела сомнамбулиста скорее возникает целый ряд концентрических, чрезвычайно тонких слоев магнетического или, по терминологии Reichenbach'a, одического характера. Сами по себе эти слои обладают большой чувствительностью, но они отделены друг от друга промежуточными зонами, лишенными всякой чувствительности. Расстояние между двумя смежными слоями равно 3—6 сантиметрам; самый нижний слой отстоит от тела на расстоянии 1 1/2—3 сантиметров; некоторые из них расположены на расстоянии нескольких метров от тела. Если поместить стакан воды в области того слоя, который непосредственно примыкает к телу, то при этом появляется «одическая тень» и вода, поглощающая од, приобретает крайнюю чувствительность. Если вода в достаточной степени насыщена одом, то на ее поверхности появляется одический пар. Вместе с тем возникает магнетическое взаимодействие между одизированной водой и тем лицом, над которым совершается опыт: всякое прикосновение магнетизера к воде вызывает у сомнамбулиста боль в тех частях тела, около которых находился стакан и из которых излучался од.

«Опыты, таким образом, вполне подтверждают как теорию Humboldt'a и Reil'я о нервной атмосфере, так и учение Reichenbach'a об оде, который был назван Mesmer'ом живогным магнетизмом. Люди с глубокой серьезностью заговорили о магнетизированной воде, которая в течение столетий вызывала ироническую улыбку на устах ученых. Оказалось, что феномены живогного магнетизма, в которых хотят видеть результат внушения, покоятся, по крайней мере, в известной степени на почве реального одического излучения, что магнетическое взаимодействие, которое также пытались свести к явлениям внушения, обуславливается особой одической спаянностью. Ведь внушение можно себе представить лишь как воздействие одного мозга на другой; но как объяснить влияние безжизненного предмета на

мозг? Rochas, однако, показал нам, что не только вода, но и жирные, липкие вещества обладают способностью впитывать в себя од и сообщать чувствительность телу. Он поместил маленькую восковую статуэтку в сферу одической чувствительности и уколол ее несколько раз иголкой; это вызвало сильную боль в тех частях тела сомнамбулиста, к которым примыкал данный слой ода. В голову восковой фигурки Rochas вложил несколько волос, вырванных на затылке одной сомнамбулистки; эту фигурку он передал другому лицу, которое и унесло ее. Затем он разбудил сомнамбулистку и начал с ней беседовать. Вдруг она хватилась за голову и вскрикнула, что кто-то тянет ее за волосы. Далее был сделан такой опыт. Фотографическая пластинка была помещена в экстериоризированный слой ода и вместе с тем был сделан снимок с сомнамбулистки; но магнетизер нечаянно задел иголкой фотографию — вдруг раздался страшный крик и сомнамбулистка впала в беспамятство. Оказалось, что у нее заболела правая рука, т. е. именно то место, которое было задето иголкой на фотографии. Когда она пришла в себя, на ее руке заметны две красные царапины, которых у нее раньше не было и которые вполне соответствовали расцарапаным местам фотографии. В другой раз Rochas навел иголкой на фотографической пластинке скрещенные руки; сомнамбулистка ударила при этом в слезы и через две-три минуты появились соответствующие отогнаты. Возможность внушения или самовнушения здесь совершенно исключена; дело в том, что Rochas намеренно отвел свои глаза, когда расцарапывал пластинку; кроме того, сомнамбулистка не знала, в каких местах карточка была расцарапана».

«...Rochas поднес раствор глауберовой соли к руке спящей девушки; затем он велел кристаллизовать этот раствор. Лишь только это было сделано, у сомнамбулистки появилась контрактура руки, сопровождаемая сильнейшими болями. Через двенадцать дней в эту кристаллизованную массу было опущено острие кинжала. Сомнамбулистка, находившаяся в соседней комнате, почувствовала этот укол и страшно вскрикнула» *.

* Du Prel, Die sympathische Kurmethode, Zukunft, Berlin.

Подобные эксперименты были совершены и д-ром Joire'ом (Sille). Он нашел, что субъект ощущает прикосновение к воде, содержащей в себе различные экстерииоризированные вещества, но что он нисколько не реагирует на свои прикосновения к стакану, который содержит в себе эту воду. По этому поводу он говорит: «Вряд ли субъект не ощущает при этом (при прикосновении к стакану) никакой дрожи. Если речь идет о самовнушении, то именно эта дрожь должна явиться условием удачного внушения; на самом же деле, субъект ровно ничего не ощущает. Но если я погружаю в воду иголку, то этот укол сообщится данному субъекту, хотя здесь о механической или какой бы то ни было другой дрожи и речи быть не может».

Astère Denis, директор гипнотического института в Вервье, сообщает следующие данные относительно своих экспериментов:

«Мне посчастливилось. Мне не только удалось достигнуть экстерииоризацию; я дошел даже до колдовства, как традиционно именуется это явление. При этом я поступал таким образом. Чтобы устранить всякий изменнический шум и предвзятое мнение субъекта, я обыкновенно брал для опыта такой предмет, который не мог бы возбудить внимание его, например, печеное яблоко, которое будто бы случайно осталось на столе. Сомнамбулистка давала самые точные сведения относительно того, что я проделывал над этим яблоком: за ее глазами я колдовал, мял, магнетизировал и т. д. Когда она возвращалась к сознанию, я продолжал свои операции над яблоком, но делал я это так, что она абсолютно ничего не знала об этом. Впоследствии я из ее же слов убедился, что все эти операции физически отражались на ней»*.

Все эти эксперименты приводят нас к той мысли, что предметы, с которыми мы приходим в более или менее продолжительное прикосновение, приобретают нечто такое, что вызывает в нас ощущение какой-то интимной близости к ним. Это положение вполне подтверждается приведенными уже нами примерами, взятыми из области любовных отноше-

ний. Согласно исследованиям Jaeger'a, это «нечто» заложено в выделениях человеческого организма; им пропитаны волосы человека, его платья и все объекты его страсти. Если проделать над этими предметами какие-нибудь магические операции, то действие их, как показывают опыты de Rochas'a, тотчас отразится на том человеке, которому эти предметы принадлежат. Что касается тех случаев, когда органические субстанции околдованного лица попадают в руки колдуна, то здесь приходится констатировать такой факт: вместе с органическими субстанциями в руки колдуна переходит жизненный двигатель, так что устанавливается известное взаимоотношение между двумя лицами, из которых один только колдун приобретает первенствующее влияние в упомянутом процессе. В различных процедурах с изображениями человека роль внушения является крайне случайной. Вопрос о том, какие именно материальные субстанции применимы в подобных случаях, лишен для нас всякого значения. В «Hexenhammer»** мы находим пример одной женщины, которая «не только околдовала, но и убила трех аббатов, да и вообще всех монахов, находившихся в монастыре. Четвертого аббата она точно таким же способом свела с ума, в чем она сама открыто созналась. Ведь она нисколько не побоялась открыто заявить: «Да, я это сделала и сделаю еще! Вам никак не удастся убить в себе любовь ко мне, ибо вы сожрали такую массу моих экскрементов». Этому можно было бы противопоставить пример, приводимый Kind'ом***. Один знакомый его, юрист, называл faeces dominae «манной небесной»; он вкушал эту «манну», как приятнейшие южные фрукты. Но это противопоставление ничего не объясняет. Правда, психологическая восприимчивость вполне объясняет конрофагическую *страсть*; но она не дает никаких объяснений в тех случаях, когда человек не знает, кому принадлежат органические субстанции, попавшие в его руки. Кроме того, колдовство

* Rochas, Die Eksteriorisation des Empfindungsvermögens, deutsch von S. Nagel. Uebersinnliche Welt, VIII. Jahrg. 1899, Heft 1—3, S. 15, 17 u. 18.

** Deutsch von Richard Schmidt, Berlin I. 118.

*** Kind Sexualwissenschaftlicher Kommentar zu C. Fr. Forberg's Apophoreta zum Hermaphroditus des Panormiten. Kap. VI.

всегда связано с определенной личностью, чего не видать в случаях половой аномалии. Поэтому необходимо предложить здесь наличие более тесного, внутреннего взаимоотношения.

Но область половой магии далеко еще не исчерпывается одними любовными чарами. Вогин уверяет, что существует целых 50 способов, с помощью которых люди расстраивают почему-либо нежелательную свободу. С этой целью берутся ленты самых разнообразных материй; их связывают в запутаннейшие узлы, которые прячутся и зарываются вблизи того места, где живет данный человек.

Очень часто пускают в ход иголку, которой шьют саваны. Ее сгибают в колечко так, чтобы острый конец прошел в ушко, и затем ее закапывают в том месте, где мочился человек, которому хотят причинить неприятность*.

Навести порчу — обряд, известный и в Вест-Индии. Идя в поход против главного города Мексики, солдаты Корта проходили какую-то сосновую рощу, деревья которой были увешаны различными узлами, бумажками и т. д. Им объяснили, что чародей Тлаксколы хочет навести на них порчу и лишит их мужества и силы. Это вызвало среди солдат гомерический хохот. По этому поводу Stoll замечает: «Если бы этот же обряд совершили их собственные испанские колдуны, то им, пожалуй, было бы вовсе не до смеха. Из этого примера можно видеть, каково значение этого обряда. Он, естественно, относится к категории способов внушения».

В 113 главе Корана мы находим статью о «женщинах, которые плетут узлы». Это, как и следующая, 114 глава, было, вероятно, опубликовано лишь после того, как Магомет сам освободился от порчи, наведенной на него. По свидетельству арабского писателя Гелала, виновницами этой порчи были две еврейские девушки, которые связали для Магомета веревку в одиннадцать узлов. Гелал при этом замечает: «Они дули на эти узлы и приговаривали какие-то незнакомые слова»**.

Бесчисленны также способы поднятия половой потенции человека. Khodja Omer

Habely Abu Offunan предлагает такой совет: «Если ты хочешь пробудить половую потенцию в человеке, прикажи ему совершить обычные омовения и молитвы; затем положи указательный палец правой руки на самый конец его члена, а левой рукой прикрой его живот; пусть он при этом смотрит тебе прямо в глаза. Затем, вперив в своего пациента пристальный взор, читай про себя две последние главы Корана и скажи ему громким, внятным голосом: иди! колдовство уничтожено — ты обрел половую силу».

У южных славян существует такой обычай: если муж не способен к деторождению, то жена, нарвав кленовых листьев и размахивая ими над его половым органом, причитывает: «О клен, зеленое дерево! Подобно тому, как цветут твои почки, пусть расцветет и сила моего мужа!» Для этой же цели применяются также ивовые прутья***. Если житель северной Далмации не в состоянии удовлетворить свою молодую жену, то его теща делает вот что: она разводит огонь и нагревает на нем воду. Нагревши ее, она берет три горячих угля и бросает их в эту воду. При этом все мысли ее сосредоточены на тех людях, которые навели порчу на ее зятя. Затем она вымывает половой орган его в этой воде и к нему возвращается его прежняя сила****.

А иногда в подобных случаях применяется следующее заклинание: в сумерки жених и невеста выходят на пашню, где пахарями оставлен плуг. Они разнимают плуг, разбрасывают составные части его направо и налево и идут вперед, держась за руки. Разрушая плуг, они тем самым хотят раздавить силу того злого духа, который причиняет им неприятности в их любви. Одна северо-далматская колдунья советует следующее: она передала одной матери, искавшей помощи для своей дочери и зятя, терновник и боярышник с тем, чтобы дочь ее сделала из этих растений маленький кружок, причем отверстие его должно быть так широко, чтобы через него мог пройти половой орган зятя. Этим отверстием он должен пользоваться в течение целых суток всякий раз, когда ему нужно будет спускать мочу. Это принесет

* Schindler, a. a. O., S. 634.

** Stoll, Suggestion u. Hypnose in der Völkerpsychologie, 216 u. 217.

*** Dulaure (Krauss), a. a. O.

**** Krauss u. Mitrovic, a. a. O.

ему спасение. В этих случаях главную роль играют различные растения, которые являются символами духа дерева.

Часто супруги берут два мешка. Один, совершенно завязанный, они вкладывают в другой, который также завязывают. Затем они расстилают оба мешка во всю ширь и совершают на них половой акт.— Этот случай следует истолковать в том смысле, что все враждебные духи глубоко запрятаны в мешках. Формулы, которые, вероятно, в свое время произносились в подобных случаях, забыты уже народом*.

В Западной Богемии существует поверье, что бедствие, ниспосланное колдовством, можно устранить, спуская мочу на старую метлу.

В Хорватии женщины, которые хотят остаться бездетными, поступают следующим образом: во время менструации они берут три горячих угля и тушат их в своей крови. Но если она переменит свое решение, то ей достаточно бросить один из этих углей в огонь. В последнем случае она родит ребенка еще в настоящем году. Или она достает у какой-нибудь женщины шнурок, которым были перевязаны руки мертвеца в первую ночь, и перевязывает им свое голое тело. Теперь она уже может сделать со своим мужем все, что угодно,— у нее детей не будет.

Если невеста в будущей своей супружеской жизни не хочет рожать детей, то она в день свадьбы, во время купанья, берет к себе в ванну висячий замок, ключик к нему и одну серебряную монету. После купанья она прячет это у себя за пазухой и отправляется на свадьбу. Она останется бездетной до тех пор, пока на те деньги, которые в свое время взяла с собой в ванну, не купит себе чего-нибудь съестного и сама этого не съест. Но если она теряет монету, то у нее детей никогда не будет.

В комитете Пест невеста, желающая остаться бездетной, бросает во время свадьбы из своего свадебного венца рис в огонь. Или в своей крови она тушит розмарин, который, по народному поверью, служит средством предохранить себя от беременности. В Кремнице мать бросает запертый замок в воду с тем, чтобы дочь ее не рожала детей. В Бекезерском

комитете невеста получает в руки запертый замок, скважину которого заполняют просом. Если замок как-нибудь случайно откроется, то колдовство не удалось.

Точно так поступает покинутый мужчина, горящий мстью к той девушке, которая отдала предпочтение другому человеку. Он берет висячий замок, открывает его и подкарауливает свадебный кортеж. Затем он бросает из своей засады этот замок в брачную чету. Ключик он оставляет у себя, а иногда бросает вместе с замком. Этот вид колдовства ведет к тому, что невеста теряет способность принять семя или жених оказывается импотентом. Полное исцеление их может произойти лишь тогда, когда чародей, найдя этот замок, откроет его.— Или в день свадьбы он бросает запертый замок в море со словами: когда этот замок всплывет на поверхность моря и будет кем-нибудь отперт, только тогда удастся жениху лишиться свою невесту девственности!— Мужчина теряет при таких обстоятельствах способность к половому сожительству с женой.— Точно так же поступают и девушки.

Южный славянин всюду применяет половые чары. Должен ли он изгнать беду, хочет ли попытать счастья— во всех этих случаях он одинаково пускает в ход половые чары. Если он боится судебного приговора, он обращается к своему половому органу и поручает ему принять кару, сваливая ее таким образом с себя. Ищет ли он покупателя, хочет ли он богато жениться— всюду он зовет на помощь половые органы. Недаром он окрестил их именем «жизнь» и «сила». Иными словами, в этом для него воплотилось решительно все в мире.

Все, что имеет какое-нибудь отношение к половым органам, эксплуатируется в интересах колдовства. На первом месте здесь, конечно, стоит менструальная кровь женщины. Если фруктовые деревья засыхают и не приносят плодов, то молодая женщина, вымывая во время менструации свои половые органы, обливает этой водой деревья и приговаривает: «Этим цветком вас никогда еще не обливали! Смотрите— вот пришел цветок и вы пышно расцвели перед всем миром. Без цветка моего я жить не могу— и вы не живите без плодов!»— Отправляясь в поле пахать, заворачивая зерна в рубаху

* Dulaure (Krauss), a. a. O., S. 158.

молодой девушки, подвергшейся первый раз в своей жизни менструации; это, согласно народному поверью, дает богатый урожай.— Или закапывают несколько булок, испеченных в менструальной крови, на пороге дома — это приносит удачу предпринимаемому делу*.

Менструальная кровь употребляется в качестве целебного средства против всякого рода болезни: перемежающейся лихорадки, водобоязни и т. д. Это средство действует вернее всего в тех случаях, когда женщина, у которой взята кровь, не знает, какое применение дадут этой крови; особенно целительная кровь молодой девушки, первый раз перенесшей менструацию**.

С другой стороны, менструальной крови приписывают целый ряд отрицательных качеств. Она окисляет вино, наводит ржавчину на железо, портит посевы.

«Даже всепожирающий огонь — и тот не в состоянии уничтожить силу этой материи. Умойте пурпурную материю, намазанную пеплом ее, и краска спадет; даже цветы теряют свою краску. Сами женщины ясно ощущают на себе действие этого яда: намазанные в определенных частях пеплом этой материи, они теряют способность донашивать своих детей...***».

Большой ценностью обладает семя. Строя дом, человек кладет под первый фундаментальный камень семя. Если женщина хочет иметь умных, рассудительных детей, то она должна взять к себе в кровать семя мужчины. Человек, желающий отвратить от себя колдовское наваждение, должен сам себя удовлетворить, приговаривая при этом: «Пусть счастье поможет мне в жизни, пусть ни одна женщина не учинит мне зла, а наслаждение я сам себе доставлю».

Южные славяне делают амулеты из половых органов животных. Яички кота носят обыкновенно в записной книжке, чтобы дело преуспевало. Козлиные яйца кладут в голубятню, чтобы предохранить себя от дьявола. Против половой импотенции употребляются половые органы самых разнообразных животных: лисы, волка, оленя и т. д.****.

* Dulaure (Krauss), a. a. O., S. 186/87.

** Schindler, a. a. O., S. 165.

*** Plinius Historia naturalis.

**** Dulaure (Krauss), a. a. O., 186/78.

Но если на низшей ступени культурного развития главную роль играют половые органы животных, то на высшей ступени эта роль отведена *fascinum*'у (амулету). Он является предохранительным средством против разнообразнейших видов колдовства, а особенно — против «дурного глаза». Талисману придавали самые разнообразные формы. Рядом с самым простым изображением мужского члена мы встречаем здесь крайне причудливые комбинации, центром которых все же является половой орган. Рука, сложенная в фигу, также являлась излюбленной формой талисмана. В Португалии фигу до сих пор еще играет роль амулета, предотвращающего «дурной глаз» и всякие другие чародейские происки. Этот жест очень распространен во всех романских, германских и славянских землях; конечно, в повседневной жизни человек, выставя фигу, вовсе не имеет в виду спугнуть и отвратить дьявольское наваждение. Фига представляет из себя соединение мужских и женских половых органов. Употребление подобных жестов и талисманов покоится на старом предрассудке, будто человек, обнажая свои половые органы, тем самым разгоняет злых духов и устраняет разрушающее влияние отъявленных чародеев*****.

Колдовство применяется и против венерических болезней, да и вообще во всех тех процессах, которые непосредственно связаны с половой жизнью человека.

Предположим, что у девушки была менструация первый раз в жизни; она хочет несколько сократить этот процесс — для этого достаточно ей начертить своей менструальной кровью крест на щеке. Если же кто-нибудь спросит ее, что у нее на щеке, то она должна ответить словами: «день и ночь!», причём она повторяет эти слова в течение такого времени, которое, по ее мнению, достаточно для завершения менструального процесса. Или тотчас же после менструации она, не переводя дыхания, произносит три раза: 24 часа! 24 часа! 24 часа! В таком случае менструальный процесс у нее продолжится не более 24 часов, так как дух, вызывающий этот процесс, должен, согласно

***** Dulaure, a. a. O., 65 u. 112 Aum.

народному поверью, подчиниться повелению молодой девушки*.

В верхней Венгрии пользуется большим распространением следующее средство против сифилиса: больной отправляется к «мудрой женщине». Она усаживает его по самой середине комнаты, лицом к открытой двери. Далее она старательно мелет воск и кладет его в новый горшок. Это она проделывает семь раз, причем трогает больного за голову, спину, руки и ноги. Наконец, больной плюет в горшок и вместе с колдуньей отправляется к ручью; тут он раздевается и голый входит в воду. Тем временем женщина льет больному на голову воду и при этом приговаривает: Во имя Отца, Сына и Святого Духа—Аминь! Господи—избави раба Твоего от тяжелой болезни,—затем она бросает горшок в воду; но она должна постараться сделать это так, чтобы течение унесло его от больного.

Тунисские арабы в подобных случаях поступают таким образом: они делают из свинца маленькое изображение своей жены, надписывают на нем ее имя, имя ее матери и Таира, покровителя этой болезни. Это изображение они держат некоторое время перед огнем и затем зарывают его где-нибудь на старом кладбище. Этим дело и кончается—араб глубоко убежден, что ни у него, ни у жены его нет больше сифилиса**.

Часто думают вылечить триппер или сифилис с помощью полового акта с юной, непорочной девушкой. В этом несомненно заключается известный оккультный момент. Дело в том, что человек, вступая в связь с непорочной девушкой, глубоко уверен в том, что эта чистота перейдет на него и подавит в нем результаты прежней порочной жизни его.

Один старый немецкий автор рекомендует следующее средство против поллюций: попроси какого-нибудь совершенно целомудренного юношу собрать для тебя щавелевые семена и носи их всегда при себе—ночные поллюции у тебя сразу прекратятся. Если ты даже до того обессилен, что семя у тебя выделяется и не во время сна, то послушайся моего совета—он

тебе принесет большую пользу. Богемские немцы еще до сих пор пользуются этим средством.

В Пруссии мальчики, страдающие грыжей, должны три раза пройти сквозь молодой дубовый ствол, расщепленный надвое. Когда дерево совершенно срастается, проходит и болезнь. Этим обрядом хотят перенести страдания мальчика на дерево. Грыжа, понятно, не единственная болезнь, которая лечится подобным образом***.

Когда у хорвата заболевает ребенок и есть основание предполагать, что эта болезнь явилась результатом дурного глаза, колдовства и т. д., то поступают таким образом: отец и мать срезают у себя несколько волос, растущих в сфере половых органов и подмышками. При этом необходимо соблюдать такой порядок: сперва срезают под правой подмышкой, затем с левой стороны половых органов. В противном случае колдовство окажется безрезультатным. То же самое проделывает и жена. Волосы эти кладут на горящие угли, раскуривают их около больного, причитывая при этом: «Прочь, злой дух! Тебе здесь не место! Отец и мать... создали эту жизнь, защищают ее и гонят всякое зло от нее! Прочь, злой дух! Здесь не место тебе!» Эта формула повторяется три раза.—Основной смысл этого обряда заключается в том, что дитя, рожденное их «силой» и «жизнью», не может умереть, раз оно защищается различными частями, взятыми из сферы той же «силы» и «жизни»****.

Все эти колдовские церемонии покоятся всецело на внушении. Что касается вопроса об импотенции, то, кроме различных физических и психических факторов (как-то: боязни околдования, мысли об измене своей прежней возлюбленной), здесь следует принять во внимание еще один психический момент, названный Mantegazz'ом «идиогамией»*****. «Сущность идиогамии заключается в том, что мужчина может удовлетворить только одну женщину или несколько определенных женщин, по отношению же ко всем остальным он является

*** Ebluda, II, 148 u. 57.

**** Kraus u. Mitrovic, a. a. O., 168.

***** Zeitschrift für sexualwissenschaft, Jahrg I. № 4, April 08, S. 224.

* Krauss u. Mitrovic, a. a. O., 175/76.

** Novorka u. Kornfeld, a. a. O., II, 158 u. 161.

совершенным импотентом». Так как и в деревне браки очень часто заключаются далеко не по любви, а в силу соображений материального характера, то весьма нередко бывает так, что жених является полнейшим импотентом по отношению к своей невесте. Подобные факты рассматриваются как обыкновенные случаи колдовства. Дело в том, что простой человек несколько не представляет себе, как велика сила отвращения и антипатии, заложенная в нем; он глубоко убежден, что его мужественность не знает никаких границ. Чтобы свергнуть с себя это проклятие, необходимо заняться колдовством. Спасение придет лишь тогда, когда человек будет глубоко уверен в действительности применяемого им чародейского средства. В противном случае, необходимо пустить в ход другое заклинание. Строго говоря, к тому же заклинанию прибегает и терапевт в своей борьбе со случаями «идиогамии»; разница заключается лишь в том, что он прекрасно понимает сущность применяемого им метода, к тому же метод его строго научного характера.

В область половой магии входит и изготовление Jungfernerpergament. Особенно подробно разработал эту область Cagliostro. К нему нередко обращались люди с вопросом, как продлить человеческую жизнь; всех их он снабдил чрезвычайно обстоятельными рецептами по этому вопросу. Но здесь дело не исчерпывается одним только продлением жизни; «яйцо счастья» приносит много других радостей в жизни.

Магьяры готовят это яйцо следующим образом: мужчина берет яйцо, делает в нем маленькое отверстие и тщательно выливает оттуда белок. Затем он вливает туда несколько капель своей спермы, законопачивает отверстие гипсом или воском, а самое яйцо кладет под наседку. Через 21 день это яйцо каменеет. Если коснуться этим яйцом какого-нибудь предмета, то это приносит счастье обладателю его. Но с этим яйцом необходимо обращаться крайне осторожно. Если оно ночью как-нибудь попадет в воду, тогда все пропало: человек умирает или теряет рассудок*.

Сексуально-магические обряды весьма распространены и среди копателей кладов. Эти

обряды совершаются здесь с той целью, чтобы найти клад, тщательно охраняемый всякими духами. Pater Bronner рассказывает нам о подобном случае из своей жизни. Раз как-то его позвали к месту, где откапывали клад. На вопрос, какова цель его пребывания здесь, он получил такой ответ: чтобы найти клад, необходимы три вещи: библия, юная девственница и духовное лицо, не имевшее никогда общения с женщиной. Священник, раздевшись донага, должен отслужить мессу; тем временем девушка, также совершенно голая, стоит на алтаре, покрытом тонким слоем земли. Землю эту должны откопать священник и девушка после прочтения соответствующего места из библии. После мессы землю следует разбросать в том месте, где лежит клад; туда же идет девушка, за ней следует священник, который должен освободить ее от уз девственности. Этим актом символизируется расторжение уз, связывающих клад с землею. Теперь откопать этот клад уже не представляет особенного труда.

Все сказанное нами о половых и любовных чарах несколько не исчерпывает области половой магии; мы только приблизительно наметили границы ее. Нарисовать подробную картину этих явлений было бы нецелесообразно. Помимо всевозможных повторений, которые неизбежно попадались бы в ней, она имела бы еще и другие отрицательные результаты: отдельные детали отодвинули бы от нас общее, а глубокое и содержательное было бы подавлено массой бессмысленного и нелепого. Взятая, как целое, половая магия вряд ли может похвастаться какой-нибудь положительной чертой. В противовес половой мистике, откровения которой блещут подчас истинной мудростью и красотой, половая магия не только ничего не создает — она все разрушает. Даже те случаи, когда два человека вовлекаются в процесс взаимного колдовства, неминуемо влекут за собою зло. Ибо принуждение — это основное ядро всякого волшебства — является несчастием для той или другой стороны. Магия редко приносит человеку спасение. Ибо она вся основана на силе. Но что такое сила в руках человека, не сумевшего себя осилить? Ответ здесь может быть один: она — зло.

* H. v. Wislocki, Volksglaube und religiöser Brauch der Magyaren.

КОЛДОВСТВО

В колдовстве связь между оккультизмом и сексуальностью особенно разительна. Я хочу тут же заметить: колдовство и вера в него является глубоким человеческим пред-рассудком, свойственным не одному только христианству и средневековью. Пышный расцвет колдовства в средние века объясняется исключительно социальным неустройством, столь характерным для того времени.

Уже Зенд-Авеста и Пятикнижие жестоко громят колдунов, не принадлежащих к официально признанному жречеству. Этих преступных соперников необходимо было устранить во что бы то ни стало. С этой целью было официально объявлено, что они несут с собою в мир зло и проклятие. К этому средству очень часто прибегала христианская церковь в своей борьбе с различными сектами. Парсы до сих пор справляют праздник избиения магов (дозороастрово жречество); левиты не могут в достаточной степени нахвалиться той решительностью, которую проявляли короли в истреблении жрецов Ваала и всех прочих посягателей на веру Иеговы. Страшное подозрение тяготело над жрецами и целыми общинами, отвергавшими государственный культ; их общим уделом была смерть.

Особенно дурной славой пользовались в Греции орфеотелесты; отношение к ним официально-признанного жречества было проникнуто исключительной враждебностью. Эти жрецы—главари секты орфиков, слившейся с сектой пифагорейцев,—странствовали по всей Греции и провозглашали перед народом тайны своей мудрости. Они исцеляли самые серьезные, неизлечимые болезни, вроде эпилепсии, умопомешательства и т. д., отпускали людям грехи, предотвращали зло и проклятие. Врагов своих они низвергали различными кол-

довскими формулами и заклинаниями; они даже похвалялись, что в состоянии сорвать луну с неба, помрачить солнце, вызвать бурю и непогоду, дождь и засуху. Их церемонии и заклинания сопровождались жертвоприношениями и танцами, доходившими иногда до крайних пределов полового излишества. Впоследствии против орфеотелестов пошли всякие преследования и гонения. Подобной участи не избегли и люди более возвышенных взглядов; даже Сократ, обвиняемый в том, что он будто бы отрицал богов своей родины,—и тот поплатился своей жизнью. Аналогичное явление приключилось с одной чужестранкой; она подверглась преследованию за различные преступления: отрицание государственного культа, подстрекательство афинских рабов и колдовство. Delrio и другие исследователи процессов против ведьм стараются возможно шире использовать этот случай. Все они выдвигают его в качестве неопровержимого доказательства в пользу того, что эти процессы были очень многочисленны даже в древние века. От себя заметим, что этот вывод вовсе не лишен оснований.

Мало того. Рассматривая процессы против ведьм, относящиеся к древним временам, мы находим в них абсолютно те же черты, которые свойственны средневековым процессам. Дело иногда доходит до полнейшего сходства в деталях. Разница заключается лишь в том, что древние века выгодно отличаются от средних юридической изобретательностью и теологической глубиной. В греческой литературе мы находим подробные сведения относительно деятельности фессалийских ведьм. В одном месте мы, например, читаем, что благодаря их маслам люди обращаются в птиц, ослов, камни и т. д., что наиболее страстные среди людей

проносятся ночью по воздуху, держа свой путь к ложу страсти и наслаждений. Точно так же и Рим, помимо жрецов государственного культа, знает многочисленных странствующих жрецов, которые, подобно греческим орфеотелестам, предлагали за небольшое вознаграждение свои услуги в области магии. И здесь любовные чары практикуются в самых широких размерах; люди занимаются ими или самостоятельно, или при содействии странствующих жрецов. В греко-римском культе мы встречаемся с Эмпусами и Ламиями, этими дьяволами страсти и вампирами. Предмет их страсти — это молодые, красивые юноши, с которыми хотят вступить в половое общение. Насладившись половым актом с каким-нибудь юношей, ламия убивает его и с преступным наслаждением упивается его кровью. — Римский закон налагает кару на чародея лишь в одном случае: когда магические действия его причинили кому-нибудь существенный ущерб.

Распространение христианства не внесло в эту сферу никаких перемен. Единственная перемена заключается в том, что колдовские обряды были признаны суеверием; но — дальше этого не шли. Только в царствование Льва Философа был издан (между 887 и 893 годом) указ о полнейшем запрещении всяких колдовских церемоний. Огромную роль в этом отношении сыграли отцы церкви. Описывая дионисии и вакханалии, они тем самым создали стройную систему колдовского действия; они, кроме того, дали законченную картину ведьмина шабаша. Христиане обвиняли язычников в половых излишествах; отцы церкви ответили на это тем, что разрешили подобные эксцессы первоначальным христианским общинам. Для христианской церкви этот спор прошел совершенно бесследно: впоследствии она выдвинула против еретических сект обвинения в подобном разврате. Стороны находились между собою в самой напряженной, убийственной вражде. Одна партия рисовала картины того оргического безумия, которое будто бы совершалось у другой; но эти картины послужили прототипом ведьмина шабаша.

Особенно резко нападает на христиан Minucius Felix. В ночных собраниях своих они

вкушают нечеловеческую пищу, высмеивают богов своих, кощунствуют; их культ — безбожие, а не богопочитание. Они приветствуют друг друга, как братья и сестры; но это святое общение оскверняется гнуснейшим развратом. Некоторые утверждают, что они поклоняются половому органу своего верховного жреца. Их праздники — это сплошная разнузданность; в них принимают участие все: сестры, матери, жены и дети. Надеясь и напиваясь, они вызывают в себе преступное сладострастие. После пиршества огни тушатся и все участники его предаются безумному разврату.

Церковь нередко обвиняла еретиков в том, что вера их в Бога глубоко проникнута половым содержанием. Справедливость требует заметить, что эти обвинения в большинстве случаев были совершенно неосновательны. Теперь уже достоверно известно, что только некоторые христианские секты исповедывали принцип, согласно которому «порочность является необходимым условием человеческого спасения». К этим сектам прежде всего относится секта карнократианцев. Однако Ирелей, человек в общем враждебно настроенный по отношению к еретикам, говорит, что практика карнократианцев во всех отношениях превосходит их теорию. Принимая кого-нибудь в свою секту, карнократианцы совершают над ним следующий обряд: раскаленным железом, ножницами или иголкой они отмечают его знаком, который наносят в нижней части правого уха. Этот обряд напоминает нам предписание Ветхого Завета, согласно которому иудей должен был сделать пометку на ухе своего раба не иудея в том случае, если последний отдавался в вечное рабство. Этот знак имеет громадное значение и в другом отношении: он является прототипом тех дьявольских знаков, которые так тщательно разыскивали у ведьм. На основании одного только знака церковь определяла принадлежность того или иного человека к еретической секте.

Кроме карнократианцев, здесь следует упомянуть и адамитов. К сожалению, об этой секте ничего достоверного неизвестно. Говорят, что в своих собраниях они появлялись совершенно голыми; там будто бы происходили

самые опасные испытания целомудрия. В этом отношении они сильно напоминают кенигсбергских ханжей. Подобно этим ханжам, адмиты также не всегда выходили из этих испытаний победителями.

В церемониях посвящения, практиковавшихся у катаров, мы находим одну черту, перешедшую впоследствии в культ дьявола: освобождение человека от всех заветов и уз, связывавших его с римской церковью*. В подобном отрицании папской власти церковь, естественно, узрела отрицание Бога и христианства. Вообще катарская община, устраивавшая самостоятельные заседания и имевшая своих собственных епископов, представлялась католической церкви в виде союза людей, объединенных поклонением дьяволу; эта секта дала непосредственный материал для создания картины ведьмина шабаша. Булла Георга IX, инспирированная Конрадом Марбургским и призывавшая к крестовому походу против чародеев и поклонников дьявола, дает подробную картину катарских торжеств:

«Когда в эту школу гнусности и разврата вступает новичок, перед его глазами появляется лягушка или, как иные ее называют, жаба. Некоторые целуют ее своими грязными устами в задние части, а иные — в губы, втягивая к себе в рот язык и слюну этого животного. Размеры этой лягушки весьма различны; то она появляется в свою натуральную величину, то она достигает размеров гуся или утки. Далее новичок видит перед собою чрезвычайно бледного человека с громадными черными глазами; он невероятно худ; на нем нет ни куска плоти, только морщинистая кожа безобразно покрывает его кости. К нему подходит новичок и целует его; после этого поцелуя у него пропадает всякое, даже самое отдаленное воспоминание о католической вере. Затем идет пиршество. После пиршества появляется черный кот с вздернутым хвостом, величиною с среднюю собаку. Его целует новичок, а затем по порядку и все катары; но к этому коту допускаются лишь наиболее достойные и совершенные. Склонив свои головы перед котом, катары сно-

ва усаживаются на свои места. Тем временем главный жрец среди других заклинаний провозглашает: «Пощади нас!» Это он говорит своему соседу; третий же катар отвечает: «Мы это знаем!», а четвертый добавляет: «Мы должны быть послушны!» После этого обряда в комнате тушится свет и катары предаются разврату, не сообразуясь ни с возрастом, ни с родством. Если мужчин случайно оказалось больше, чем женщин, то мужчины вступают в преступную связь между собою. Ту же противоестественную гнусность совершают и женщины. Совершив этот безбожный грех, катары снова зажигают огни и возвращаются на свои места. В это время в темном углу комнаты появляется человек, верхняя часть которого сияет ярче солнца; нижней частью своей, покрытой густыми космами, он напоминает собою кота. Своим ослепительным блеском он наполняет все пространство. Главный жрец подходит к новичку, отрывает от его платья маленький лоскуток и, обращаясь к сверкающей фигуре, говорит: «Владыко! это мне дано, а я возвращаю тебе!» Ты честно служил мне, но ты еще будешь служить мне. Поэтому поручаю тебе сохранить то, что ты передаешь мне!» После этих слов фигура немедленно исчезает**.

В таких красках рисовали себе картину ведьмина шабаша наиболее интеллигентные представители тогдашнего мира. В применении к условиям германской жизни эта картина имела вполне реальное основание. Если отцы церкви, желая опозорить ту или иную христианскую секту, смешивали основные принципы ее с глубокой развращенностью античного мира, то в народной психике все эти картины живейшим образом связывались с воспоминаниями о культе демонов, столь недавно сошедшем со сцены. С появлением христианства дело приняло совершенно другой оборот: демоны были признаны носителями злого начала, их жрецы — чародеями, а альвруны и гаадисевы — ведьмами. Несмотря на всенародную анафему, провозглашенную с высоты церковной кафедры старому народному культу, все

* Soldan, a. a. O., S. 36/37.

** Kisewetter, a. a. O., II, 460/61.

же находились люди, которые продолжали верить в старых кумиров и которые устраивали в честь их пышные торжества, хотя бы они официально всячески открещивались от своего культа. Этот культ, естественно, постепенно вырождался, подобно тому, как вырождается все, загнанное в подземелье. Могучим стимулом впоследствии явилось глубокое враждебное отношение к церкви. Придирчивость и нетерпимость духовенства привели к тому, что тайные союзы начали приобретать сильное влияние на народные массы.

Элементом, связывающим поклонников старых кумиров, были, прежде всего, майские торжества. С этими праздниками связаны «многочисленные народные обычаи, многочисленные предания и верования... длинные процессии тянулись по полям, бесчисленный скот проходил по ним... а ночью в темных местах справлялись оргии». Чтобы отпугнуть доносчиков и любопытных, в народе поддерживались самые нелепые легенды о Вальпургиевой ночи*. Все эти обряды начали постепенно вырождаться, дело дошло до того, что поклонники Вутана, Донара и Фрея сами стали смотреть на себя, как на союзников дьявола. Подобные союзы существовали еще долгие века; подтверждением этого являются многочисленные факты. Так, например, в 1582 году было найдено на одном холме близ Мэмпельгарда три стола и серебряный сервиз ценою в 2500 талеров. Сервиз был взвешен и оценен мэмпельгардскими ювелирами; они нашли на нем многочисленные шифры высокопоставленных местных жителей. Тщательные исследования, произведенные над этой находкой, выяснили, что мэмпельгардская аптекарша «выдала замуж свою дочь», т. е. посвятила ее в тайны гнусного ведьмино ритуала. Возникший отсюда процесс стоил жизни 140 лицам**.

Из другого источника мы черпаем такие сведения: «Узнали, что мясник (известно, что мясники отличаются редким бесстрашием и отвагой), проезжая ночью по какому-то лесу, услышал в кустах разговор, сопровождаемый смехом и шутками. Он остановился, начал вни-

мательнее прислушиваться и, наконец, подошел к этому месту. В один миг все бывшие здесь люди исчезли, оставив стол, покрытый самыми изысканными блюдами; на столе, кроме того, стояло несколько серебряных бокалов. Но он не смутился. Постояв немного, мясник решил, что не мешало бы ему что-нибудь взять со стола и поэтому он сунул в карман два серебряных бокала и пошел. На следующий день он отнес эти бокалы к властям и рассказал подробно о том, как они попали к нему в руки. По знакам, находившимся на бокалах, власть напала на след их собственников; последние были немедленно приглашены, им дали для осмотра бокалы, в которых они признали свою собственность. Но тут явилось предположение, что эти бокалы лишь похожи на те, которыми обладали эти лица. Был устроен обыск, который установил, что у этих лиц действительно пропали бокалы. Подозрение пало на их жен... и тут раскрылись невероятные истории, превосходящие решительно все то, что в состоянии придумать самая пылкая человеческая фантазия. Впоследствии мяснику пришлось снова проезжать этот лес. Приблизившись к этому месту, он увидел перед собою всадника невероятных размеров, с обнаженным мечом в руках. Всадник стремительно надвигался на него, стараясь поразить его своим мечом. Но мясник удачно отбивал удары. В этой борьбе они провели больше половины ночи. Мясник к концу до того обессилел, что ему пришлось слечь. Слабость надолго приковала его к кровати»***.

Подобные заседания мы находим в романских странах. В своей книге «De Strigibus» Spina рассказывает, со слов одного знакомого врача, что тот, проезжая ночью какую-то деревушку, наблюдал там подобное пиршество. Далее он сообщает: «Пятьдесят лет тому назад в городе Мендризии, близ Комо, слушалось дело касательно ведьм; следователем был Bartholomäus de Homate, Podesta Dr. Laurentius de Concoretio, а нотариусом — Iohannes de Fossato. Но вот Подесте захотелось узнать, насколько верны слухи относительно

* Schindler, a. a. O., 260/61 u. 324.

** Kisewetter, a. a. O., II, 586.

*** Horst, a. a. O., I, 349/51.

всевозможных проделок ведьм. Условившись предварительно с ведьмой относительно места, он в назначенный день отправился туда в сопровождении нотариуса и одного друга своего. Придя на место, они увидели перед собою толпу людей, плотно окружившую какого-то человека. Вдруг толпа бросилась на чиновника и его спутников и... избил их до того, что через две недели они умерли».

Тот факт, что в этих ночных пиршествах принимали участие люди, принадлежащие к высшему слою общества, ясно указывает, что источником колдовства является именно этот класс. Что касается народных масс, то среди них колдовство нашло благоприятную почву для своего развития. Во всем этом далеко не последнюю роль сыграл орден тамплиеров.

Орден был уничтожен, но члены ордена остались целы и невредимы. Часть они вступили в орден иоаннитов, а те, которые принадлежали к дворянскому сословию, поселились в замках своих родственников. Легко представить себе, что они нашли многочисленных поклонников и поклонниц, среди которых гностические теории и чародейские операции их пользовались большим успехом. Ибо «не слезливая деревенская баба, а стройная, разодетая в шелку дама, или монашенка, борющаяся со своей девственностью,— вот кто первый хватился за любовные напитки и одурманивающие наркотические масла. Они, не кто иные, были первыми ведьмами. Выйдя из замка, колдовская эпидемия распространилась по всем углам деревенской глуши; из преступления аристократического колдовство превратилось в демократическое преступление... и вот началась разрушительная война против буржуазной женщины, война, которую мы называем ведьминым периодом». При этом следует заметить, что, как в городе, так и в деревне, была целая масса «умных женщин», которые в своей колдовской, магической деятельности резко отличались от ведьм. Характерной чертой ведьмы является глубокая ненависть ко всему существующему и инстинкт разрушения; «умная женщина», напротив, хотела во всем являться только помощницей. Аналогичная разница существует между чародейством и кол-

довством. Последнее стремится все разрушить; чародейство же имеет в виду достигнуть оккультным путем различных выгод; во всяком случае, оно всячески избегает отрицательных влияний на человеческую судьбу. В подтверждение этого мы можем привести тот факт, что в период многочисленных процессов, возбужденных против ведьм, приговоры судов отличались особенной мягкостью, когда дело касалось вопросов чародейства.

Основной пункт, в котором чародейство отличается от колдовства, есть вера в дьявола. Первая и единственная причина, в силу которой человек становится колдуном, это— дьявол. Без него вообще немислимо никакое колдовство. Ибо чародейское действо и заклинания, разрушения и ночные пиршества— все это мы встречаем еще в раннем языческом мире; только союз с дьяволом окончательно завершает специфическую природу колдовства. Новообращенный христианин должен был отвергнуть всех старых богов, низведенных на степень демонов; далее он налагал на себя обет послушания и подчинения новому Богу. Отсюда с очевидностью вытекает неразрывная связь, существующая между ересью и союзом с дьяволом: Христианин, отпавший от своей веры, снова возвращался к дьяволу, отвергнутому им при святом крещении. Колдовство— кульминационный пункт веры в дьявола.

«Разнообразные процессы материального и духовного содержания сильно способствовали распространению веры в дьявола. Философия, насквозь пропитанная схоластикой, отдалась в услужение теологии; медицина и юриспруденция, проникнутые предрассудками данной эпохи, находились во власти той же фанатически-нелепой теологии. Пылкая вдохновенная вера в христианский крест бесследно прошла; осталось лишь сознание неискупленного греха, толкающего человека в объятия дьявола. Человек обратился в существо, отвергнутое Богом, искупающее свой грех; все это наложило на него печать какого-то безотрадного аскетизма. Возвышенное учение Христа превратилось под влиянием священнослужителей в какой-то абсурд, насмешку; все свелось к преклонению и обоготворению святых мо-

щей. Бесконечная божественная идея была раздавлена и втиснута в ковчег с мощами, роскошно убранный брильянтами; всемогущая любовь Христа воплотилась в жалкой паре тленных костей... Вместе с тем настало междуцарствие; огонь и меч долгое время господствовали над страной. В конце XIV и в начале XV века натуральное хозяйство сходит со сцены; капитализм властно и решительно подымает свою могучую голову. Торговля дифференцируется; возникают различные капиталистические ассоциации, банки, промышленные товарищества... Цеховая организация падает; материальная гипертрофия высших классов общества влечет за собою возникновение городского и сельского деклассированного пролетариата... Жизненные устои марки рушатся; общинная собственность конфискуется; лес, дичь, птица, рыба в воде — все это принадлежит уже не жителям марки, а землевладельцу. Крестьянская собственность подверглась бесконечному дроблению, и этот процесс низвел деревенское население на степень париев социального развития... Положение было безнадежное. И революция не заставила себя долго ждать. Уже XV век принес многочисленные симптомы наступающей грозы в виде отдельных территориальных возмущений. Социалистически-коммунистические требования крестьян были объявлены и значительными принципами справедливости Божьей; это придавало им известный религиозный оттенок и вызывало в сердцах неимущих и угнетенных порыв восторженного фанатизма.

«Ко всему этому присоединились различные явления, чисто внешнего характера. Роковое зло, опутавшее несчастное человечество, постепенно росло и распространялось, и мир был потрясен мучительным страхом перед мрачной силой дьявола. Наводнение уничтожило посевы; дороговизна достигла крайних пределов. Пошел голод, стоивший жизни сотням тысяч людей... Люди лишены были правильной медицинской помощи; эпидемические болезни прокладывали себе широкий, просторный путь по стране и над людьми вспыхнула кровавая заря черной смерти... Голод, мор, землетрясения, эпидемия — все это вещи, хоро-

шо знакомые христианскому миру; но все эти гибельные явления доводят страх перед силой ада до безумия... Воцарилась всеобщая растерянность; люди потеряли всякую надежду на будущее; они увидели себя в цепких объятиях дьявола, из которых им никогда не вырваться. Бездна вечности засияла перед их глазами и они искали утешения в религии».

В противоположность глубокой развращенности дворянских и буржуазных слоев, народные массы предаются страстному аскетизму и утонченной мистике. Человечество было охвачено глубокой идеей искупления, и смертельное отчаяние, господствовавшее над умами тогдашнего времени, сказывалось в многочисленных искупительных обрядах: массовое внушение и болезненный инстинкт подражания вызвали так называемые «эпидемии имитации». — Сюда относятся: крестовый поход детей, устроенный в подражание прежним походам, и бешенство пляски, «прорвавшееся впервые в Аахене в 1347 году и распространившееся впоследствии по всей Германии и Нидерландии. Держа друг друга за руки, люди извивались в дикой пляске и заражали своим примером решительно всех: благочестивую девушку и знатную даму, священнослужителя и профана. Они безумствовали и плясали до изнеможения, до упаду и бесстыдно обнаженные лежали перед лицом народа... Во время танцев, как утверждают некоторые, перед ними разверзается небо; они начинают громко проповедывать идею искупления и мучительно корчиться, словно охваченные конвульсиями бешенства. Куда бы они ни приходили, к ним присоединялось множество народа, хотя церковь самым энергичным образом восставала против подобной пляски. За пляской следовало флагелланство. Флагелланты образовали особую секту, имевшую свой устав. Всякий, кто вступал в эту секту, отказывался от частной собственности, жил милостыней, подчинялся всяким искупительным обрядам и исповедывался только перед старшим членом секты. Последнее обстоятельство привело к решительному разрыву их с церковью, так как они взаимно друг другу отпускали грехи. С высоты своей кафедры церковь, естественно, заявила, что

они одержимы дьяволом, и послала им вечное проклятие. Эта моральная необузданность, породившая столько еретических сект, окончательно потрясла в человеке веру в промысел Божий. Власть дьявола восторжествовала над грешным миром.

«Религия взяла на себя защиту интересов господствующего класса; дворянство и духовенство всячески эксплуатировали закрепощенный народ, и чем могущественнее и алчнее становились эти классы, тем мелочнее и бесодержательнее протекала народная жизнь. Как нельзя отрицать дьявола, не изменив своей вере в Бога, так нельзя было отвергнуть продажного священнослужителя и алчного землевладельца, не отрекаясь одновременно от церкви. Деспотизм дворянства теснейшим образом сплелся с деспотической иерархией духовенства, и оба они поработали, угнетали и истязали своих закрепощенных, изнасиловали и глумились над их женами и дочерьми. Если народ раньше уповал на Христа и трепетал перед лицом духовенства, то теперь все изменилось в противоположную сторону и в народе явилось к религии бесконечное равнодушие, благодаря влиянию того же священнослужителя, связавшего свои судьбы с судьбами дворянства... словом, дьявольское начало вступило в ожесточенную борьбу с всеблагодатью Христова учения. Жажда мести и отчаяния привели человечество к колдовству. Естественный инстинкт отдельного человека направился в сторону изначального принципа радикально-злого; незримо-трансцендентный принцип приобрел вполне конкретного, осязаемого представителя. Субъективное представление зла получило объективный характер, и эта абстракция родила понятие Сатаны, как некоторой противоположности Христу. Так, рядом с христианской церковью возникла лжецерковь Белиала, представлявшая из себя ужасную пародию первой. Всецело отдаваясь в руки радикально-злого начала и сливаясь с ним воедино, человек стремглав летел в мрачное царство ночи, в бездонную пропасть. Как разительна противоположность между ними и святыми: последние всецело приносили себя в жертву высшему благу. Так заключался несчастный договор

с сатаной в надежде получить от него помощь против своих притеснителей... Чрезвычайная озлобленность и мстительность возбуждали в этих телах, истощенных нищетой и кнутом, тайные магические силы, находившие применения во всевозможных сферах: в любовных чарах, в порче посевов и молока коровы, и, наконец, в различных церемониях с изображениями — этом убийстве *par distance!* В противоположность мистическим бракам святых людей с «женихом» Иисусом и с нежной Девой Марией мы видим, как «бесследно меркнет божественный огонь; духовное начало достигает крайних степеней разнузданности и горит в мрачном пламени животных страстей и вождлений». Тут происходит полнейшее слияние человека с принципом зла; это слияние сказывается в различных видениях, исполненных самого гнусного разврата. Если до того нередко были случаи совокупления священника с женщиной или священника со священником, то теперь мы уже дошли до столпов разврата: до кровосмешения с сатаной! Кульминационным пунктом этого сатанинского культа являлся ведьмин шабаш с ведьминскими изображениями, которые знаменуют собою тесную, неразрывную связь между индивидуальным бытием и субстанцией радикально-злого»*.

«Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с процессами, которые велись против ведьм, отлично знает, что акты посвящения в колдовские мистерии носили следующий характер... Старая ведьма, искушенная во всевозможных колдовских проделках, ясновидица, чрезвычайно одаренная в психическом отношении, встречает молодую девушку, в которой чувствует родственную себе душу. Немедленно она забирает ее в свои цепкие лапки и начинает рассказывать ей о всевозможных прелестях ведьмина шабаша. Девушка, естественно, принимает это за чистую монету. Возбужденная всеми этими дьявольскими приманками, она, наконец, доходит до того, что решается заключить договор. Колдунья замечает, что девушка отличается известной чувствительностью, что в ней даже есть некоторые задатки медиумического

* Dankmar, Hexentum und Ketzerei 265; 114; 265/69 und 317—29.

характера; кроме того, нервы ее достигли крайнего напряжения благодаря событиям, пережитым ею за последнее время. И вот начинается церемония посвящения. При помощи различных фокусов — пожалуй, месмерически-гипнотических манипуляций — ведьма старается внушить ей ту мысль, что дьявольский жених «юнкер Ганс» здесь налицо. Вполне понятно, что обыкновенная крестьянская девушка, погруженная в бесконечные глубины магической жизни, не в состоянии отличить воображаемое переживание от действительного; точно так же и внушение, совершенное лишь один раз, приобретает при известном повторении некоторую устойчивость. Кроме того, следует заметить, что в подобных случаях далеко не исключена возможность раздвоения «я» и медиумического «общения с духами»*.

Первым толчком к заключению союза с дьяволом были мотивы исключительно полового характера. Внебрачное половое общение, признанное церковью греховным, вызывало в людях малодушных, совершивших половой акт, сильное раскаяние; но вместе с этим раскаянием у человека рождалась мысль, не связался ли он как-нибудь с дьяволом. Если эта мысль психологически подтверждалась в нем, то все остальное являлось уже детской игрушкой. Во всех тех случаях, когда нам приходится читать о том, как человек пошел по пути колдовства или каким образом он заключил союз с дьяволом, везде на первом плане самым неприкрытым образом выступает половой момент. С этим вполне совпадает «правдивое и весьма сложное сообщение об одном случае, приключившемся в женском монастыре Unterzell^e, принадлежащем ордену премонстрантов»**.

«50 лет тому назад, в монастырь Unterzell поступила 19-летняя девушка, Maria Renata. Она пошла туда не добровольно, а по принуждению родителей, сильно нуждавшихся в материальных средствах. Несмотря на ее молодые годы, она уже четыре раза в своей жизни подвергалась искушению впасть в колдовство. Первый раз ее искушала женщина, второй

раз — рыцарь, третий — два офицера, которые, вероятно, были переодетыми дьяволами, а четвертый — служанка».

В этом духе давали свои показания и все прочие ведьмы; из этих показаний мы приведем некоторые:

«Anna Barbara Neudeckherin, девушка 15 лет, была заподозрена в причастности к колдовству, арестована и подвергнута пытке. Она сама созналась, что уже 2 года тому назад ее приобщали к тайнам колдовства и что на этой почве она даже проделала несколько злодейских церемоний. Во-первых, она страстно влюбилась в одного юношу и в этой любви своей применяла всякие колдовские средства. Путем колдовства она вызвала перед собою образ этого юноши; она беседовала с ним, острела, обещала оставаться верной ему навеки, побуждала его ко всякой гнусности и разврату. Во-вторых, она, по наущению злого духа, отвергла Всемогущего Бога и Святую Деву Марию».

«Heinrich Wentzel также был арестован за свои занятия колдовством. Он горько жалуется на то, что уже четыре года одержим этим пороком; он хотел бы уже очиститься от тяжелых грехов своих, исповедавшись перед христианским духовником. Он также, несколько не запираясь, сознался в грехах и злодеяниях, совершенных им за это время. Во-первых, он сблизился с одной женщиной и, толкаемый порочным злым духом, слишком далеко зашел в этом направлении. Во-вторых, пробуждаемый все той же враждебной силой, он самым преступным образом отрицал существование Бога в небесах. Он говорит, что сильно раскаивается в своих поступках; его молитвы нередко звучали пламенной мольбой освободить его от дьявольского наваждения. Кроме того, он принимал участие в различных собраниях ведьм, где дьяволу оказывались божеские почести».

«Keylin Bekhin говорит, что уже 5 лет тому назад она под влиянием одной ведьмы приобщилась к тайнам колдовства. За это время она успела совершить многочисленные злодеяния. Эта ведьма познакомила ее с одним мужчиной, по имени Hans Rumpel; этот мужчина якобы был ее жених. Молодая девушка скоро

* Kiesewetter, a. a. O., 580/81.

** Verfazit, 1749.

сблизилась с ним и между ними установились самые преступные отвратительные отношения».

«Catharina Lazerin говорит, что за 10 лет своей причастности к колдовству она совершила следующие преступления: Она страстно влюбилась в одного мужчину, жила с ним в порочной связи и раз заметила, что в образе этого мужчины перед ней явился злой дух, который также вступил с ней в половую связь. Всякое сопротивление здесь было напрасно; из страха она вполне подчинилась проискам дьявола».

«Helena Wentzelin сообщает о себе следующее: состоя в браке, она жила в незаконной связи с различными мужчинами. Раз явился к ней злой дух в образе человека, близко знакомого ей; она вняла его просьбам и вступила с ним в половую связь. Он ей обещал за это счастье и богатство, но своего слова не сдержал»*.

Четырнадцать человек, обвиненных в Рейтинге в колдовстве (11 мужчин, 2 женщины и один юноша), заявили, что этот порок был внушен им любовниками и любовницами их. Последние появлялись в образе солдат, соседей их и т. д. Судьи, участвовавшие в этом процессе, решили, что под этими любовниками следует разуметь дьявола, а потому не особенно глубоко вдавались в подробности дела; но, вникнув несколько глубже в это дело, они легко заметили бы, что мы имеем здесь дело не с колдовством, а с самым обыкновенным развратом. Правда, это обстоятельство не ускользнуло от внимания судей, но все же они посмотрели на это, как на инкубат и суккубат. Да, это было вполне естественно. То время не могло обойтись без подобных обвинений, жертвой которых пали люди, отрицавшие Святую Троицу и подвергавшиеся чортову крещению. Fischer** говорит, что центральной фигурой колдовства было одно духовное лицо. Он «совратил много невинных юношей и разбил их молодую жизнь самым преступным образом».

Страсть к ведьмину шабашу также находит свой двигательный мотив в половой сфере.

Насколько это верно, мы можем убедиться на словах Katharin'ы von Landol. Она говорит, что она может обойтись без сна; самое лучшее для нее время—это вечер; тогда она сидит за огнем и в ней возгорается такое страстное желание пережить ведьмин шабаш, которое по силе своей ни с чем сравниться не может***.

После многочисленных опытов, совершенных на местах, судьи, наконец, убедились, что мнимые поездки ведьм ничего реального в себе не содержат. Однако, они от своих обвинений не отказывались; они утверждали, что, если физически ведьмы никаких поездок не предпринимают, то духовно они это делают. Современный спирит сказал бы, что они высыплют своих двойников. Правда, различные ведьмы, не имевшие между собою решительно ничего общего, дают описания ведьминога шабаша, которые совпадают чуть ли не в мельчайших деталях своих; основательно было бы поэтому предположить, что в состоянии сна, действительно, совершаются какие-то магические процессы. Скорей только вопрос, является ли это ясновидящим проникновением в возбужденную фантазию данного лица, или мы имеем здесь дело с двойником, развивающим свою деятельность в умах других людей. Ведь нельзя оставить без внимания тот факт, что, несмотря на полнейшее совпадение в описаниях ведьмина шабаша, мы имеем дело лишь с условными представлениями. В пользу ясновидения говорят некоторые, довольно веские соображения. Предположим, что ясновидение, действительно, имело место; тогда возникает вопрос: что видно было? Реальное сборище? Но для этого никакого ясновидения не нужно; дело в том, что обвиняемые все-таки участвовали в подобных сборищах, а потому вполне естественно, что их показания на этот счет вполне совпадали. Нельзя ли здесь предположить наличность некоторой таинственной «общности душ?» Но и это вряд ли будет правильно, так как все это является вполне обычным, очень распространенным в народе представлением о разбираемом нами предмете. Но как же обстоит дело с детальным совпадением в пока-

* Horst, Extrahierte Hexenbekenntnisse.

** A. a. O., I. 358 u. 360.

*** De Lancre, Tablean de l'inconstance des mauvais anges et demons.

заниях различных ведьм? Это объясняется коллективизмом времени, который особенно сильно сказывается в низших слоях общества; здесь индивидуальный момент очень редко достигает ярких конкретных форм.

При создании картины ведьмина шабаша огромное влияние имеют различные средства, возбуждающие воображение человека. К этим средствам относятся: ведьмины масла, напитки и воскурения.

В своей «*Magia naturalis*» Porta приводит некоторые ведьмины масла. Он говорит: «Движимый своей преступной страстью, человек начал злоупотреблять благодетельными дарами природы. Дело, конечно, не обходится без некоторого суеверия; но все же следует заметить, что смеси, составленные им, не лишены известного действия в силу естественных свойств, заложенных в них. Я хочу здесь рассказать то, что слышал от людей, занимающихся этим. Берется жир маленького мальчика, заваренного в медном котле, и сюда присоединяется аконит, сельдерей и сажа. Или берется пятилистник и бешеная вишня и их смешивают с маслом или с кровью летучей мыши. Подобной смесью растирают члены тела до красноты; этим думают усилить влияние втираемых веществ. Люди при этом стремятся к одной цели: к радостям жизни и половому наслаждению с возлюбленными. Сила воображения при этом до того велика, что та часть мозга, в которой сосредоточена память, всецело поглощена мыслью о предстоящих наслаждениях; это тем более естественно, что они днем и ночью думают об этом. Средства эти оказывают особенно сильное влияние на тех людей, которые питаются различными кореньями, каштанами». И Парацельс говорит: «Сила воображения, в котором концентрируется весь духовный мир человека, до того велика, что определить его влияние в этом процессе не представляется никакой возможности... Центр тяжести лежит в том, что воображение должно быть сосредоточено в одном пункте»...

Porta приводит также анэстербирующие и предрасполагающие вещества; он упоминает различные средства, повышающие способность человека поддаваться различного рода

внушениям; эти средства он называет гипнотиками. Сюда относится щелочь, полученная из смеси дурмана и бешеной вишни с вином. Он сделал настойку из упомянутых растений и с помощью нее усыпил своего друга, и опыт этот нисколько не отразился на его здоровье. Неизвестно, дошло ли дело в данном случае до фантастических видений; зная действие дурмана и бешеной вишни, мы можем предположить, что подобные видения имели место. Кроме того, он приготавливал известные в XVI веке «мускусные настойки», которые употреблялись для тех же целей. Далее он смешивал мандрагор с виноградным морсом. Двухмесячное употребление этого напитка вызывает однодневное умопомешательство; во всех остальных отношениях этот напиток на здоровье не влияет. Аналогичный напиток он приготавливал из семени дурмана; его принимали в количестве одной драхмы. Одна только драхма бешеной вишни также способна вызвать «безвредное умопомешательство».

Опыты, совершенные Porta, весьма поучительны. Смеси и напитки, изготовленные им, содержат в себе различные ведьмины масла; отсюда мы можем вывести научное заключение о действительной силе, заключающейся в них. Кроме того, в опытах Porta мы имеем перед собою тот же руководящий момент внушения, который играл столь выдающуюся роль в различных приготовлениях к ведьминским поездкам.

Лейб-медик папы Юлия III, Andreas de Laguna (1499—1560 г.), совершил очень интересный опыт с ведьминскими маслами. Когда он в 1545 году лечил герцога Гиза, вблизи Нанта были арестованы муж и жена, обвиненные в чародействе; у них нашли горшок, наполненный зеленым маслом. Laguna подверг это масло тщательному анализу и нашел, что оно представляет из себя смесь бешеной вишни, мандрагора, белены и др. наркотических растений. Так как жена тамошнего палача страдала Phrenesie и бессонницей, то он велел растереть ее этим маслом. Женщина заснула и проспала 36 часов без перерыву; она проспала бы еще дольше, если бы не были применены самые решительные средства для пробуждения ее.

Просыпаясь, она горько жаловалась, что ее вырвали из объятий обворожительного молодого человека.

В новейшее время Кизеветтер опубликовал результаты своих опытов с ведьмиными маслами и напитками; эти опыты он совершил над самим собою. Взяв семя белены, он растер им подложечную ямку, — и тут получились самые неожиданные результаты. Ему показалось, что он летает в воздухе по направлению спирали, словно сильная буря поднесла его к небесам. Здесь мы видим полнейшую аналогию с ведьмиными поездками. Когда же он растирал маслами, упомянутыми Porta, поясницу, темя, подложечную и подмышечную ямки, то крепко засыпал на целую ночь; утром он просыпался совершенно бодрым и здоровым человеком. В следующие же ночи его посещали различные сновидения: то ему казалось, что он мчится в поезде, несущемся с быстротой молнии, то ездил он морем по роскошным тропическим странам. Нередко ему представлялось дело так, что он стоит в какой-то пагоде, расположенной на высокой горе; внизу раскинулся обширный город с многоэтажными домами. Он сам стоял перед огромной толпой народа, которая внимательно прислушивалась к его речи. Все эти фантастические видения сопровождались каким-то трепетным восторгом. — И в этих фантазиях мы имеем налицо все черты ведьминых поездок, видоизмененных, конечно, сообразно новейшим современным представлениям. Мы даже находим иногда некоторые указания на ведьмин шабаш. Но чего нет во всех описанных нами фантазиях, это — эротического элемента. Трудно предположить, чтобы исследователь нарочно утаил его от нас. Очень может быть, что он вообще упустил его из виду, ведь главной целью его исследований было определить те ощущения, которые бывают у человека во время ведьминых поездок. А при таких обстоятельствах эротические мысли, естественно, отступили на задний план. И в своих экспериментах с ведьмиными напитками Кизеветтер ни слова не говорит об эротической окраске тех образов, которые возникают в воображении человека в момент опьянения. Он лишь говорит, что после нескольких

глотков подобного напитка на него напал какой-то тяжелый свинцовый сон. Проснувшись, он ощущал наркотическое Intoxikation, сопровождаемое явлениями карфологии, расширением зрачков, пересыханием в горле, — он хотел напиться и сосал при этом свои карманные часы, хотя отлично понимал всю нелепость подобного поступка; кроме того, наблюдалась повышенная краснота лица. Особенно резко подчеркивает он тот факт, что при малейшем движении руки она, казалось, уходила в бесконечность. Подобное состояние продолжалось до самого вечера; все это время он пил черный кофе с уксусом. Следующую ночь он спал хорошо, хотя его несколько беспокоили сердцебиения. В следующие затем ночи его посещали различные фантастические видения, наполненные глубокой жизненностью и символизмом. Зрачки оставались расширенными в течение нескольких дней; глаза вообще болезненно реагировали на всякие световые ощущения. От дальнейших экспериментов Кизеветтер отказался, имея в виду, как он сам говорит, их небезопасность*.

Чтобы ознакомиться с действием ведьминых напитков, нам необходимо прежде всего остановиться на различных галлюцинациях, связанных с употреблением опиума и гашиша; дело в том, что и эти напитки содержат в себе маковые или конопляные семена. Fischer приводит интересный рассказ своего друга относительно влияния опиума.

«Опиум, — говорит он, — дал мне несомненное блаженство. Но это — блаженство отрицательного свойства; это — своего рода сладострастное уничтожение, при котором и тело, и дух оставались одинаково скованными. Я теперь припоминаю, — что каждый раз, когда принимал опиум, я в течение двух часов повторял про себя: ах, как я счастлив!»** Впрочем, действие опиума бывает различно. Kämpfer, например, присутствуя на одном персидском празднике, принял напиток, смешанный с опиумом. После этого его долго не покидало ощущение тихого блаженства. Мало того. Он проникся чрезвычайно повышенным настроением,

* Kiesewetter, a. a. O., II. 579/80.

** Fischer, a. a. O., I, 168.

так что порой ему казалось, будто он сидит верхом на лошади и едет по воздуху. Здесь мы имеем дело с феноменом левитации.

Один знаток гашиша говорит следующее: «Гашиш—это Протей, появляющийся перед нами в тысяче самых разнообразных форм. Я никогда еще не видал, чтобы он в одном и том же индивидууме проявился в совершенно одинаковых результатах. Действие его протекает чрезвычайно медленно. Первые 3/4 часа, а, пожалуй, и целый час человек ровно ничего не чувствует; но вдруг он начинает страшно смеяться—гашиш начал свою работу». Часто—это один только легкий сон... При более сильном влиянии появляются различные видения и галлюцинации—возгорается беспримерная борьба между разумом и безумием. Так как гашиш (также и опиум) принимается в самых незначительных дозах, то наиболее характерным при этом является то, что сознание не вполне покидает человека в подобные моменты. К галлюцинациям, вызываемым гашишем, относятся ощущения легковесности, летания и т. д. Обыкновенно человек теряет всякое представление о времени и пространстве. Некоторые утверждают, что их взор проникает сквозь толщу стен, что они читают самые сокровенные мысли своих соседей. Один молодой потребитель гашиша как-то раз восторженно вскрикнул: «Ах, если бы вы знали, о чем я думаю и что я ощущаю!» Стоит ученому принять немного гашишу и он в один миг постигнет то, чего не мог найти во время всей своей многолетней ученой деятельности».

Крупный интерес представляет собою мухомор—растение, пользующееся большим почетом в ведьминой кухне. Сибирские коряки употребляют его с целью вызвать различные половые видения. Этот гриб собирают обыкновенно осенью, его сушат и едят зимой в исключительные праздники. Действие гриба сказывается немедленно. Глаза приобретают какой-то особенный блеск, взгляд становится диким, а руки впадают в нервное дрожание. Человек тотчас же теряет власть над своими членами, но сознание все еще не покидает его. Вслед затем оно также погружается в состояние опьянения. Едва слышно раздаются тихие

звуки импровизированной песни, которая начинает постепенно звучать и громко, и дико. Наконец, опьяненные грибом и безумной песней, они вскакивают и начинают извиваться в бешеной пляске. Утомленные, они падают и погружаются в глубокий сон. Слюна непрерывно течет из их рта и пульс страшно падает. Во время сна перед ними проносятся фантастические картины, исполненные глубокой чувственности. Спящий может видеть решительно все, что только захочет; мало того—коряки полагают, что в подобном состоянии человек может прозреть и в будущее; для этого достаточно перед вкушением гриба произнести определенные формулы.—Для того, чтобы не прерывать этих приятных видений, коряки, проснувшись после получасового сна, выпивают свою собственную мочу, которая содержит в себе тот же яд, что и мухомор. Тогда все начинается сызнова*.

Очень часто для этих целей употребляют различные курительные средства. Agrippa von Nettesheim утверждает, что, воскуря плюш или белену, можно этим запахом собрать демонов. Для того, чтобы отпугнуть демонов, употребляется ассафетида, чеснок и всякие другие снадобья. Во всех приведенных случаях мы имеем дело с влиянием курительных веществ и силой человеческого воображения. Особенно рельефно выступает эта мысль в документах, оставленных нам von Eckhartshausen'ом. Необходимым условием при этом было то, чтобы заклинатель в течение нескольких дней думал исключительно о том человеке, который должен быть подвергнут колдовству. При самом заклинании сжигается обыкновенно какое-то курительное вещество, о котором von Eckhartshausen нам ни слова не говорит. Брошенное в огонь, это вещество покрывается белым налетом в виде небольшого тельца. Это тельце похоже на то лицо, которое желательно в данном случае видеть; лицо при этом имеет цвет сажи. Когда приближаешься к этой фигуре, ты ощущаешь какое-то противодействие, аналогичное тому, которое испытываешь, когда идешь против

* Agrippa von Nettesheim, de occulta philoxophia, Lib. I, cap. 43.

сильного ветра. Если заговорить при виде этой фигуры, то впоследствии никак нельзя вспомнить, что, собственно, было сказано тогда. Когда явление исчезает, человек испытывает такое ощущение, как будто он только что пережил какое-нибудь сновидение. Голова опьянена, а живот словно стягивает. Впоследствии это видение повторяется всякий раз, когда мы находимся в потемках или смотрим на темные предметы*.— Упомянутое противодействие и стягивание в сфере живота указывает на медиумическое состояние, вызванное заклинанием и курением. Eckhartshausen дает состав этого курительного вещества без указания соответствующих доз: корица, стиракса, мастика, мускат, гвоздика и мирра. Это средство употребляется для магических опытов**.

Очень часто различные психически-аномальные состояния, рождающиеся на почве болезненной истерии, могут привести к явлениям дьявола, а иногда дело доходит даже до союза с дьяволом. О подобных состояниях повествует нам Янковский*** из своего собственного опыта: «Прежде всего появляется какой-то мучительный нервный столбняк, вызывающий представление червеобразного сатанинского существа. Это — маленький чертенок, залезающий к вам в живот, вкатывающийся затем в грудь и, наконец, овладевающий всем вашим телом. Я каждый раз отлично знал, что этого чертенка создали нам нервы... и в этих явлениях не было ничего нового для меня. Все это причиняет человеку мучительные страдания, так как впечатление, производимое обманчивым явлением, чрезвычайно велико». «Если нам, людям, называющим все это фантазмагориями, трудно перенести подобные состояния, то можно себе представить, что должен был ощущать монах или средневековый отшельник, тем более, что подобные явления отождествлялись в его воображении с появлениями настоящего дьявола!»

В тесной неразрывной связи с колдовством и верой в дьявола находятся различные пред-

* Eckhartshausen, Aufschlüsse zur Magic, München 1791. 2. Aufl., I. 63.

** Ebenda, II, 361.

*** Noctium phantasmata, Psychische Studien 1886. XIII. Jahrg. Heft 3, S. 105 u. 108.

рассудки, связанные с вурдалаком и вампиром (упырем); каждое из этих поверий ограничивалось рамками той или иной народности. Колдовство достигло своего апогея в средневековой Германии, Франция культивировала веру в вурдалака, а у славян были свои упыри.

Подобно колдовству, вера в вурдалака содержала в себе черты грубого смешения оккультных феноменов и полового сладострастия. Во время судебного процесса, разбиравшегося во Франции в 1598 году, крестьянские девушки Пернетта, Антуанетта Грандилон и Тевьенна Паже сознались, что они нередко обращались в волчиц, нападали на маленьких детей и развратничали с козлами, которых принимали за дьяволов. Следует заметить, что вера в вурдалаков в противоположность колдовству, составляет специфически мужскую склонность; это вполне естественно, так как мужчины-пастухи могли скорее напасть на мысль о превращении в волков, нисколько не задумываясь над различными другими магическими операциями. В выдержках из процессуальных актов гор. Бордо, относящихся к 1603 году, мы находим полнейшее подтверждение этой мысли: две крестьянские девушки, преследуемые любовными предложениями пастуха Греньера, вдруг подверглись нападению со стороны волка; этот волк был не кто иной, как сам Греньер. Сильно испугавшись, девушки пустились бежать. Так как Греньер до того времени открыто хвастался своей причастностью к вере в волка, то он был арестован и посажен в тюрьму. Там он рассказал, что благодаря одному соседу своему он познакомился с лешим; воздав ему должные почести, он принял из его рук масло и волчью шкуру. Своим охотничьим копьем «леший» сделал на его теле пометку и с тех пор он приобрел способность обращаться в волка. Далее он рассказал, что и его отец был оборотнем; мачеха же его разошлась с отцом исключительно потому, что он раз, получив в ее присутствии страшнейшую рвоту, выплюнул целую массу кусков собачьего и детского мяса. Он сам привел точное число детей и собак, которых он в разное время убил, которым наносил всяческие раны и т. д. В суд были приглашены родители тех детей, которые были убиты Греньером; из их

допроса выяснилось, что подсудимый говорил самую неподдельную истину. Все они в один голос утверждали, что отчасти видели волка, а отчасти узнавали в нем Греньера. Суд присудил этого преступника — идиота к пожизненному заключению в монастыре. Через 7 лет его посетил судья де-Ланкр. Последний увидел пред собою духовного выродка с запуганным, тревожным взглядом, впалыми глазами, длинными и широкими зубами и громадными черными ногтями, похожими на щупальцы. Во время свидания перед глазами Греньера пронеслась его прежняя жизнь; при этом он наивно заметил: «Мясо молодых девушек гораздо приятнее мяса собак; мне еще теперь хочется вкушать человеческое мясо, а самое сильное желание мое — это видеть волков».

Здесь мы встречаем те же моменты, что и в колдовстве: *homagium*, стигматизацию масла и, наконец, половой момент. Интересный случай сообщает Weier. Некий Peter Bourgot на процессе, возбужденном против него, заявил, что во время сильной бури, разогнавшей все его стадо, он познакомился с поклонником Сатаны, по имени Moynet. Последний обещал, что даст ему огромные богатства и возвратит рассеянное стадо. После нескольких поцелуев и коленопреклонений перед дьяволом стадо, действительно, было возвращено, но денег он не получал. Далее некий Michael Verdung убеждал его принять участие в ведьмином шабаше, который произойдет в лесу близ Chastel Charmon. Там он растер свое тело маслом, которое получил у Verdung'a; после этого он испытал такое ощущение, как будто превратился в волка. Michael немедленно обратился в волка, тогда как ему самому пришлось предварительно снять с себя платье. Оба они словно вихрь, понесли по полям и лесам, нападали на детей и молодых девушек, высасывали из них кровь, поедали их и совокуплялись по дороге с волчицами. Характернее всего то, что, как ведьмины поездки так и описанное только что нами путешествие, совершается во время сна. Lerchheimer* приводит такой случай: «Один крестьянин лежал в квартире фогта, по-

груженный в глубокий обморок; проснувшись, он спокойным и убежденным тоном заявил, что убил в поле лошадь». При этом Lerchheimer добавляет: «Это — дьявольское наваждение. Во время сна дьявол до того настойчиво навязывал ему эту мысль, что крестьянин серьезно уверовал в нее». В том же духе высказывается и de Lancre**. Нет никакого сомнения, что в зоантропии мы имеем дело с феноменом ясновидения, так как только в этом случае возможны столь совпадающие между собою описания, которые приводятся всеми упомянутыми оборотнями; причем следует заметить, что все они говорят о вещах, которые в действительности не имели места. В некоторых же показаниях*** мы находим и момент солидарности; он выражается в том, что человек указывает на своем теле те раны, которые получил волк в момент нападения на свою жертву; сам же человек все время сидел дома, не трогаясь с места, так, что этих ран он сам получить не мог.

По этому поводу Dankmag говорит: «Прежде всего это превращение ни в коем случае не может считаться истинным. Достоверным является для нас следующее: во-первых, зоантроп сам глубоко уверен в своей обрацаемости, во-вторых — третьи лица также смотрят на него, как на обращенное животное. Первое можно объяснить себе патологическими причинами; второе же является результатом перенесения галлюцинации, зародившейся в голове маниака, одержимого бешенством: эта галлюцинация магически заражает и других людей. Конечно, подобное перенесение галлюцинации особенно успешно совершается в тех местах и в такие эпохи, когда народное сознание насквозь проникнуто верой в обрацаемость человека. Что касается убежденности самого оборотня, то здесь, как и в ведьминых процессах, мы сталкиваемся с известными уже нам маслами. По всему видно, что мы имеем здесь дело с целым обществом людей; один посвящает другого в тайны своей веры, знакомит

** Wunderbahrliche Geheimnissen der Zauberey... gezogen aus einem weitläuffigen in Französischer Sprach getruckten Fractatus Herrn Petri de Lancre 1630.

*** См. Leubuscher, Über die Wehrwölfe und Fierverwandlungen im Mittelalter.

* Ein christliches Bedenken und Erinnerung vor Zauberey. III. Aufl. Speier. 1596. Cap. XII.

его с родоначальником своего вероучения и доводит дело до того, что его товарищ охотно соглашается принять участие в шабаше. Простодушный поселянин и одинокий пастух находятся в каком-то глубоко-интимном отношении с окружающей их природой; она говорит с ним тысячею разнообразных звуков, к которым культурный человек остается совершенно глух. С каждым днем пастух все ближе подходит к своему стаду; в жизни животных он раскрывает много новых, загадочных подробностей, в их инстинктах он находит много такого, что напоминает ему человека... Зоантропом никогда не будет человек, высоко стоящий в духовном отношении; таковым может быть одиноко живущий охотник или пастух, т. е. люди, имеющие дело с животными. Если он, кроме того, живет в местности, богатой волками, то вполне естественно, что именно волк явится пунктом его умопомешательства. Мысль, загнанная в этот тупик, крепнет и складывается, наконец, в законченную манию: «я сам — волк!» Вначале у них наблюдаются различные подражания волкам; далее, под влиянием извращенной чувствительности периферических кожных нервов у них появляется ощущение усиленного роста волос. Шаг за шагом в них развиваются инстинкты антропофагов и садоритов и столь же постепенно в них зарождается ощущение, будто они действительно превратились в волков. Подобное отрешение от своей собственной личности предполагает страшнейшее одичание человеческого духа, так что дело нередко доходит до настоящего людоедства». Dankmar при этом указывает на участие альголягнистических мотивов; он относит эту манию в категорию садизма, «терзающего и разрывающего предмет своей страсти». Очень может быть, что подобные акты садистического сладострастия впервые толкнули того или иного человека на мысль, что он превратился в волка. Но послушаем Dankmar'a: «Очень часто приходится наблюдать такое явление: люди, помешанные на том, что они превратились в зверей, крайне удачно подражают голосу и привычкам этих животных. Человек, укушенный бешеной собакой, часто в припадках пароксизма лает, кусается,

скачет и т. д.— Подобно тому, как мозг идиота-микроцефаза знаменует собою возврат к обезьяньей природе наших отдаленных предков, точно так же бывают различные случаи атавизма, выражающиеся в форме определенного животного типа...

После всего сказанного ясно, что большая часть случаев так называемой «обращаемости» является результатом патологически-болезненного состояния; отчасти их можно объяснить атавизмом. Открытым остается пока вопрос относительно некоторых еще не разрешенных фактов; для объяснения этих последних нам придется прибегнуть к помощи более общего принципа. Мы видели, что втирание наркотических средств вызывает в человеке предрасположение к различным галлюцинациям. Спросим себя, какова специфическая природа этих галлюцинаций? На это мы получаем такой ответ: эти галлюцинации выражаются в том, что человек, давно испытанный в ощущениях зоантропии проникается верой вурдалаков, что перед его глазами проносятся картины шумных собраний его товарищей, разделяющих с ним его веру. Отсюда вполне основательно будет вывести то заключение, что все они составляют своего рода общество, члены которого находятся в каком-то психическом взаимодействии между собою; во главе этого общества, естественно, находится руководитель, который пользуется неотразимым магическим влиянием на новичков. Человек, совершенно одичавший, ощутивший в глубочайших основах своего существа «волчью природу», нуждается лишь в самом незначительном толчке, чтобы вызвать в себе волчью ярость — и этот толчок был дан... в лице руководителя общества; он ввел новичка в этот кружок и тем самым создал демоническое взаимодействие между ним и всеми прочими участниками кружка. Это — атавизм, дарвинистического свойства, но атавизм, выросший на психической почве, иными словами, мы имеем перед собою духовного и морального выроodka, человека, всецело отпавшего в мрак животного существования.— Но если этот человек, просыпаясь после глубокого сна или сидя в тюрьме, заявляет, что в таком-то месте он убил такое-

то животное, то этот факт можно объяснить себе только следующим образом: это животное было, вероятно, убито каким-нибудь другим человеком или настоящим волком, но он приписывает себе это убийство в силу того, что стоит с настоящими убийцами (благодаря фимистии) в известном духовном взаимодействии. Если обратим внимание на те случаи, когда у зоантропа на теле имеются раны в тех именно местах, в которых изранен нападающий волк, то мы увидим ту тесную магическую связь, которая существует между человеком и животным; в приведенных нами случаях, которые, несомненно, являются исключением, эта связь доходит до своего рода магического взаимодействия, которое и вызывает упомянутый феномен солидарности»*. В последнем пункте Dankmar, по нашему мнению, зашел уже слишком далеко. На наш взгляд, вовсе не нужно предполагать наличность какого-то магнетического взаимодействия между человеком и волком для того, чтобы объяснить феномен солидарности. Достаточно предположить, что зоантроп благодаря своей симпатии пластически воспроизвел на своем теле те раны, которые он каким-то ясновидящим образом узрел на теле своего «друга из животного царства».

Вера в вампира, распространенная среди славянских народов, представляет собою нечто еще более ужасное, чем зоантропия. Во всяком случае, в Шотландии и Ирландии существует поверье, что некоторые трупы не тлеют в могиле; грызя свое собственное тело, они ночью встают из гроба и высасывают кровь из встречных людей. Эти люди вскоре умирают и также превращаются в вампиров. Подобные легенды существуют еще в настоящее время в Дании, Швеции, Норвегии и Финляндии**. И португальская вчиха есть не что иное, как вампир. Днем вчиха живет в своей семье, которая ровно ничего не подозревает; но вот настало время между закатом и восходом солнца — демоническая сила овладела ею. Она подымается со своего ложа и в образе огромной ноч-

ной птицы, совы или летучей мыши, она улетает далеко от родины, по горам и долам, по болотам, озерам и рекам; на поверхности вод она видит отражение своего отвратительного лица. Вчихы устраивают свидания со своими дьявольскими любовниками; они похищают, дразнят и терзают одиноких путников... Возвратившись со своей ночной поездки, они высасывают кровь из своего собственного ребенка, навевая на него сон своими крыльями. Если вчиха хоть раз вкусила кровь, то она уже обойдет всех соседей и будет всюду высасывать ее... Нечто аналогичное представляет собою Ghoul, распространенный среди обитателей восточных стран***. Но все перечисленные нами привидения влияют на душу народа далеко не с той неумолимостью, с какой вампир действует на душу славянина.

«Выясняя сущность этого ужасного поверья, мы прежде всего наталкиваемся на тот факт, что слово «вампир» не немецкого, а славянского или турецкого (?) происхождения. Все феномены, относящиеся к этому поверью, имеют место в странах со славянским населением. Далее, обращает на себя внимание то обстоятельство, что вера в вампира распространена среди народов, принадлежащих к византийской церкви. Последняя, вопреки теории римско-католической церкви о нетленности святых, выставила принцип, в силу которого люди, отлученные от церкви, после смерти не подвержены тлению. Этим, по всей вероятности, объясняется народное поверье, что тимпаниты, т. е. отлученные от церкви, после смерти превращаются в вампиров.

Эту болезнь, вспыхивающую в каком-нибудь селении и уничтожающую несметное количество людей, следует рассматривать, как своего рода психическую эпидемию, распространяющуюся с невероятной быстротой. Весь вопрос заключается в том, откуда исходит первый толчок и какими причинами объясняется своеобразное состояние трупа в могиле. Первый толчок этой эпидемии исходит, несомненно, от самого мертвеца, который находится в самом тесном взаимодействии с живым миром. Эту

* Dankmar, Curiosa aus der Tiefelsperiode des Mittelalters, Psychische Studien 1899, XXVI Jahrg; Heft 1—9, S. 27—28 u. 80—84.

** Novorka u. Kronfeld, a. a. O., 425.

*** Schindler, a. a. O., S. 30.

свою подчувственную связь с миром живых людей он старается использовать в том смысле, чтобы извлечь из людей драгоценный материал, являющийся средоточием органической жизни и связующим миром: свежую кровь. От заклинания усопших, совершенного Одиссеем и Геродотом, до опытов Hellenbach'a, создавшего известные субстанции, мы всюду видим одно и то же: душам умерших (при некромантии) предлагается кровь. Только те мертвецы вкушают с особенным удовольствием кровь, этот символ материи, которые еще при жизни всем существом своим ушли в сферу материального существования и которые в силу этого никак не могут свергнуть с себя путы, связующие их с земной жизнью. Hellenbach сравнивает их с умалишенными, которые не в состоянии освоиться с новыми формами мирозерцания.— Согласно индийскому тайному учению, средоточием всех низших страстей человека является особая основная сфера души, которая именуется kâtagура. В этом месте пребывают человеческие склонности, сохраняясь даже после смерти. Эта kâtagура лишена разума; она руководствуется одними только слепыми инстинктами. Если природа живого человека отличалась резкой чувственностью, то после смерти душа его будет стремиться к удовлетворению тех же страстей, которые тревожили его при жизни...

«Итак, благодаря этой основной сфере души, сосредоточивающей в себе все низменные страсти человека, создается особая связь между двумя мирами. «Вампир» высасывает жизненные соки из живого человека и таким образом в трупe его поддерживается растительная жизнь. Вовсе не следует себе представить дело так, что здесь происходит фактическое высасывание, действительное лишение крови... Нет—силы убывают во всей нервной системе человека... С точки зрения упомянутого взаимодействия вполне объяснимы и такие явления, как удушье, быстрый упадок сил у вампиризованного субъекта и т. д.; что касается голубых пятен на теле, которые будто бы являются результатом «высасывания», то это в сущности не что иное, как стигматы, вызванные внушением со стороны вампира. По той же причине человек, одержимый этой боле-

зною, видит пред собою призрак вампира... Состоянию вампиризованного человека можно противопоставить состояние трупа, принадлежащего самому вампиру; в темном царстве ночи, как говорит Göttes, он ведет безумное, отвратительное существование, подобно асфоделлу... В своем прекрасном труде «Scheintod» R. Wiesendanger* говорит, что каждый атом клетки человеческого организма проникнут жизненным принципом; упадок и разрушение нашего тела начинается тогда, когда жизненный принцип покидает наше клеточное строение. Я уже не раз говорил, что жизненный принцип, заложенный в человеке, имеет в каждом конкретном случае свою особую индивидуальность и психическую конструкцию. Если ясновидец хочет установить какое-нибудь взаимодействие между собою и каким-либо другим человеком, или какой-нибудь маг хочет испытать свою магическую силу на каком-либо человеке, то оба они должны обладать такими предметами, которые насыщены «трупными элементами» этого человека. Только тогда их опыт может вполне удался. Из всего сказанного ясно, что жизненный принцип, заложенный в этих предметах, создает особую связь с организмом, а это обстоятельство дает нам основание утверждать следующее: до полного упадка жизненного принципа, т. е. до полного разрушения клетки мертвое тело может сохранить еще некоторое отношение к низшим сферам душевной жизни человека, так что оно таит в себе известное смутное подсознание... Этой именно подсознательной деятельностью объясняется тот факт, что труп лишен своего специфического запаха, что он не так быстро подвергается гниению; низшие органические образования, как например, волосы и ногти, даже продолжают расти, кровь сохраняет свою прежнюю свежесть... Тем не менее действительное, объективное ощущение здесь совершенно отсутствует; это скорее состояние каких-то смутных, фантастических ощущений... Так говорит Dankmar. Если и вполне согласиться с ним, то все же кое-что остается невыясненным. Ибо как понять нетленность святых лю-

* Wiesendanger, Gibt es einen Scheintod? Sphinx 1896, Märzheft.

дей, провозглашенную католической церковью? Ведь это факт, который можно подтвердить многочисленными данными. В этом случае не может быть никакой речи о своеобразной деятельности той особой сферы души, которая сосредоточивает в себе все низменные человеческие страсти. Нам кажется, что гораздо правильнее будет свести все решительно моменты, связанные с верой в вампира, к целому ряду явлений внушения. Это положение вполне подтверждается многочисленными оккультными фактами.

Мауо*, по нашему мнению, вполне прав, утверждая, что мнимая смерть или «экстаз смерти», как он это называет, есть явление эпидемического характера, возникающее в определенных местах и в определенные периоды. Этот взгляд содержит в себе много верного. Страшный слух о появлении в какой-нибудь местности вампира повергает все население в неопишущий ужас. Вполне понятно, что у людей наиболее нервных дело иногда доходит до настоящих галлюцинаций, центральной фигурой которых является вампир. За этим болезненным ощущением следует целый ряд других столь же патологических впечатлений, которые нередко кончаются смертью человека. Правда, смерть в подобных случаях не является окончательной; она есть лишь временное исчезновение признаков жизни. Тем не менее подобное состояние вполне достаточно для того, чтобы простой человек схоронил труп. Но так как мысль о вампире властью господствует над умами всех людей, то и этот мертвец очень часто появляется в фантастических видениях своей возлюбленной или родственницы. Ибо в большинстве случаев можно с точностью установить, что к женщинам являются мужчины-вампиры, тогда как мужчины в своих картинах рисуют себе преимущественно женщин — вампиров. Так, например, во время эпидемий в Сербии сын гайдука Милоэ через четыре недели после своей смерти предстал в образе вампира перед Ситанойкой, невесткой того же гайдука. Как-то раз она легла спать, чувствуя себя вполне здоровой; вдруг она с адским воем вскакива-

ет с постели. Вся дрожа от страха, она рассказала, что к ней явился Милоэ и начал ее душить, отчего у нее сильно разболелась грудь. Состояние ее постепенно ухудшалось и через восемь дней она умерла. В той же деревне одна вдова забеременела через год после смерти своего мужа. Она рассказала, что муж явился к ней ночью в образе вампира и, несмотря на ее протесты, он проспал с ней целую ночь.

А вот еще один случай, довольно известный в литературе. Мы говорим о Петре Плогойовиче, который в образе вампира посетил целых 9 человек; все они вскоре умерли. Через три недели после его смерти его снова откопали, причем не только не было трупного запаха, но на нем не нашли никаких признаков гниения. Мало того. Борода и волосы у него выросли; кожа во многих местах шелушилась, а в некоторых отчетливо выступала свежая, красноватая кожа и т. д.**.

Вампиризму не чужд и некоторый половой момент. В этой сфере он ведет к чрезвычайно опасной форме предрассудков, связанных с инкубами и суккубами; но о них мы поговорим впоследствии. Вампиризм неумолим: на каждом шагу он требует жертв, которых предаст самой безжалостной смерти. Благодаря Мауо мы знаем, чем объясняется относительная свежесть, которую сохраняют трупы вампиров; причина этого поразительного явления заключается в том, что все это — не настоящие мертвецы, что их закапывают живьем. Кроме того, вампиризм действует самым разрушительным образом на души живых людей.

Ведь «официально» установлено, что во время вампирической эпидемии нередко настигали живых людей, которые нападали на людей и животных, душили и терзали их, высасывали из них кровь! Все эти акты умопомешательства создавали самую благоприятную почву для распространения страха перед вампиризмом и веры в него. Правда, все это совершалось живыми людьми, но ведь возбужденная фантазия приписывала это «мертвецам»***. Благоприятными оказывались

** Horst, Zauberbibliothek, I, 257 u. 277 u. V 391.

*** Geszmann, Vampirismus und Zoanthropie. Psych. Stud. XIII, Jahrg., 1886, 5. Heft, S. 194.

* Wahrheiten im Volksaberglauben, deutsch von Hartmann.

и различные другие факты, о которых мы читаем в истории. Таков, например, случай с королем тецоцомоков, Ацкапутцалком. Достигши преклонного возраста, он всецело был поглощен заботой о поддержании своего государства. Перед его глазами часто проносились картины страшного разрушения государства; Незауалькойотль, наследный принц Тетцуко, являлся к нему в сновидениях в образе коршуна; он рассекал ему грудь и вырывал сердце, причиняя ему этим мучительные страдания. В другой раз он появился к нему в образе Пумы, который облапивал его тело и сосал из него кровь.—Здесь перед нами явление, вполне аналогичное вампиризму; во всяком случае, оно проливает свет на некоторые загадочные стороны вампиризма. Опасения старого тецоцомока за дальнейшие судьбы его государства были вызваны появлением коршуна, истерзавшего его тело и высосавшего из него кровь. Но это же самое мы видим и в вампиризме. Тревога и страх, опутывающие человека в бредовом состоянии, принимают образ вампира, который с тех пор приобретает безраздельное господство над человеком и неотступно следует за ним. Более того. Возникновение вампиризма можно всецело свести к подобным бредовым состояниям, которые свойственны всякому человеку в минуты горя и скорби.

Культурный человек давно порвал с вурдалаком и вампиром; даже дети—и те махнули на них рукой. Европа окончательно свергла с себя гнет колдовства. Один только сатана еще остался; его не в состоянии была устранить даже просвещенность энциклопедистов. Сатанинское начало в человеке сохранилось даже в такое время, когда все прочие боги пали под жестокими ударами человеческого скептицизма. Эгоистические мотивы и дух отрицания привели современного человека к «черной мессе», этому культурному подражанию ведьмину шабашу. «Черная месса»—чрезвычайно популярная тема в наше время. Гюисманс и Пшибышевский подвергли ее литературной обработке. Leo Taxil на этой почве совершил гениальный шантаж с мисс Воган и чертом Битру. Даже Лев XIII поверил этой сказке или из со-

ображений церковно-политического характера показал вид, что верит. О «черных мессах», которые имели бы место в действительной жизни, а не в пышной фантазии литераторов, у нас очень мало сведений. Достоверно мы знаем лишь об одной мессе, связанной с именем маркизы де Монтеспань. Legué и Funck-Brentano рисуют ее в таком виде. Посреди комнаты был поставлен алтарь, а на него положен тюфяк. На этом тюфяке располагалась обыкновенно какая-нибудь обнаженная участница мессы; в данном случае это была маркиза де Монтеспань. Аббат Guibourg, руководивший мессой, поставил крест на груди маркизы, покрыл ее живот салфеткой, а поверх этого поставил чашу. Когда священнослужителю, сообразно той или иной фразе этой мессы, нужно было целовать алтарь, он целовал тело маркизы. Тут же совершалось жертвоприношение. Зарезав новорожденного ребенка, священник отливал его кровь в чашу, где находилась святая просвира. Во время этой церемонии он от имени де Монтеспань говорил следующее*: «Пусть король и дофина навсегда останутся моими друзьями. Я хочу, чтобы королева была бездетной, чтобы король оставил свой стол и кров. Пусть дружба его ко мне возгорится с адской силой, пусть покинет он Fontaine, пусть отвергнет свою супругу и женится на мне».

Необходимо сознаться, что есть еще очень много людей, которые празднуют свою «черную мессу». Но она окончательно утратила первобытную дикость, которая так сближала ее с ведьминым шабашем. В настоящее время она представляет собою не что иное, как извращенное создание эстетической мечтательности. С тех пор, как церковь потеряла свою власть над умами людей, ее догмы утратили ту строгость и остроту, против которых так страстно боролись вольнодумцы и еретики. Прошедший век, век демократии, уничтожил в корне все эти своеобразные особенности человеческой психики. Всякая попытка вновь породить их потерпела бы поражение; в лучшем случае, она вызвала бы к жизни лишь отдаленнейшие намеки на строй старого времени.

* Lugué, Medecins et Empoisonneurs. S. 185;

ИНКУБАТИ СУККУБАТ

Е

сли вопрос об инкубате и суккубате—этой существенной части колдовства—выделен нами в особую главу, то объясняется это тем, что, несмотря на совершенное исчезновение всяких ведьм и ворожей, вера в инкубов и суккубов продолжает оставаться по-прежнему. Первобытное человечество, а за ним и язычество создали своих демонов и леших. Средневековые теологи и судьи, в руках которых находилась судьба преследуемых ведьм, проявляли совершенно исключительный интерес ко всем этим демонам, ко всем таинственным операциям, связанным с их культом. Составители «Hexenhammer'a», Sprenger'a и Institovis,'a дают вполне научное и очень удовлетворительное психологическое обоснование этого загадочного разврата, в центре которого находился дьявол. Там мы читаем:

«Естественное колебание частиц крови и сока, направленное к основным чувствительным центрам человеческого организма, вызывает в возбужденном уме спящего человека фантастические картины, исполненные всевозможных духов; эти духи суть, конечно, не что иное, как образы, глубоко врезавшиеся в память человека и всплывшие на поверхность под влиянием более или менее благоприятных условий. Но то же самое явление можно наблюдать у человека, сознание которого не погружено в тревожный, бредовый сон, т. е. когда сознание его вполне бодрствует. В этом случае основная психическая работа выпадает на долю демона: он приводит в движение образы, накопившиеся в воспоминательной сфере данного индивидуума, и направляет их к центральным пунктам человеческой психики, фантазии и воображению... И нам нисколько не следует удивляться тому, что демон обладает колос-

сальной естественной силой и способностью привести человека в состояние крайней возбужденности и вызвать наружу образы, отложившиеся в уме данного индивидуума. Если это так, то вопрос о любовной мании не представляет уже для нас ничего загадочного... В этой сфере демон совершает свою работу с большим, поразительным искусством. Он знает, что человеческая страсть достигает тем большей яркости и силы, чем чаще человек сталкивается с образами, схожими с предметом своего влечения. И вот с этой-то целью демон старается создать в воображении человека наиболее выпуклый, рельефный образ любимого им существа—и это делает он с тем большим успехом, чем чувствительнее и восторженнее отношение любящего человека к своему возлюбленному»*.

Тут же они замечают: «Следует обратить внимание на то обстоятельство, что показания женщин в большинстве случаев не заслуживают никакого доверия; очень часто оказывается, что всевозможные рассказы их о совокуплении с инкубом представляют собою чистейший вымысел, плод возбужденной фантазии. Причем знаменательно то, что подобные вещи приключаются с женщинами, но никогда с мужчинами. Объясняется это тем, что женщина вообще склонна к созданию всяких фантастических образов и картин. Понятны теперь слова Guilelmus'a. «В основе фантастических явлений большей частью лежит меланхолия, причем это наблюдается гораздо чаще у женщин, чем у мужчин. Причиной этого является природа женской души; она в большей степени подвержена всяким влияниям, чем мужская душа». При этом он замечает: «Я знал одну

* Hexenhammer. I, 116/17.

женщину, которая утверждала, что дьявол познал ее изнутри; она говорила, что чувствует это, т. е. чувствует то, чему ни один человек не в состоянии поверить». По его мнению, женщины никогда не беременеют от инкубов; правда, животы их вздуваются, но процесс родов кончается тем, что животы эти приходят в нормальный уровень, выделяя лишь огромные количества воздуха из себя. Достаточно принять в каком-нибудь напитке муравьиное яйцо для того, чтобы в животе воцарились урчание и невероятный шум, того же эффекта можно достигнуть с помощью семян недотроги. При таких обстоятельствах и для демона не составляет особенного труда произвести подобную пертурбацию в человеческом животе. Все это было замечено с той целью, чтобы не доверяли всяким рассказам женщин. Доверия заслуживают лишь те женщины, которые лично удостоверились в правдивости подобных происшествий».

К сожалению, практика сильно расходится с приведенной теорией. Для того, чтобы спасти основной догмат веры в дьявола, решено было оставить без внимания весь тот научный материал, который собран, накоплен в этой области. Ведь все, например, знали, какова сила и значение внушения. В Hexenhammer'e мы читаем: «Когда вещь представляется совершенно не в том виде, какова она на самом деле; когда видишь, как человек проглатывает коня вместе с всадником, когда он глубоко убежден, что превратился в зверя и гонится вместе с прочими зверями по широким полям—во всех этих случаях мы имеем дело с глубокой аномалией человеческих чувств и ощущений. Виновником всего этого процесса является демон. Он пронесит перед глазами человека фантастические образы и делает он это с такой отчетливостью и рельефностью, что человек глубоко уверен, будто перед его глазами действительно стоит конь или зверь, тогда как никакого коня, никакого зверя на самом деле нет.—Влияние демона во всех этих случаях не должно нас особенно удивлять. Ведь в сущности то же самое мы наблюдаем на умалишенных, меланхоликах, алкоголиках и т. д.: человек, страдающий каким-

нибудь умственным расстройством, видит перед собою всевозможные фантастические образы, в то время как на самом деле ничего нет»*. И несмотря на то, что все это было достоверно известно, к показанию подсудимых отнеслись тем не менее с большой доверчивостью.

Современный спиритизм подражает во всех отношениях своим достойным предшественникам. Разница заключается лишь в том, что представители его не понимают психологической основы совершающихся процессов. Стоит медиуму заговорить о демоне любви—и современный спирит крепко уверует в реальное бытие этого существа. Ведь говорит же Handrich** с чисто профессорским достоинством, о «материализующихся существах ультра—материальной сферы, которые подкрепляют выводы спиритоитов о существовании инкубов и суккубов и о наличии связи между существами посю- и потустороннего мира».—Вместе со спиритизмом возродились к новой жизни и демоны любви; нет никакого сомнения, что, сообразно требованиям новейшего времени, эти существа приобрели более загадочную и таинственную физиономию, чем их достойные предшественники. Но взгляды несколько ближе в лица этих предшественников.

Древние иранцы относились с большим подозрением к проституткам-чужестранкам. Совершенно исключительную подозрительность они проявляли к туранским певицам и танцовщицам. По их мнению, все эти женщины одержимы дьяволом: он вселяет в них бешенство и научает их всевозможным колдовским приемам, с помощью которых можно пробудить в человеке страсть. Иранцы возносят молитвы к Гауне, богу брака, прося его поразить своим оружием эту «блудницу, которая зажигает человека бешеной страстью и чувство которой так же неустойчиво, как гонимое ветром облако». Так как туранки сверх этого не примыкали к общепринятому государственному культу, то священные книги

* Hexenhammer. II, 81, 82.

** Analogon spiritistischer Phänomene, Psych. XXVI, 1899, Juniheft, S. 300.

Ормузда настойчиво предостерегали верующих от этих «обольстительных фей»; в этих книгах мы неоднократно читаем напоминания о том, что верующие под их влиянием не только становятся рабами их соблазнительной внешности — они просто впадают в ересь*.

В Китае и Японии демоны имеют лисью внешность. По народному поверью, лиса обладает способностью превращаться в человека. В подобных случаях она превращается в инкуба или суккуба. Так, например, в народе до сих пор еще держится слух, будто наложница последнего императора из династии Джанг была лисой; эта лиса превратилась в женщину и своей красотой обольстила юного императора**.

Жители острова Гаити также верили в инкубов и суккубов. То были души умерших, которые, по их представлению, днем находились в заточении, а ночью рыскали по белу свету***.

У абиссинцев и магометан инкубом является Шайтан. В Абиссинии существует поговорка: если женщина спит одна, то о ней думает дьявол****.

У германских народов лесные феи вступают в брак с людьми. Одна из них, жившая в пещере у Роденштейна, влюбилась в молодого красивого охотника; он же в свою очередь был так очарован ее красотой, что вступил с ней в половую связь. Через некоторое время она родила ему ребенка. Dictionnaire infernal приводит случай, приключившийся с одним молодым баварцем. У него умерла жена и скорбь его была так велика, что он никак утешиться не мог. И вот перед ним явилась Сильфида в образе его умершей жены. Она заявила, что Бог послал ее к нему, желая утешить его в бесконечном горе. Они жили вместе несколько лет. Но так как его поведение оставляло желать много лучшего, то она самым неожиданным образом исчезла.

В Швеции Скогфру бродит одинокая по лесам и своей красотой и лаской обольщает

всех встречных. Кто поддается действию ее чар, тот сходит с ума. Она принимает самые разнообразные формы. Так, например, одному юноше, который шел на свидание к своей невесте, она явилась в образе этой невесты (кстати, последняя не могла прийти к назначенному времени). Она стала угощать его всевозможными яствами. Когда же он проглотил последний кусок, она страшно рассмеялась и быстро убежала в лес. При этом юноша, напуганный до смерти, увидел выдолбленную спину ее и длинный хвост. В Дании эльфы — это те же дьявольские существа с дуплистой спиной, какие мы встречаем у всех народов. Все они имеют неотразимую силу и влияние на тех людей, которые были крещены без соблюдения всех деталей этого обряда. Существует масса рассказов о браках, заключенных лесными феями с людьми. В 1691 году шведский суд приговорил 22-летнего юношу к смертной казни «за преступное сожителство с Бергро и Скогро». В 1701 году подвергся судебному преследованию волонтер Mans Malm за то, что он имел дело со Скугрой*****.

Эльбы и альпы, фигурирующие в немецких сагах, это — те же инкубы и суккубы. Человек, который одержим альпом (домовым), ясно чувствует, что какая-то женщина приглашает его совершить с ней половой акт; более того, он своими глазами видит, как она всходит на его кровать с тем, чтобы выкинуть какую-нибудь нелепую шутку*****.

Если на германской почве лесные феи заключают брачные союзы с мужчинами, то у славян мы встречаем явление совершенно противоположного свойства: там леший старается обольстить своими чарами молодых девушек. Русский леший очень часто вступает в брак с женщинами. В Архангельской губернии существует поверье, что вихрь — это танец лешего с его невестой. Леший похищает и женщин, и детей; он уносит их в свое подземное обиталище и после долголетнего пребывания там он выпускает их совершенно одичавшими*****.

* Svoboda, a. a. O., I, 261.

** Stoll, Suggestion und Hypnose in der Völkerpsychologie, S. 35.

*** Stoll, a. a. O., 186.

**** Bieber, a. a. O., 72.

***** Mannhardt, a. a. O., 88, 132, 139, 126, 135 u 136.

***** Görres, a. a. O.

***** Mannhardt, a. a. O., 142/43.

И у еврейского народа существовали многочисленные легенды о любовных демонах. Согласно толкованию Талмуда, место из книги Бытия: «и он создал мужчину и женщину» следует понимать в том смысле, что Адам был физически неразрывно связан со своей женой Лилит; но так как они вечно ссорились, то Господь разделил их и дал каждому самостоятельное бытие; с тех пор Лилит предается разврату с различными чертями, а Адам в течение 130 лет тоже находился в связи с чертями женского пола, пока Бог не дал ему второй жены — Евы. Вот чем объясняется существование демонов и духов всевозможных видов. По преданию Талмуда, Исав имел жену Махалот, которая была суккубой. Самая красивая из всех суккуб носила имя Нознии; вместе со своим братом Тубаль-Каином она родилась из души Каина. Эта-то Нозмия и является настоящей родоначальницей любовных демонов*.

Опираясь на библейский рассказ о «Божьих сынах», живущих в любовной связи с дочерьми рода человеческого, Фома Аквинский утверждал, что любовные демоны существуют в действительности. Он защищал ту мысль, что coitus с этими демонами может привести к зачатию. Согласно его теории бесплотный дух обладает способностью навлечь на себя телесную оболочку и таким образом вступить в половую связь с людьми. В результате, конечно, мы имеем процесс зачатия нового существа; но это зачатие вызвано не организмом демона и не тем семенем, которое содержится в телесной оболочке, навлеченной демоном на себя. Причина зачатия лежит в том, что демон совокупляется с женщиной под видом суккубы; воспринятое таким образом семя он передает затем женщине, с которой он совершает половой акт уже в качестве инкуба. Против этого можно было бы возразить, что в промежутке между этими двумя актами человеческое семя остывает и теряет свою жизненную силу.

На это Фома Аквинский отвечает, что все это демон старается предотвратить, как

быстротой своих движений, так и применением всевозможных согревающих средств.

В трудах отцов церкви Фома Аквинский нашел богатый материал, подтверждающий правильность его теории. Августин много рассказывает о фавнах и сатирах, находящихся в половой связи с женщинами. А Sozomen в своей «Истории церкви»** приводит пример одного кузнеца Апеллеса, который пользовался в Египте широкой популярностью благодаря своим выдающимся качествам. Как-то ночью, когда кузнец был занят своей работой, к нему явился демон в образе женщины, чтобы испытать его целомудрие. В ответ на приставания демона кузнец бросил ему в лицо кусок раскаленного железа; тогда только демон со страшным стоном и плачем убежал. В изложении Sozomen'a этот «демон», если он на самом деле был, проявляет все черты, весьма характерные для дьявола. После Фомы Аквинского и некоторых других защитников этого предрассудка, вера в любовных демонов приобрела самые прочные формы и вошла в качестве составной части в монашескую литературу.

В конце своей книги «De aribus» Фома Брабантский приводит пример одной девушки, которую «неотступно преследовал инкуб, несмотря на ежедневную горячую исповедь, несмотря на ее ум и просвещенность. Ни крест, ни святая вода, которая специально создана для того, чтобы смутить дьявола; ни распятие, которое внушает страх даже ангелам, — ничто не помогло. Только долголетняя горячая молитва и жестокий пост спасли ее от дьявольского наваждения». Cäsarius von Heisterbach рассказывает об этой женщине, которая жила 6 лет с дьяволом; невидимым образом он оплодотворял ее под самым боком ее мужа. На седьмом году она исповедывалась и была спасена святым Бернгардом.

В X главе III книги своего произведения «Illustrium miraculorum et historiarum memorabilium» он приводит случай с одним развратным схоластиком, который пригласил к себе на дом женщину. Вместо нее пришел

* Dankmar, a. a. O., S. 333.

** VI, 28.

дьявол. На следующее утро дьявол предлагает ему вопрос: «С кем, по твоему мнению, ты совокупился в эту ночь?» «С женщиной»,— отвечает тот. «Ни в коем случае,— возражает демон,— ты совокупился с дьяволом». Там мы находим рассказ о том, как дочь одного священника была обесчещена инкубом; благодаря этому она помешалась. Она, однако, вполне излечилась от своей болезни после того, как ее отвезли далеко за Рейн. Но дьявол смертельно поразил ее отца, так что тот через три дня умер. Petrus de Palude рассказывает об одном молодом человеке, который женился на идоле, но он об этом ничего не знал; ему казалось, что он имеет дело с девушкой. Все это можно себе объяснить только происками дьявола.

По поводу всех этих рассказов Нехепhammer* замечает, что «люди, воспламененные плотской страстью, до того безумствуют, что им необходимо найти какой-нибудь выход для своей похоти; люди знатные, прелаты, богачи—все они впадают в это роковое несчастье».

Не остаются в стороне от этого движения и бедняки.

«Одна женщина, жившая вблизи города Гевилля, в Базельском округе, шесть лет находилась в половой связи с инкубом; причем все это совершалось под боком спящего мужа. Половые акты с ним происходили три раза в неделю, по воскресеньям, вторникам и пятницам, а иногда и еще чаще. В городе Кобленце один бедняк в присутствии своей жены совершал половой акт точно таким же образом, как он вообще совершается между мужчиной и женщиной. Ничто не могло остановить его в его безумстве—плачь и ропот его жены мало помогали в данном случае. Каждый раз по окончании акта он вскрикивал: «Начнем сначала», хотя не видно было, к кому он собственно обращается и кто служит ему суккубой. Часто доходило до того, что он после жестокого приступа бешенства падал в полнейшем бессилии на землю. Когда его впоследствии спрашивали, с кем он совершал

половой акт и кто такая была его суккуба, он неизменно отвечал, что ничего не видал пред собою, что впал в такое беспамятство, которое совершенно лишило его возможности владеть собою. Он при этом всегда указывал на одну женщину, как на виновницу своего безумного состояния».

Особенно часто нападениям со стороны инкубов подвергаются монахини. Вейер рассказывает об одной 14-летней монашке Гертруде, которая каждую ночь спала с сатаной. Она до того влюбилась в него, что писала к нему самые страстные, самые нежные письма. Из института г-жи Bourignon—человека, настроенного крайне мистически,—убежала 14-летняя девушка; она как-то напроказила и за это была посажена под замок. Никто не мог понять, каким образом она убежала. Впоследствии она призналась, что ее освободил из заточения дьявол, которому она была предана еще с раннего детства. Через три месяца после этого другая девушка заявила, что она—колдунья. Ее немедленно уволили из института. Еще через три месяца одна одиннадцатилетняя девочка заявила, что она—ведьма и что она всегда находится в обществе дьявола, который является к ней в образе мальчика. При этом она рассказала, как впервые познакомилась с дьяволом. Это было давно: как-то раз пришли к ней деревенские девочки и пригласили ее пойти гулять; выйдя за деревню, они встретили знакомых мальчиков, с которыми пошли вместе. Далее, приехал к ней верхом мальчик, но не на метле, а на маленькой лошадке; взяв с собою ее и ее подруг, он пронесся по воздуху и прилетел в громадный замок, где они все наслаждались танцами, вином и музыкой. Но эти три девочки только положили начало. После них почти все девочки института, всего около 50 человек, объявили себя причастными к колдовству**.

Jeanne Hervilliers говорит, что, когда ей было 12 лет, мать познакомила ее с дьяволом. С того дня он жил с нею совершенно так же, как живут друг с другом мужчина и женщина; разница заключалась лишь в том, что его семья

* II, 214/15.

** Horst. a. a. O., I, 226/27.

было холодное. Он посещал ее раз в неделю или в две недели, причем его нисколько не смущало то обстоятельство, что она иногда находилась с мужем; следует заметить, что муж об этом совершенно не знал и ровно ничего не замечал. Жанна и ее мать были сожжены.

Мишелэ приводит рассказ одной вдовы, которая страшно убивалась по поводу смерти своего мужа. Она обратилась к одной колдунье с просьбой дать ей возможность хоть один раз взглянуть на умершего супруга. В награду за это она готова была отдать ей все, даже жизнь свою. Ведьма посоветовала ей пойти домой, наглухо закрыть двери и ставни, надеть свадебное платье и оставить за столом место для мужа. Далее она должна настойчиво звать его. «Но,—заметила она,—он не придет. Тогда возьми из ящика последний его сюртук, целуй его и приговаривай: ты не придешь — тем хуже для тебя». Затем она дала женщине какое-то вино, которое та должна была принять, и заявила ей, что если она все сказанное исполнит в точности, то муж обязательно придет.—И, в самом деле, он явился к этой вдове и обещал ей приходить каждое воскресенье ночью, когда она будет спать.

Daniel von Оррен, человек, которого часто посещали различные видения (некоторые из них он издал), подвергся в период своей возмужалости нападению духа в образе «знакомой девушки, облаченной в белые одеяния... Дух захотел, чтобы von Оррен никогда не женился. Сам же von Оррен под влиянием своих братьев решил, напротив, в ближайшем времени жениться. Узнав об этом решении, ночью явился к нему дух, так что все присутствующие могли его ясно видеть своими глазами. Он решительно направился к кровати, чтобы вытащить оттуда von Оррена». Оррен все же женился тогда. Дух продолжал свои угрозы; он пророчествовал, что «первый ребенок, который родится от von Оррена, будет мертвым; так оно на самом деле и было». Оррен очень часто напоминал собою людей, которые «страдают эпилептическими припадками». Дух обыкновенно появлялся в костюме, шитом во вкусе знакомой Оррену

девушки*. Надо полагать, что к этой девушке Оррен питал очень серьезное чувство,—и вот, благодаря его медиальным задаткам, бесознательная сфера его существа невольно создавала в его представлении образ этой девушки. Если и другие люди видели появление духа, то это в сущности не что иное, как психическое взаимодействие между Орреном и окружавшей его человеческой средой.

Но вера в инкубов имеет и свои смешные стороны. До чего невероятным и фантастичным является, например, самообвинение одной амстердамской девушки, которая утверждала, будто словами schurgius, turgius, turgius она в состоянии околдовать целое стадо и увести его с пастбища. Далее она говорила, что из ада восстал перед ней жених по имени Рультхен. Он обещал ей вступить в брак; она же ничего лучшего и желать не могла. Но когда он, в минуту интимной, откровенной беседы, признался ей, что он именно тот человек, который предал Христа, она горячо возненавидела его. Еще комичнее рассказ Рейха об одном привидении, которое «явилось к нему в Ганау в образе девушки. Как-то ночью сидел он у себя в комнате и читал. Вдруг в дверях показалась девица, которая всевозможными знаками дала ему знать, чтобы он следовал за ней. Поднявшись со своего места, он направился к призраку; девушка же тем временем отошла от двери и направилась в комнату его друга. Там она легла в кровать, но когда Рейх захотел обнять ее, то он нашел комнату совершенно пустой. По его словам, таких случаев у него в жизни было два. Раз явился к нему призрак в образе долгоязого черного мужчины; то был вор, который хотел украсть у него платье. Другой раз в его комнату вошли хозяйка и служанка.

Случай полового бешенства, представляющего собою переходную стадию к инкубату, приводит Gmelin в первом томе своего труда «Beiträge zur Anthropologie». Речь идет об одной немецкой даме, которая страдала нервными припадками, связанными с умопомрачением. Во время этих припадков она неизменно

* Hennings, a. a. O.

представляла себя французской эмигранткой. Заболела она на почве любви к одному молодому человеку, который принимал деятельное участие в разыгрывавшейся тогда французской революции. В один прекрасный день молодой человек бесследно исчез; это обстоятельство подействовало крайне удручающе на молодую даму и она заболела. Правда она очень скоро отделалась от delirium'a, который сопровождался у нее сильнейшей лихорадкой, но до полного выздоровления было еще далеко. Всякий раз, когда надвигались приступы болезненного состояния, она резко обрывала разговор, оставляла без ответа обращенные к ней вопросы, и ее глаза неподвижно упирались в какую-нибудь точку. После этого она начинала громко вздыхать, проводила рукой по лбу и глазам, словно она только что проснулась от глубокого сна. Далее шел бесконечный рассказ о ее бегстве из Франции. В подобные минуты французский язык давался ей особенно легко; если же ей приходилось говорить по-немецки, то у нее появлялся какой-то странный, чуждый ей обыкновенно акцент.

Подобные, а, пожалуй, и еще более ужасные явления можно наблюдать и в настоящее время, особенно в различных спиритических кружках, насквозь проникнутых ханжеством и лицемерием. Таков был, например, случай с разведенной женой одного бельгийского фабриканта, которая вступила в связь с духом «Отто»; последний всячески уверял ее, что сильно ее любит. В своих письменных и устных любовных излияниях, которые возвещались обыкновенно медиумом, дух был до того навязчив, что дама боялась оставаться одна в комнате; она сильно опасалась, как бы «Отто» не изнасиловал ее. В данном случае, как мы видим, появление или непоявление инкуба есть лишь вопрос времени, так как сила сопротивления совершенно покинула эту даму. Аналогичный случай приводит Blüthgen в своем «Spiritisten». Героиня романа также вступила в любовную связь с духом, причем Blüthgen вполне серьезно замечает, что здесь возможно оплодотворение при посредстве существа «четвертого измерения». Чрезвычайно интересный

случай, лежащий всецело в сфере инкубата, приключился с вдовой известного парижского магнетизера. Она рассказала одному сотруднику газеты «Temps», что любила своего мужа горячей любовью, при этом она таинственно заметила, что оставалась с ним в браке спустя шесть месяцев после его смерти. Муж аккуратно посещал ее каждую ночь. Как-то раз она ему сказала: «Докажи мне, что это действительно ты, а не кто-нибудь другой». Муж ей на это ответил: «Я тебе докажу—завтра в полночь». В назначенное время он явился, но не через дверь, как он обыкновенно это делал, а сквозь стену. Вдруг он набросился на нее, начал ее кусать, так что та страшно кричала от боли. Знаки от этих укусов долгое время оставались у нее на плече. С тех пор она заболела страшным недугом, от которого она освободилась благодаря удачному лечению одного магнетизера. Тут только она стала настоящей вдовой; ее муж больше уж не беспокоит ее своими посещениями.

И современный оккультизм противопоставляет инкубату суксубат.

Сюда относится случай, пережитый Христианом Реймерсом*. По своей профессии Реймерс был музыкант. Вследствие переутомления и полнейшего расстройств нервной системы ему пришлось окончательно бросить свои занятия музыкой и тогда-то он, как сам рассказывает, предпринял первые спиритические опыты**. Конечно, и здесь, как во всех подобных случаях, необходимо предположить наличие известное предрасположения, хотя бы и направленного в другую сторону. И, действительно, сам Реймерс говорит, что при первом же сеансе его окончательно покинула способность трезвого и спокойного наблюдения***. Вполне естественно, что человек был охвачен всевозможными сомнениями, которые все время не давали ему покоя. Бесконечные колебания между глубокой верой и отчаянным скептицизмом красной нитью проходят сквозь все рассказы Реймерса, касающиеся его личных

* Erfahrungen eines Deutschen im Spiritualismus in England. Rpsych. Stud. 1874—79, Jahrg. I—IV.

** A. a. O., 1875, II, 165.

*** A. a. O., 1874, I, 444.

переживаний. Но это ни в коем случае не говорит в пользу его объективности, как он это думает. Его крайне подозрительное отношение к медиумам следует скорее рассматривать, как оборонительное средство в руках человека чрезвычайно слабохарактерного и безвольного: человек чувствует, как слепая вера поглощает, захватывает его, и вместе с тем этот результат для него совершенно нежелателен; мало того, человек хочет самым решительным образом предотвратить его.— Но скептическое отношение Реймерса к медиуму имело для него еще ту выгоду, что рассеивало у него всякие сомнения насчет наблюдательности, присущей ему. В его переживаниях самым беспорядочным образом рассеяны как субъективные галлюцинации (когда он находится один), так и объективные феномены (особенно в присутствии медиумов). Вполне понятно, что случаи второго рода укрепляли Реймерса в том убеждении, что и его мнимые субъективные переживания имеют реальное бытие. Это, конечно, сильно осложняло положение несчастного: в конечном итоге он стал в самые интимные отношения к духу женского пола.

В первый раз «Bertie» (таково было имя духа) явилась в частном кружке спиритов, среди которых находился и Реймерс. Она заявила, что между XV и XVI веками она служила при лондонском дворе в качестве придворной дамы. Кстати заметим, что большинство духов, появляющихся во время сеансов английских спиритов, принадлежит к умершим придворным дамам. Дело дошло даже до материализации и все моменты, сопровождавшие этот сеанс, оказались вполне благоприятными для Реймерса. Это никому не показалось удивительным, так как Реймерс был председателем кружка.

С этих пор «Bertie» является во всех заседаниях, в которых принимает участие Реймерс, «контролирующей интеллигенцией», как выражаются спириты. Но ее отношения к Реймерсу принимают некоторый характер правильности лишь с тех пор, когда роль медиума взяла на себя г-жа Firman. Заседания переносятся в Манчестер; они происходят значительно чаще и систематичнее, чем раньше.

Первое письмо от «Bertie» Реймерс получил во время одного сеанса, который происходил в присутствии медиумов, г-жи Firman и ее сына и посторонних зрителей в лице президента British Association of Spiritualism и двух дам. Письмо, которое, по словам Реймерса, было написано без всякого участия медиума, насквозь проникнуто спиритуалистическим духом. Содержание его таково: «Дорогой друг!—Помни всегда о нас. Мы— духи, свободные от земных страданий, призваны утешать и ободрять Вас на трудном жизненном пути Вашем. Нам доставляет бесконечную радость видеть, как ты во всем повинешься этому несчастному существу, которое подвержено столь тяжким испытаниям в жизни (г-же Firman). Но имей в виду, что нас сильно занимает и материальная сторона твоей жизни. Мы счастливы, конечно, что наша возвышенная миссия вызывает в тебе горячий энтузиазм; но вместе с тем мы ни в коем случае не хотели бы, чтобы этот энтузиазм повлек за собою какие-нибудь неприятные последствия в твоей материальной жизни. Приложи все старания к тому, чтобы твоя профессия не пала жертвой нашего общего дела, ибо нас очень огорчает мысль о том, что тебя могут постигнуть какие-нибудь материальные невзгоды. Верная тебе Bertie»*. В этом письме заслуживает внимание одна черта—это бесконечная заботливость, которую дух проявляет по отношению к своему поклоннику. Следует заметить, что эта черта вовсе не является характерной для подобного рода отношений; совершенно напротив— дух никогда не вникает в социальное положение верующего, он считает это вещь, на заслуживающей никакого внимания. Но все же эта черта, наличие которой мы отметили в данном письме, не дает еще никаких указаний на то, какое направление примут дальнейшие отношения между Реймерсом и Bertie. В общем, главные толчки в развитии этих отношений исходят неизменно от самого Реймерса. Его экзальтация растет со дня на день. Во время одного сеанса, на котором в качестве медиума фигурировала г-жа Woodforde, он

* А. а. О., 1877, IV, 163.

предлагает ей вопрос: «Каким образом возвышенные, непорочные духи являются перед лицом людей, воплощаясь в низменных, подчас даже лживых медиумах?» На это она ему ответила пространной речью, которая «была соткана из роскошных цветов, которая дышала бесконечной горячей любовью ко всему человечеству». По этому поводу он заметил ей следующее: «Глубокая интимность, которая наполняет все мое существо, неудержимо влечет меня к этому загадочному, таинственному созданию. Мною овладело чувство, будто ко мне приближается давно умершая любимая сестра моя, которая с большой осторожностью скрывает свое родство со мной»*. В том же заседании Bertie обещала ему свою фотографическую карточку. Он немедленно отправился к фотографу духов, г. Hudson'у, и «с тихой радостью» принял от него обещанную карточку. Фотограф, однако, с явным неудовольствием заметил: «Фигура прекрасная, почти что самая лучшая во всей моей коллекции, но у меня есть очень много карточек таких лиц, которые мне совершенно незнакомы»**. Вернувшись из какой-то поездки по Германии, Реймерс немедленно приступил к спиритическим сеансам, пользуясь услугами одного друга своего, отличавшегося ярко выраженными медиумическими задатками. С помощью этого друга Реймерсу удалось несколько раз добиться письменных откровений от Bertie; это приводило его в неопишуемый восторг***. Наконец, вернулась и г-жа Firman, исчезнувшая вдруг из Манчестера. В тот же день, когда она приехала, «Bertie» постучалась ко мне почти одновременно с приходом медиума, и мы все втроем сидели тихо за чаем и наслаждались веселыми выходками нашей невидимой гостьи». Надо полагать, что это был спиритический транс, в который погрузилась г-жа Firman, так как никаких других указаний для объяснения этого явления у Реймерса не приведено. Сеансы происходили с чрезвычайной аккуратностью. Реймерс сосредоточивает все свое внимание на том, чтобы медиум его как-нибудь не обманул;

* А. а. О., 1877, IV, 221.

** А. а. О., 1877, IV, 213.

*** А. а. О., IV, 215.

он принимает всевозможные меры предосторожности, но все же явление материализации неизменно наступает. Естественно, Bertie это — первая, которая появляется. До ее появления он ясно ощущает в левой части своего тела какие-то своеобразные колебания****, которые несомненно свидетельствуют о его личной медиумической одаренности, по-видимому, совершенно незамеченной им. После этого первого «сигнала» является Bertie. Сначала она показывает лишь свою голову и бюст, а затем выступает во весь рост. В протоколах своих сеансов Реймерс пишет: «Она явилась предомной в своеобразном великолепии; она показала мне свои нежные, словно воск, руки. Я втайне даже сомневался, могут ли вообще быть такие руки, но когда она заиграла своими пальчиками, все сомнения мои рассеялись. Это явление было для меня провозвестником и сигналом счастья; оно явилось для меня указанием того, какие горы сомнений может рассеять эта ангельская ручка»*****. Чтобы окончательно убедиться в реальности этого явления, Реймерс решился на крайнюю меру: он задумал отлить форму этой руки. Сделать это очень легко. Для этого достаточно отливаемый предмет погрузить в ведро горячей воды, содержащей в себе раствор парафина, затем этот же предмет опустить в холодную воду. Если изображаемый предмет будет рука, то описанным способом можно получить точнейшую форму ее. Но если рука погружена в парафин выше сустава, то очень может статься, что ее трудно, а иногда почти и невозможно будет извлечь из этой массы без нарушения отлитой формы. Копенгагенский профессор Alfred Lehman утверждает, что извлечение руки можно без ущерба для формы совершить до тех пор, пока парафин сохраняет свою мягкость и теплоту. В случае же с рукой Bertie мы совершенно обеспечены от обмана, так как ее рука и тоньше, и меньше, и совершенно другой конструкции, чем рука медиума или Реймерса. Bertie, таким образом, очень легко могла извлечь свою руку из парафинового раствора. Желая доставить удовольствие Bertie, он препод-

**** А. а. О., IV, 352.

***** А. а. О., IV, 354.

нес ей к празднику Рождества маленький золотой шейный крестик. Та приняла его с благодарностью и моментально исчезла; но с тех пор она никогда не являлась к Реймерсу без крестика. Она носит его на руке своей, на тыльной стороне*. Когда Реймерс просит вернуть крестик, она неизменно отвечает: «Нет, нет, нет, ты крестика этого не получишь, он для меня слишком дорог! — у кого есть крест, тот приобретет и корону»**. Его отношения к Bertie приобретают все более интимный и нежный характер. Она уже является теперь к нему не только во время сеансов. Эта новая стадия в их отношениях началась после одного сеанса, на котором духи Bertie и Lillie преподнесли всем участникам цветы. Вернувшись домой, он зашел к себе в спальную и там на подушке он нашел красивую астру***.

Сначала он подумал, что это г-жа Firman, жившая у него в доме, пошутила над ним. Но на следующий день он узнал, что его предположения совершенно неправильны. И вот для того, чтобы устранить всякую возможность обмана, он перед уходом своим из дому оклеил все окна и двери и сделал тайные пометки и различных местах. Вернувшись домой, он нашел все в полном порядке, все наклейки были в целости и все же в комнате у него были свежие цветы, а на одной из наклеек он заметил несколько слов, написанных рукою Bertie; там она высказывалась насчет одного письма, которое он оставил у себя в комнате, но которого теперь никак найти не мог****. «Таким образом, у меня происходит таинственный обмен письмами и цветами — с духом!» — вскрикнул он. Далее он продолжает: «Шум будничной жизни болезненно задел мое восприимчивое, чувствительное ухо»*****. В одном месте он как-то говорит, что спиритические переживания «заставляют его в ослеплении блуждать сквозь темный туннель житейского бытия; не часто выпадали на его долю минуты, когда он мог бы знать, где ступает его нога»*****.

Явления начинают постепенно облекаться в форму каких-то мистерий. Одними письмами и цветами дело не ограничивается. Возвращаясь поздно ночью домой после утомительных спиритических сеансов, Реймерс находит у себя в запертой комнате вино и пироги***** — то Bertie постаралась для своего возлюбленного (мы можем теперь смело назвать Реймерса ее возлюбленным); очень часто она преподносит ему вино во время сеанса, когда он заседает с г-жой Firman и ее сестрой*****. Что касается ее внешности, то о ней он высказывается в следующих словах: «Она пришла ко мне — образец небесной красоты, которой я не берусь и не смею описать! Бодряя осанка, нежный цвет лица, огромные, блестящие глаза, обрамленные длинными ресницами, — все это превосходило самые смелые ожидания мои. Признаюсь откровенно — я был ошеломлен. Я не могу описать вам того трепетного одушевления, которое овладело мною в ту минуту. Приди ко мне, Мефистофель и верни он мне, подобно Фаусту, мою молодость, дай он мне сверх того Bertie в качестве постоянной спутницы моей жизни — о, я нисколько не посмотрел бы на ту роковую опасность, которая связана с подобного рода волшебством!»*****.

Вот все, что мы могли позаимствовать из сообщений Реймерса, собранных в его труде «Erfahrungen im Spiritualismus». Но этого материала вполне достаточно для того, чтобы уяснить себе все дальнейшие явления в его жизни. У нас, кроме того, имеются вполне точные сведения относительно исхода всей этой аферы; но этим мы уже обязаны одному известному исследователю в области спиритизма, близкому другу Реймерса. По его словам, Bertie навещала Реймерса и вне сеансов, в его спальне. «Ведьма», как он ее называет*****, заставила Реймерса совершенно позабыть ту, духовную, возвышенную сущность, которую он ей приписывал. Дело кончилось тем, что было наиболее естественно в подобных отношениях: половой связью.

* См. Aksakow, Animismus und Spiritismus.

** А. а. О., IV, 403.

*** А. а. О., 1878, V, 249.

**** А. а. О., V, 249/50.

***** А. а. О., 1879, VI, 353.

***** А. а. О., 1876, IV, 355.

***** А. а. О., VI, 430.

***** VI, 407.

***** А. а. О., VI, 400.

***** А. а. О., VI, 407.

С этих пор Bertie становится все назойливее. Ей недостаточно ночных визитов; она пристаёт к своему возлюбленному и днём. Вначале Реймерс относился к подобным желаниям Bertie весьма сочувственно; с течением времени эти бесконечные приставания начали ему надоедать. Bertie превратилась для него в синоним ужаса. Он дрожал от страха при каждом посещении ее. Желая избавиться от ее преследований, он, по совету своего друга, принял приглашение в Австралию. Ему казалось, что перемена места приведет его к окончательному разрыву с Bertie. Но было уже поздно. Разрыв между ними был уже невозможен. Правда, во время поездки фантом его несколько не беспокоил. Объясняется это как изменившимися условиями жизни, так и отдыхом, который он вкушал в пути. Но лишь только нога его ступила на твердую почву, лишь только он вернулся к своим обычным занятиям, куда относятся и спиритические сеансы — Bertie снова появилась. Теперь уже не было никакой сдержки: «Я и она — это одно!» — пишет он где-то; он говорит о ней, как о своем «я»*. Но этот измученный, истерзанный человек нашел, наконец, покой. Спустя короткое время после своего приезда в Австралию он умер.

Все эти явления, взятые, несомненно, из жизни и имеющие какой-то особый романический привкус, объяснить нелегко. Картина пестрит разнообразными красками, ее трудно разрешить одним ударом. Ведь мы совершенно не знаем, насколько верны все те данные, которые приведены самим Реймерсом. Предпринимая различные меры предосторожности, не прозевал ли он чего-нибудь? Он был в сущности *единственным* свидетелем всех откровений г-жи Firman — женщины, которая в материальном отношении находилась в исключительной зависимости от него. Мы несколько не сомневаемся, что Bertie являлась не только в присутствии г-жи Firman; мы даже положительно знаем, что она приходила и тогда, когда в качестве медиумов фигурировали другие лица. «Таинственная Bertie появлялась во всех тех

кружках, где я играл руководящую центральную роль»**, — говорит он и этими словами он совершенно бессознательно указывает нам на то, где следует искать причину этого постоянного появления ее. Он и только он был источником всех этих явлений. Его личная медиумическая одаренность, естественно, повышалась под влиянием различных других медиумов, окружавших его. Ни материализации Bertie, ни формы ее рук и ног — все это несколько не доказывает, что она реально существовала. Благодаря исследованиям де-Rochas мы знаем, что сомнамбулы и медиумы в состоянии глубокого сна испускают особого рода влажные тела, которые обладают способностью сгущаться и которые принимают форму человеческого тела, большей частью, фигуру самого медиума. Однако это бывает не всегда. Так, например, на конгрессе спиритов инженер Mac Napp доложил об одном случае, когда образовавшееся тело было во всех деталях похоже на фигуру, взятую с одной картины; к этой картине очень внимательно присматривался медиум до открытия сеанса. Да, медиумы обладают способностью вызывать наружу человеческие образы; этого отрицать нельзя, ибо в качестве доказательства мы имеем целый ряд фотографических снимков, совершенных с соблюдением всех предосторожностей. Но в создании этих образов видную роль играет фантазия, как самого медиума, так и всех прочих участников сеанса. Так обстояло дело и в данном случае. Bertie, на которой были сосредоточены все помыслы Реймерса, должна была появляться всюду, где находился и Реймерс. Для этого вовсе не требовалось, чтобы его медиумы вообще знали о существовании Bertie; и, действительно, очень часто они ничего не знали о ней и все же она тем или иным образом появлялась перед участниками сеанса. Ее появление, таким образом, является результатом упорной мысли Реймерса, сосредоточенной на Bertie, результатом его безудержного неодолимого влечения к ней.

Но что представляет из себя Bertie?

* Reimers, Erörterungen zu meinen früheren Erfahrungen, Psych. Stud. 1884, XI. Jahrg., Heft, S. 522.

** A. a. O., 1877, VI. 216.

Не что иное, как олицетворение бессознательного. Те самые процессы, которые у людей нормальных и здоровых всецело протекают в сфере интеллектуальной жизни, принимают у Реймерса совершенно другое направление: благодаря экспансивному, повышенному темпераменту его они переходят в сферу материальных ощущений и от поры до времени принимали очертания нормального человеческого организма. Только этим можно объяснить себе тот факт, что мысль о Bertie ни на минуту не покидает Реймерса, что его неотступно преследует ее дивный образ, созданный его пышной богатой фантазией; естественно, что на этой почве рождаются и различные моменты эротического свойства. Вполне понятно, что самые незначительные факты, связанные с именем Bertie, как, например, цветы, преподнесенные ею во время одного сеанса, сильно разжигают и без того разгоряченную фантазию Реймерса и доводят его до полнейшего безумия. Что касается «взаимного обмена цветами и письмами», то мы предпочитаем совершенно умолчать о нем; дело в том, что рассказ Реймерса, касающийся именно этой стороны дела, может быть с субъективной точки зрения и очень интересен, с объективной же точки зрения он для нас далеко не достоверен. Остался еще один вопрос: как объяснить себе появление Bertie в качестве суккубы? Но это ведь не что иное, как заключительный момент, к которому Реймерс неминуемо должен был прийти под влиянием своей не в меру возбужденной фантазии. Все остальное вплоть до его трагической кончины представляет собою прямой и логический результат его болезненного психического состояния.

Аналогичное явление приключилось с литератором Otto de Joux. De Joux — автор многочисленных трудов в области гомосексуализма. Его перу принадлежат «Die Enterbten des Liebesglücks», «Die hellenische Liebe in der Gegenwart» и т. д. В последние годы жизни его неотвязно преследовала мысль, будто рядом с ним существует какой-то контролирующий дух, с которым он находится в половой связи. К этому же времени de Joux приобрел одну крайне отвратительную черту: он начал

интересоваться половой жизнью людей, совершенно чуждых и незнакомых ему, и на этой почве произносил различные пророчества, вложенные ему будто бы в уста св. Анной, с которой он сошелся также на половой почве. Большинство этих пророчеств не имели, конечно, под собою никаких оснований; он их просто, что называется, из пальцев высасывал. Все они, естественно, были результатом его возбужденной эротической фантазии, как и контролирующий дух и св. Анна. De Joux умер от размягчения мозга. Зачатки этой болезни явственно намечаются уже в нелепых мыслях относительно общения его с контролирующим духом и со св. Анной. Сознание собственного «я» постепенно притупляется; мысли, всплывающие на поверхность из сферы бессознательного, производят при этом на человека ошеломляющее действие, они кажутся чем-то посторонним, чуждым, а потому и страшным. Но, если всем этим ощущениям предшествовали спиритические сеансы, тогда ответ ясен: болезненное психическое состояние является результатом воздействия какого-нибудь духа. Возбуждение de Joux гипостазировалось отчасти в святой Анне, в этом воплощении женского начала, а отчасти в мужском контролирующем духе, чувственном прообразе его преступного влечения.

Для оценки подобных фактов нам представляется чрезвычайно важным рассказ одного молодого немецкого скульптора.

Он пишет: «Благодаря лекциям одного народного оратора, принадлежащего к лагерю спиритов, я в 188... году познакомился с сущностью спиритизма. Должен сознаться, что рассуждения этого человека произвели на меня колоссальное впечатление только потому, что незадолго до этого жестокая смерть похитила у меня горячо любимую мною мать. Впечатлительный и вдумчивый от природы, я вечно был занят вопросами о Боге и бессмертии. Тяжелая потеря, понесенная мною в лице матери, сделала то, что эти мысли всецело овладели моим существом. В то время мне казалось, что где-то, в глубоких тайниках своей души, человек должен незадолго перед смертью получить возмещение за все те страдания, которые он

испытал в земной жизни. Мысль о том, что человек, как индивидуальность, продолжает существовать за гробовой доской, представлялась мне полнейшим абсурдом. Но этот взгляд был окончательно сокрушен доводами упомянутого спирита.

«Но, познакомившись с сущностью спиритизма, я не ограничивался одними только секциями; я вдавался в изучение спиритической литературы. Параллельно с этим мы устраивали спиритические сеансы в тесном кругу семьи; в них принимала участие моя тетья, которая приютила у себя мать мою незадолго до ее смерти. Дело пока не шло дальше различных опытов со столиками. Столик поднимался и опускался — и нам казалось, что мы находимся в каком-то таинственном общении с матерью. Мне было тогда всего 19 лет; юношей я был чрезвычайно слабого телосложения. Но вот, по мере увеличения числа сеансов я начал подмечать в себе явные признаки умопомрачения. Я иногда требовал карандаш и бумагу — и с невероятной быстротой наносил на нее различные слова утешения и угрозы, то в стихотворной, то прозаической форме. Вначале почерк мой совершенно не изменялся; но когда мать моя появлялась в обществе других духов, его нельзя было узнать. Содержание этих надписей несколько не выходило за пределы того, что вообще было доступно моему сознанию; тем не менее мы все, я, моя тетья и некоторые знакомые, находили в этом нечто очень загадочное.

Процесс этот в общих чертах сводится к следующему: лишь только появлялось упомянутое легкое помрачение, у меня вместе с тем возникало ощущение, будто мысли мои с невероятной быстротой проносятся сквозь голову мою. Словно черные тени носились они перед глазами моими. Вдруг голова моя совершенно пустела и перед глазами являлась огромная белая поверхность. На этой поверхности были начертаны громадные черные буквы, которые я в свою очередь должен был перенести на бумагу; и до тех пор, пока я не списывал их, эти буквы неотступно стояли перед моими глазами. Затем все исчезало и я, не открывая глаз, с изумительной быстротой пи-

сал целые страницы самой горячей, вдохновенной проповеди. Находясь в подобном состоянии, я раза два даже начал говорить; при этом я всегда испытывал ощущение, будто сижу на своих собственных плечах. Во время речи я чувствовал себя окруженным розовыми облаками, в которые я постепенно погружался; на этом и кончалась моя речь. Вместе с тем я всячески старался избегать подобного рода состояний, так как они сильно беспокоили мою тетью. — Говорю это — между прочим».

«Во время лекций упомянутого спирита я познакомился с одним молодым человеком, который меня очень заинтересовал. Прежде всего, мне понравилось это тихое самоуглубление, которое сквозило во всех его манерах. Правда, я тоже был человеком очень замкнутым и одиноким; но все же я долгие годы мечтал о товарище или подруге, которых у меня тогда, однако, не было. Даже знакомство с этим молодым человеком ограничивалось тем, что я встречался с ним в течение целого года в спиритическом кружке; дальше обычных разговоров наша «дружба» не шла. Эти отношения несколько не изменились и после того, как я во время одного сеанса, впадши в глубокий транс, высказал несколько очень важных замечаний относительно дальнейшей судьбы его. После этого случая я не встречал его целых полгода. Вдруг один общий знакомый наш сообщает мне, что этот молодой человек хотел бы как-нибудь свидеться со мной. Я назначил время. Когда он пришел, мы устроили маленький сеанс, который ничего ценного нам не дал, разве только то, что дух просил совершать эти сеансы возможно аккуратнее, так как только это избавит молодого человека от его болезненного нервного состояния. С этих пор отношения между нами становятся более тесными и я начинаю часто навещать Г. Но мы все же большую часть времени проводим в сеансах. Так как Г. страдал желудком на нервной почве, то, по совету духа, я начал его магнетизировать. Сделав ему несколько раз втирания во всем теле, я клал свою левую руку ему на голову, а правую — на нервное сплетение, находящееся у живота. В таком положении я просиживал целые часы»

«С течением времени мы очень подружились. Я сильно привязался к нему. Если я его не заставлял дома, меня начинала пугать мысль, не случилось ли что-нибудь неладное с ним. Единственным утешением для меня в подобные моменты было то, что я как-то инстинктивно узнавал, когда именно он придет. И я ждал его часами. Мое чутье не обманывало меня ни на минуту. Как-то раз мы вдвоем справляли день моего рождения; я впал в глубокий транс и в первый раз после продолжительного затишья—стал говорить. Проснувшись, я нашел своего друга в слезах; он безумствовал от восторга. Он рассказал мне, что моими устами говорил очень возвышенный дух, что он весь был потрясен бесконечной мягкостью, которая веяла от этой речи. Я, естественно, ничего не знал о том, что произошло. Когда я, находясь в трансе, говорил стихами, то явственно слышал какое-то методическое журчание в ушах. Но лишь только я почувствовал прикосновение какого-то невидимого существа—я впал в беспамятство. Что произошло потом, я не знаю».

«Чтобы беспрепятственно продолжать наши опыты, как их называл мой друг, хотя о каких бы то ни было изысканиях и речи быть не могло, мы сняли отдельную квартиру. Медиумические задатки, присущие мне, сказывались самым отчетливым образом. Моими услугами для сношений с посюсторонним миром пользовался не только упомянутый дух, но и многочисленные другие духи. Во мне, если можно так выразиться, отразились самые разнообразные характеры. Я об этом, конечно, ничего не знал. Часто я целыми днями находился в трансе, так как общение с невидимым миром не только не надоедало моему приятелю, но доставляло ему даже какое-то особенное удовольствие. Среди всех прочих духов наиболее почетное место занимала некая г-жа X. и ее брат. Оба они, по словам моего друга, говорили на каком-то иностранном наречии, причем они уже начали усваивать и наш язык».

«В эту госпожу X. мой друг влюбился страстной любовью. Он уже не мог жить без

нее. Тия, как она себя называла, приходила почти ежедневно; нередко же он сам обращался ко мне с просьбой: «пусть Тия придет». Говорят, что Тия великолепно танцевала. Это подтвердили все, видевшие, как я танцую под влиянием Тии. Кстати замечу, что организм у меня чрезвычайно тонкий и гибкий, а черты лица совсем женственны. Но все это было не настолько ярко, чтобы остановить на себе внимание; однако, когда моими устами говорит Тия, я, по словам зрителей, окончательно превращаюсь в женщину. Должен заметить, что, как это ни странно, но меня никогда не огорчало то обстоятельство, что я всегда должен был фигурировать в качестве медиума. Столь же мало трогало меня и то, что мною пользовались для своих откровений лишь духи женского рода. Это, вероятно, объясняется тем, что во мне вообще было очень много женственного. Во время возмужалости моя фантазия создавала самые нелепые эротические картины. Я иногда воображаю себя парижской демимонденкой, обладающей несметными богатствами, бесчисленными друзьями и высоким духовным развитием; в этой роли своей я давал роскошные балы своим друзьям; последние находили у меня все вплоть до прекрасных женщин, и в моем воображении все эти балы завершались самыми дикими оргиями. Правда, представление об этих оргиях было у меня самое смутное, так как я тогда еще ничего не знал о половом акте. А иногда я воображал себя главой могущественной теократии; я устраивал роскошные церковные празднества, которые неизменно кончались *coitus*'ом, совершенным какой-нибудь влюбленной парой. В подобные минуты я держал такие же вдохновенные «речи», какие, вероятно, произносил во время появления Тии».

«Но вернемся к нашим сеансам. Должен сказать, что с некоторых пор они приобрели характер религиозной мистерии и таинства брачной ночи. Во время этих мистерий в моем лице, как в медиуме, фигурировал первый из наших духовных друзей; а что касается брачных ночей, то мой друг справлял их вместе с Тией—духом, который порою всецело

овладевал моим существом. Для сеансов мы отвели в нашей квартире отдельную комнату, которую украсили наподобие храма; в этом храме мы проводили долгие часы. Я отлично понимал, сколько радости доставляло моему другу общение с Тией и другими духами, а потому я в этой сфере ни в чем не мог отказать ему. Но за все труды мои на этом поприще я был вознагражден с лихвой: во мне объявился талант, о котором не подозревали ни я, ни кто-либо из моих родственников. Теперь во время сеансов я просил уже не карандаш и не бумагу, а глину и эта-то глина превращалась в моих руках в самые удивительные создания. То, говорят, были звери с Марса. Этот талант остался у меня до их пор; правда, в настоящее время он всецело ограничен рамками реальной жизни, но именно потому-то он и в состоянии создать образчики истинного искусства. Всему этому немало способствовало и то, что я всячески стремился к возможно широкому развитию его».

«В этом заключалась положительная сторона наших сеансов. Отрицательную же сторону их нам пришлось испытать лишь впоследствии. Вполне понятно, что чем ревностнее мы занимались спиритическими опытами, тем больше духов появлялось со своими откровениями к нам, а это имело ту невыгодную сторону, что среди них затесались личности самого отвратительного свойства. Выходки мои — одна нелепее другой — приводили меня самого в ужас. Вдруг я раздражался страшными ругательствами, колотил своего друга, набрасывался на него с ножом — и все это совершалось против моей воли; мало того, я обливался слезами, видя эту несуразную картину, но ничего против этого сделать не мог: какая-то невидимая рука властно толкала меня и возбуждала во мне враждебное, воинствующее отношение к моему другу. Нервная возбужденность у нас дошла до крайних пределов. Поэтому я нисколько не удивился, когда он однажды пришел и предложил мне превратиться в Тию; вместе с тем он заявил, что это предложение исходит от самой Тии. Она будто бы хочет всецело воплотиться во мне, моя же

душа, оторванная от меня, будет витать в каком-то промежуточном царстве. Теперь я отлично понимаю, сколько несуразности, абсурда заключалось в этом плане, хотя я все еще остаюсь спиритом; но в то время, когда на моих глазах разыгрывались самые невероятные вещи, он показался мне чрезвычайно естественным. Однако я долго не соглашался. Но натянутые отношения, создавшиеся между мною и моим другом, заставили меня, наконец, согласиться; да я ничего другого и придумать не мог, так как друга своего я любил безумно. Выход был один — согласиться, что я и сделал. Произошел, если можно так выразиться, обмен душ. Я впал в глубокий сон и когда проснулся, почувствовал себя преображенным. Я стал Тией. Или Тия превратилась в меня. В точности ничего не могу сказать. Я изменился до последнего своего атома. Мышление и чувство мое совершенно преобразилось. Я, или вернее, Тия жила исключительно в моем друге. При нем нельзя было даже произнести моего имени. Итак, я, вероятно, стал Тией? Ибо до того самоотрицания, которое наблюдалось у меня в ту пору, я никак дойти не мог. Внешним образом я, естественно, остался таким же, каким был и раньше; одно только — черты моего лица радикально изменились».

«Но вот мой друг был отозван в П. Это обстоятельство положило конец всему, так как я или Тия, Тия или я не могли сопровождать его. Он уехал в П., но Тия все не покидала меня. Через четырнадцать дней она ушла в Д-скую рощу. Там она села на пеня и погрузилась в свою скорбную думу. Вдруг сильное бешенство овладело ею; ей почудилось, будто что-то вырывают из нее — и потеряла сознание. Когда я пришел в себя, я почувствовал себя совершенно таким же, каким был до того знаменательного превращения. Этим был положен конец всей этой спиритической афере. Однако Тия до поры до времени пользовалась еще моими услугами для того, чтобы написать письмо к моему другу, который все еще страстно любил ее. Конечно, при составлении этих писем я, как и прежде, впадал в спиритический транс».

«Теперь все это — дело далекого прошлого. Кроме воспоминаний, я сохранил еще один ценный остаток того времени: это — искусство. Я несколько не раскаиваюсь в том, что пережил все эти невероятные, сверхъестественные явления, так как в награду получил искусство. Я говорю в награду, ибо, если художественное творчество и скрывалось во мне в значительном состоянии, то его расцветом я всецело обязан той роли медиума, которую я неизменно играл во всех сеансах. Правда, во всей этой истории осталось для меня еще очень много неясного, неразгаданного, но, несмотря на все мои старания, разрешить здесь что-нибудь оказалось выше моих сил. — Вот все, что я могу сказать».

В связи с этим мы позволим себе выяснить те обстоятельства, которые привели Сведенборга к «раздвоению личности», ибо, как в этом, так и в только что приведенном случае, речь идет об одном и том же «драматическом раздвоении». Прежде всего следует заметить, что это раздвоение наступило у Сведенборга не в 1743 году, как обыкновенно думают. Еще задолго до этого, со времени своей несчастной любви, со времени разлуки своей с Эрементинной Полем, он страдал какой-то болезнью, о которой он подробно говорит в своем дневнике, опубликованном в 1859 году в Швеции. По поводу этого дневника Dr. Alfred Lehmann* замечает следующее: «Он состоит из отдельных, миниатюрных описаний внутренней душевной жизни Сведенборга. Со страниц этого дневника перед нами встает человек, нервная система которого совершенно разрушена половыми излишествами. Его картины кишат женскими образами и отношения его к женщинам обрисованы самыми подробными, самыми откровенными штрихами; вероятно, Сведенборг никогда не думал о том, что его книга может быть предана гласности. Мало того, что все его бредовые фантазии насквозь пропитаны сексуальностью, — половые представления преследуют его и наяву, они не дают ему работать. Единственное, что может его на

короткое время спасти от назойливых, отвратительных мыслей, — это горячая молитва к Богу и преклонение перед крестом Голгофы».

Из всего сказанного видно, где следует искать причину раздвоения у Сведенборга. Расслабленная нервная система и повышенная чувствительность привели к тому, что различные галлюцинации, связанные с половой возбужденностью, приняли формы вполне реальных образов, от которых «он защищался с помощью религиозной фантастики»**; к последней он питал, кроме того, склонность в силу особых условий его воспитания (отец его был епископом). Таким образом мастурбант превратился в целомудренного духовидца, который сильно интересуется половыми отношениями между духами и ангелами.

Субъективный характер видений, посещавших Сведенборга, сквозит в каждой странице его сочинений. Виргилий, Лютер, Меланхтон, Павел, Иоанн, Моисей и Мария, как и целые толпы всевозможных ангелов и духов — все это не что иное, как порождение «драматического раздвоения личности», все это — образы, созданные в бреду. Касаясь видения, в котором перед глазами Сведенборга явился Виргилий, Кизеветтер замечает: «Психологический процесс, который в подобные моменты разыгрывается в душе Сведенборга, до того ясен и прозрачен, что только человек, лишенный критического ума, может поверить в реальность этих «визитов». — В молодости Сведенборг, как он сам говорит, очень интересовался латинской поэзией и воспоминание о ней — сознательно или бессознательно — внезапно проснулось в нем. Идеи, всплывшие на поверхность, были доведены трансцендентальным субъектом, заключенным в Сведенборге, до крайности; наступило упомянутое раздвоение — и вот появился Виргилий. Картина совершенно та же, которую мы наблюдаем у человека, находящегося в бреду: человек ведет беседу с созерцаемой им личностью». В отношениях Сведенборга к Лютеру и Меланхтону также «ясно

* Aberglauben und Zauberei.

** Perty, *Mystische Erscheinungen*, S. 330.

выступает наружу чисто субъективный момент религиозного настроения, присущего ему»*. Эту же черту можно подметить и в подробнейших описаниях его видений. Он говорит: «Не следует забывать, что человек видит духов и ангелов не телесными глазами, а внутренними, духовными. Перед ним раскрывается мир возвышенный, одухотворенный, но это бывает только тогда, когда человек отрешается от плотского бытия и созерцает в себе выпрещенную духовную сущность. И все же человеку впоследствии кажется, что все это он видел самыми обыкновенными глазами, теми глазами, которыми он вообще смотрит на вещи материального мира». Относительно бесед, которые он ведет с «ангелом», мы читаем следующее: «Слова, произносимые ангелом при разговоре с каким-нибудь человеком, до того явственно слышны, что получается представление, будто два обыкновенных человека говорят между собою. Но следует заметить, что этот разговор слышат не все присутствующие, а лишь тот человек, с которым говорит ангел. Причина этого лежит в том, что слова ангела являются воспроизведением тех мыслей, которые занимают в данный момент его собеседника; эти мысли каким-то внутренним путем восходят до слуховых органов и производят там впечатление нормального разговора. Совершенно другое дело обыкновенный разговор людей: здесь звуки все приходят извне»: «Та мысль, что слова ангела достигают уха именно внутренним путем, показалась мне весьма правдоподобной и потому, что язык человека ощущает в этот момент легкую, едва заметную дрожь»**. «В разговоре своем с человеком ангел пользуется лишь тем языком, которым владеет его собеседник; во всяком случае, он никогда не прибегнет к такому наречию, которое совершенно недоступно и непонятно данному человеку. Объясняется это тем, что во время таких бесед ангел всецело сливается с этим человеком. Слияние это доходит до того, что ангел всецело овладевает воспомина-

тельным материалом собеседника; ангелу, правда, кажется, что мысли этого человека ему давно известны, на самом же деле он теперь откапывает их и читает в памяти его».—«Я как-то говорил по этому поводу с ангелами; я заметил им: у вас не существует никакого сомнения, что это вы говорите на моем родном наречии, а не я; но должен вам заметить, что говорите не вы, а именно я». «Ангель», соглашаясь во всем со Сведенборгом, возразили ему: «Мы отлично знаем, что наша связь с человеком ограничивается лишь областью мышления его. Но именно поэтому нам и кажется, что его язык есть наш язык, его познания—наши познания». «Духи» же никак не хотели согласиться с Сведенборгом. Своевольные и строптивые, как все «духи» и «интеллигенции», они упорно настаивали на том, что на различных языках говорят именно они; мало того—по их мнению, человек вообще лишен всяких знаний, если же таковые у него имеются, то только благодаря их содействию. Все знание в их руках. «Я хотел их убедить в том, что на самом деле это не так, но все—напрасно»—замечает Сведенборг. Насколько прав был Сведенборг, видно из того, что он пережил на почве своего общения с «духами Меркурия». Он говорит: «Как-то раз я писал статью относительно будущего, относительно грядущих событий. Духи находились вдали от меня и всякий раз, когда они приближались ко мне, я моментально прекращал чтение; ясно, что они моих мыслей читать не могли. И вот получился самый неожиданный эффект: они пришли в страшнейшую ярость и стали ругать меня самыми последними словами». В пользу субъективного характера всех этих явлений говорит и то обстоятельство, что до появления духов Сведенборг неизменно ощущал «сильное давление и радикальную перемену» в своем мозгу. Это наблюдалось с особенной правильностью тогда, когда дух являлся перед ним в виде светящегося шара или «ярко горящего» пламени.

Вполне достоверные случаи ясновидения Сведенборга, предсказание его насчет смерти его знакомого, сообщение относительно убийства русского царя Петра III, сделанное

* Kiesewetter, a. a. O., 295/96.

** Доказательство в пользу положения Prof. Dr. Lehmann'a о «непроизвольном шепоте», производимом медиумами, положения, выдвинутого им для объяснения своеобразных явлений «передачи мыслей».

им в день самого убийства, воспроизведение разговора, который шведская королева Ульрика с глазу на глаз вела со своим умершим братом Августом Вильгельмом,— все это может быть вполне объяснено, не прибегая к таинственному действию «духов», Ибо «духи», которые участвуют в его видениях, как, например, в случае с принцем Августом Вильгельмом, суть не что иное, как гипостатирование его подсознательного мира, направленного на объекты ясновидения. Все это — образы, рожденные в бреду. Тот факт, что подобные явления имели место у Сведенборга, даже наяву, нисколько не изменяет сущности дела: это — те же галлюцинации.

Ощущения, которые связаны с «влиянием на расстоянии», также относятся к области галлюцинаций. Воздействие на третьих лиц через расстояние, воздействие, производимое с помощью «концентрации мыслей», получило большое распространение и на континенте Европы, благодаря американской «психологической литературе». Этим средством очень часто пользуется человек для того, чтобы расположить к себе предмет своей любви. При «концентрации мыслей» желание, естественно, является единственным источником ощущений. Человеку, применяющему это средство воздействия на расстоянии, часто кажется, что он встречается и беседует с предметом своей любви, на которого он, собственно, воздействует. Но все это, конечно, самообман, который очень вредно отражается на его психической организации. Следует, кроме того, заметить, что если это воздействие направлено на человека чувствительного, то оно всегда скажется на нем самым нежелательным образом. Знаток этого дела, Sebaldt, высказывает по этому поводу следующее, несколько туманное, соображение: «Если молодой человек, отличающийся крепкой физической организацией, применит средство «воздействия на расстоянии» по отношению к слабой сомнамбулистке, то последняя несомненно создаст в своем представлении образ «любовного демона», если, конечно, тут участвуют различные половые моменты, что большей частью и бывает»*.

Для иллюстрации только что описанной нами эротической телепатии приведем пару исторических примеров. Гете сообщает несколько таких случаев из своей собственной жизни. Отправляясь гулять, он иногда задумывался над тем, как хорошо было бы сейчас встретить ту или иную знакомую. Но не успевал он еще подумать об этом, как знакомая появлялась перед ним. Он никогда с ними, конечно, не условливался о предстоящей встрече, но все они в один голос уверяли его, что пошли они под влиянием какого-то своеобразного беспокойства, внезапно овладевшего ими. A Helena v. Racowitza в своей книге «Meine Beziehungen zu Ferdinand Lasalle» рассказывает следующее о своих «предчувствиях»: «Лишь только я с Holthoff'ом вошла в бальный зал, он шепнул мне на ухо: «Ну, деточка, сейчас посмотрим, тут ли он». Я совершенно машинально, не думая о том, что говорю, возразила ему: «Нет, папочка, его еще нет; я это чувствую». Как это ни странно звучит для нас, как это ни удивительно показалось Holthoff'у — на самом деле это было так. Holthoff еще ничего не подозревал относительно моих ощущений, а потому ответил мне с несколько ироническим смешком: «Ради Бога, деточка, бросьте эти нервно-мистические выходки; если вы думаете вдаваться в свои сомнамбулические ощущения, то я вас моментально отвезу обратно домой!» Но вдруг я содрогнулась и сказала вполголоса: «Он сейчас входит». Holthoff обернулся и с легким раздражением в голосе сказал: «В самом деле, вы правы! — он только что вошел!»

Во всех этих случаях налицо должен быть человек, отличающийся колоссальной психической восприимчивостью и раздражимостью. Мало того, человек должен быть лишен всякой способности сопротивляться всем этим влияниям. Эта неспособность, эта податливость должна быть отличительной чертой и того человека, который применяет *actio in distans*, в противном случае ему, правда, удастся произвести некоторое влияние на третьих лиц, но результатов своего влияния он не в состоянии будет воспринять. Только таким образом можно объяснить себе все описанные нами случаи.

* Sebaldt-Herrmann, „Genesis“, das Gesetz der Überzeugung.

Идет ли речь о половом «воздействии на расстоянии» или о различных галлюцинациях, связанных с инкубами и суккубами, об интеллектуальном воздействии или психическом превращении — во всех этих случаях призраки исходят из внутреннего мира человека. Его собственная душа является источником тех фантомов, которые в конечном итоге покоря-

ют его всецело. Не демон и не дух — не они искушают человека, не они завязывают с ним половые сношения. Нет, все это картины, созданные болезненным, сладострастным воображением самого человека. — Конечно, воображение это в том или ином случае в достаточной степени умеряется влиянием среды, воспитания и общепринятых воззрений.

СЕКСУАЛЬНО-ОККУЛЬТНЫЕ
НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ

Сексуально-окультурные народные обычаи теснейшим образом связаны с половыми чарами. Между этими двумя категориями нельзя провести резкой грани. Однако, мы сочли нужным говорить о них не в связи с половой магией, а совершенно самостоятельно. Руководствовались мы при этом тем соображением, что все эти обычаи окончательно потеряли характер колдовства и соблюдаются лишь как пережиток старины, поддерживаемый вековой традицией.

Наиболее своеобразным среди всех этих обычаев является акт бракосочетания, совершаемый на пашне. Как в первоначальной, так и в несколько ослабленной форме он существует еще и поныне.

В Англии муж и жена, обнявшись, в майский день выходят в поле и кувыркаются там. На Пасхе и в Троицу молодые пары скатывались обыкновенно с Гринвичского холма. В Украине крестьяне после освящения полей ложатся на пашню и у кого есть жена, тот валяется с нею на засеянном пространстве. И молодые люди следуют этому примеру. Делают это потому, что «так делал и св. Юрий», что это «даст богатый урожай». Такие же обряды, хотя и в более слабой форме, существуют в Зангергаузене и Шарреле. В Зангергаузене жнецы и жницы, участвующие в жатве впервые, связываются лицом к лицу и скатываются с холма. В Шарреле тот же обряд совершается в несколько ином виде: там жнец обнимает ноги жницы, а жница его ноги; соединившись таким образом, они валяются в поле.

В Хемнице в Иванову ночь люди валяются парами на луковых грядках, чтобы луковица богато уродилась. В Зальфельде девушки танцуют вокруг посевов льна; они раздеваются и валяются в поле.

В некоторых местах Швабии еще в настоящее время существует обычай, в силу которого жених и невеста, живущие в различных селениях, после помолвок выходят друг другу навстречу и в том пункте, где встречаются, совершают половой акт. И этот обряд, который вряд ли правильно понимается теперь, заключает в себе глубокий оккультный момент. Очень может быть, что этим обрядом люди хотят умоливать богов полей; возможно также, что этим актом они хотят отдать себя под защиту известной высшей силы, которая в каком-нибудь деревенском споре занимает нейтральное положение.

В Богемии существует обычай, согласно которому молодая девушка во время посева прожигается ночью по полю, держа на руках kota. Kota обыкновенно зарывают в землю; это — своего рода жертва.

Если хорват в ночь под Рождество совершит половой акт со своей женой, то его в этом году ожидает успех во всех делах. В различных других местах рекомендуется совершенно обратное. И если все же половой акт будет совершен, то черви поедят все посеянное.

Жители Гватемалы также воздерживались от половой связи со своими женами во время посева, так как, по их мнению, нельзя «одновременно оплодотворять жену и возделывать пашню».

Славянин совершает акт совокупления со своей женой в поле, чтобы Бог дал хороший урожай. Очень часто женщина разметывает семенную жидкость мужчины по полю и при этом приговаривает: «О, Господи! Уроди мой хлеб! Выйди, колос, из земли гордый и красивый!» Но для того, чтобы это колдовство возымело свое действие, крестьянин должен совершенно воздержаться от полового общения со своей женой.

Когда корова телится с трудом, то необходимо взять семя непорочного юноши, размешать в воде и напоить этой смесью корову. При этом следует произнести соответствующее заклинание.

Когда крестьянин выезжает на базар, он становится посреди двора (ворота должны быть при этом открыты) и спускает свои брюки до колен. В таком виде он выезжает на улицу, но тут он снова застегивает брюки. На базаре его ожидают богатые барыши. Перед отъездом муж, согласно обычаю, совершал половой акт с женой и просил Бога доставить ему и жене его возможно больше таких приятных моментов.

Ко всему этому следует прибавить обряды, с помощью которых призывается персонифицированный вегетационный демон, имеющий местопребывание в растении, дереве и т. д.

У первобытных людей существовало воззрение, согласно которому растение является существом, совершенно аналогичным человеку: оно одарено мыслью и чувством; мало того — оно кроет в себе характерные признаки того или иного пола. Вера эта имеет в своей основе вполне здоровое чувство, присущее первобытному человеку и чуждое нашему времени. Чувство это: религиозная склонность к природе. Благодаря этому растение или камень представлялся им существом индивидуально одаренным; человек же со всеми своими запросами духа и мысли являлся существом, всецело заключенным в сфере физического существования. Таким образом, природа и человеческая жизнь были связаны, как две равные, одноименные единицы, и грань между ними не была так резка, как представляют себе это в настоящее время. Исключительной одухотворенностью отличались растение и дерево. То были отчасти демоны, воплотившиеся в каком-нибудь растении, а отчасти души умерших людей, которые, по понятиям наших предков, постепенно приобретали демонический характер. Духовная сущность, заложенная в растении, неразрывно связана с физическим бытием самого растения, тем не менее она может совершенно отделиться от него и странствовать на свободе в образе какого угодно существа.

Это параллельное сосуществование двух телесных воплощений одного и того же духа свойственно всякому религиозному воззрению. Мы находим его в Египте, где дух Ра воплощается в солнце, в образе Аммона и в лице фараона, в культе инков, у греков — словом, всюду. Даже католической церкви и той свойственно это воззрение: Христос, сидящий по правую руку Господа Бога, воплощается в святой просвире и живет в сердце каждого верующего. Подобно тому, как люди зывали к тому или иному божеству в его многочисленных лицах и образах, точно так же они обращались и к своим вегетационным демонам. Деревья, в которых воплощаются демоны, раскрывают на себе все стадии земного бытия: жизнь, смерть и воскресение. Отсюда вывод ясен: демоны дают жизнь людям, посылают на них смерть и воскрешают их, если заслужить только их милость, т. е., если приносить им жертвы.

«К помощи духов люди прибегали при всех невзгодах, как нравственных, так и физических. Люди возносили к ним молитвы, как в случаях различных болезней, так и в делах половой жизни, и в благодарность им часто приносили человеческие жертвы.

В делах брака и плодовитости, любовных чар и богатства — во всех этих случаях люди обращались к помощи демонов... Демоны, воплощенные в деревьях, исцеляли от всевозможных болезней, повышали человеческую плодовитость, давали молодость, награждали красотой. Но они не всегда проявляют свое расположение к человеку; часто у них можно заметить очень враждебное отношение к нему. Растение, как и человек, способно творить добро и зло. Оно может наслать на человека различные болезни: убить в нем плодовитость, поразить весь человеческий род, вселив злую силу в материнскую утробу».

«Существуют два обряда эротического свойства, которые уносят нас в очень далекое прошлое: истязание вербой и торжественная встреча майского дерева».

«Первоначально обряд с «вербой жизни» сводился к следующему: в определенное время года все женщины и весь скот женского рода истязались ударами розог. Какой символ

воплощался в этом обряде? Первобытный человек видел в розге символ полового органа, принадлежащего демону; стоит ударить этой розгой женщину по ее половым органам, и она приобретает способность рожать детей. Розга, хлыст, палка, пика — все это издавна служило символом полового органа мужчины. Мужчины, наносившие удары, также причислялись к демонам, воплощенным в трех деревьях, с которых были сорваны эти розги... Женщина — воспринимающий, плодоносящий принцип — принимает в сфере своих половых органов удары розги, олицетворяющей активное начало процесса оплодотворения».

«Вербный обряд» совершается повсюду в одно и то же время, а именно, когда природа начинает просыпаться от зимней спячки. Он происходит в следующие дни: 28 декабря, в Новый год, 2 февраля, на масленице, Пасхе, 1 мая (Вальпургиев день) и т. д. Все это — дни радости, веселья и света. В славянских странах Пасха является праздником вербы.

«Вербы берутся с тех деревьев, которые имеют какое-нибудь эротическое значение, как например: орешник, бузина, рябина, береза и т. д. Далее идут такие деревья, которые являются символом вечной, непреходящей жизни, как например: букс, остролистник, розмарин, можжевельник и т. д. — Нарушение обычая будет тогда, когда человек, вместо вербы имеет в руках своих крапиву или цветы»*.

«В Лаунштейне, в 1599 году полицией был издан указ, которым запрещается этот обряд под страхом тяжкого наказания»**.

«Рядом с этим обрядом следует упомянуть и другой: истязание невесты в день свадьбы. В Обернфальце невеста с помощью вербы загоняется в церковь. Польские католики заставляют невесту ударами вербы взойти на брачное ложе. То же самое можно было видеть и у латышей еще в 1526 году. И у литовцев руководитель свадебной процессии наносил невесте жестокие удары (1690 г.). В Бранденбурге еще в настоящее время существует обычай, который своим происхождением обязан именно этому обряду. В первое же майское воскресенье

все деревенские девушки собираются вокруг одной женщины, недавно вышедшей замуж. Девушки выстраиваются шпалерами, сквозь которые должна пройти эта женщина; при этом каждая из них слегка ударяет ее зеленой веткой. После описанной церемонии женщина эта должна откупиться какой-нибудь денежной суммой»***.

Вблизи Родинга невеста переходила от церковных дверей до церковного кресла, на котором сидела во время свадьбы, под непрерывными ударами березовой ветки.

В Курляндии существует такой обычай: если первая брачная ночь проходила без всяких недоразумений (что всякий раз проверялось всеми присутствовавшими на свадьбе), то в честь вегетационного демона вывешивали над домом громадный зеленый венок.

28 декабря верба свободно гуляет по всей Бельгии. Она особенно жестоко поражает молодых людей и вообще всех людей, которых случайно заставали в кровати. Подобные истязания совершают 1 марта и албанцы. Это, по их мнению, очень полезно для здоровья; под здоровьем, естественно, разумеется нормальное состояние половых органов человека. У гумбиннов хозяин дома в первый день пасхи (утром) слегка ударяет пальмовой веткой свою жену, детей, челядь и скот. Для того, чтобы эта ветка к назначенному дню густо обросла листьями, она все время сохраняется в тепле; дело в том, что колдовство это будет тем успешнее, чем живучее демон, воплощенный в ветке****.

Этот обряд вполне отчетливо выступает в Германии, Швеции, Австрии, Польше и России; в менее яркой форме мы находим его в Англии, Франции и Бельгии. Мало того — он содержит в себе такие представления, которые, вероятно, чрезвычайно характерны для первобытного человека. В Новой Калифорнии девушку, приобретающую какую-нибудь мужественную черту, бьют розгами. Этим, по мнению калифорнийцев, можно привить ей ту плодотворность, которая у нее отсутствует. Мексиканские жрецы в день праздника в честь вели-

* Aigremont, Volkserotik und Pflanzenwelt.

** Mannhardt, a. a. O., 266/67.

*** Aigremont, a. a. O.

**** Mannhardt, a. a. O., 299; 47; 268—70.

кой матери жизни бегают по городу со связками прутьев в руках и бьют ими всех встречных женщин.

«Обряд истязания вербой был перенесен на деревья и животных. Главная цель этого обряда заключалась в повышении плодovitости, укреплении здоровья и защите от всяких болезней. Среди всех деревьев одна только яблоня является представительницей женского начала — ее-то и ударяли несколько раз вербой*.

В Индии святые коровы получают несколько ударов священной веткой. В день новолуния жрец-браман срезает ветку, растущую по направлению к востоку или к северу; с нее он снимает все листья, оставив несколько лишь наверху. Далее он сгоняет вместе коров шесть с их телками; телок он отделяет и велит угнать их в поле. Затем, касаясь этой веткой спины какой-нибудь коровы, он произносит молитву, в которой просит, чтобы стадо уродилось богатое, чтобы оно не сделалось добычей злых людей и разбойников, чтобы оно служило для вящего материального благополучия жертвователя. Затем он со словами: «Защити стадо этого человека» бросает ветку в жертвенный огонь. Чем больше листьев на верхушке ветки, тем многочисленнее будет стадо жертвователя. Если же на ней вовсе нет листьев, то стадо неминуемо погибнет. По воззрениям браманов, ветка является местопребыванием Бога**.

«Теперь обратимся к другому обряду: встрече майского дерева. Уже в документах XIII века об этом обряде упоминается, как о пережитке далекой старины. В известные дни, 1 мая или в день Вознесения, вся деревня толпой уходила в лес и срубала там майское дерево (березу, пихту или ель), украсив его цветами и пестрой одеждой, вся толпа торжественно возвращалась с ним в деревню, где на свободной площади его снова сажали в землю. Вокруг него устраивался веселый хоровод: ему приносили в жертву деньги, фрукты, животных и даже людей. Этот обряд очень распространен в германских и славянских землях, в Англии и Франции; мы находим его и в Пиренеях, и в остзейских провинциях — у эстон-

цев.— Дерево это символ мужского демона, дарующего женщине блаженство и плодovitость. И мы, действительно, видим, что в древнейшие времена женщина, этот воспринимающий плодоносящий принцип, является главной, самой ревностной участницей этого торжества... У русских дерево это носили из лесу только женщины. Точно так же совершался этот обряд и у вендов: там посадкой майской березы занимались исключительно женщины. В Саарлouis работник, переодетый в женщину, нес на своих руках разукрашенную елку».

«Дело здесь не обходилось и без антропоморфизма. Вегетационный мужской демон изображался не только в виде дерева, но и в виде мужской куклы; очень часто его просто заменял какой-нибудь мужчина, одетый самым причудливым образом. Для того, чтобы окончательно уподобить его человеку, рядом с ним ставили женскую куклу. Куклы, мужчины, женщины, мальчики, девочки, украшенные листьями, венками и березовыми ветками, — все это должно было представлять собою демонов — мужчин и женщин. Этот обряд можно встретить не только в Европе, но у всех почти первобытных народов, правда, в несколько грубой форме».

«Другое дело — березки, посаженные перед каждым отдельным домом. Молодые люди обыкновенно сажают березу перед домом своей возлюбленной в ночь под Троицу (Германия) или под 1 мая (Франция, Италия) или под день Вознесения (Румыния). И этот обычай чрезвычайно устарел; большой популярностью пользуется он в Италии и Румынии. И здесь мы имеем дело с устаревшими представлениями эротического характера: мужской демон, воплощенный в дереве, отождествляется с влюбленным юношей; он — двойник этого юноши. Эта мысль особенно отчетливо выступает в тех случаях, когда юноша вырезывает свое имя на коре дерева. — Таков первоначальный смысл этого обряда в позднейшем толковании; это дерево превратилось в прообраз и символ самой любимой девушки»***.

* Aigremont, a. a. O.

** Aigremont, a. a. O.

*** Aigremont, a. a. O.

К обычаям сексуально-окультурного характера относятся также брачные встречи, происходящие преимущественно в мае месяце, а особенно в день Валентина. Заключался этот обычай в том, что девушка должна была вступить в дружескую связь с первым встречным деревенским парнем, если на нее указывал жребий или вызов деревенского старшины. Часто эта игра принимала характер самого серьезного акта, тем более, что во всех подобных случаях народ склонен видеть присутствие высшей силы, решающей судьбу человека*.

Аналогичный обряд существовал и у ассирийян. Девушки, вполне созревшие для брака, выводятся во главе старейшин напоказ всему народу. Молодые люди, желающие вступить в брак, могут свободно выбирать, кого только захотят.

Нечто подобное существовало в ля-Палиссе, департаменте де-л'Ялье. Когда кончалась жатва и последний хлеб свозился в амбары, брали огромную ель, к которой помимо других украшений подвешивали мужскую фигурку, сделанную из теста. Дерево и фигурку отвозили обыкновенно в мэрию и там они хранились до того момента, когда кончался сбор винограда. Тогда только устраивался праздник жатвы. Мэр разрывал эту фигурку на части и раздавал отдельные куски ее народу, который съедал их. Цель этого обычая вполне ясна. Вкусив частицу вегетационного демона, человек приобретал силу, свежесть, здоровье и — прежде всего здоровье в половом отношении. Вообще, все эти майские обычаи имеют отношение не к одному только плодородию земли. Майское дерево, украшенное фруктами всех сортов, орехами, символами производительных органов, является олицетворением растительной энергии, заложенной в глубоких основах человека**. В категорию этих праздников можно включить и северо-индийское карамское торжество. Накануне праздника, которому предшествует однодневный пост, деревенские парни берут ветку карама, покрытую густой листвой, и украшают ее особым образом. Затем они засаживают эту ветку и уби-

рают ее гирляндой из диких цветов. Далее идут жертвоприношения и священные танцы. К концу танцев один из присутствующих изображает собою человека, одержимого бешенством; он неистово пляшет, произносит какие-то бессмысленные слова и ест листья карама. Благодаря такому состоянию этот человек приобретает способность предсказать будущее, на целый год вперед. Вслед за тем карам бросают в воду. Жертвоприношением служат ржаные колосья — указания на то мистическое взаимоотношение, которое существует между карамом и плодovitостью***.

Теперь мы подходим к той категории обрядов, которая специально касается половой жизни человека. Немецкая мать напутствует свою дочь советом во время венчания стоять возможно ближе к жениху, чтобы никогда с ним не разлучаться. Рекомендуются ей также наступить ему на ногу, чтобы занять господствующее положение в доме. Уходя из церкви, она не должна оборачиваться, так как это указывает на то, что она ищет еще кого-то помимо своего жениха.

Ярко выраженный эротический обряд существует в Баварии. Состоит он в следующем: тотчас же после венчания вся свадебная компания отправляется в дом новобрачной. Молодые люди заводят круговой танец, в центре же круга лежит ключик, который является символом обладания невестой. Они танцуют босиком, одетые лишь в рубаху и брюки. Кто выйдет в этих танцах победителем, тот получает от невесты деревянный позолоченный крест, а от жениха — известную сумму денег. Весь этот обряд, очевидно, имеет целью устранить притязания молодых людей на новобрачную.

В Пфольце свадьба устраивается лишь тогда, когда луна вступает в последнюю фазу увеличения, в противном случае «брак будет несчастен». Там же существует поверье, что если во время брачной церемонии открыть висячий замок, то брак будет бездетен.

В Гардлегене жених по окончании свадебного торжества должен был лечь на брачное ложе. Тем временем отец невесты или его за-

* Aigremont, a. a. O.

** Mannhardt, a. a. O., 205 u. 217/18.

*** Stoll, a. a. O., 906.

меститель подводит ее «с правой стороны ложа», укладывает ее и говорит: «Я приказываю тебе, дочь моя, сделать с этим человеком то же самое, что Бог делает в нашей душе». Затем жених обнимает ее и они выпивают пару глотков вина. Жених сходит с ложа и, подойдя справа, поднимает свою невесту со словами: «Иди сюда, избранница моя!» Невеста при этом встает и садится со своим возлюбленным за стол, приготовленный в этой комнате; затем приходят друзья, как невесты, так и жениха, и вся эта компания тихо развлекается.

У вендов-католиков существует обычай, в силу которого один из руководителей свадьбы призывает милость Божию на брачное ложе; это делается в тот момент, когда брачная пара под звуки музыки уходит к себе в комнату.

Эстонцы устраивают свои свадьбы в первые дни недели или в день новолуния. Начало недели указывает на преуспевание семейной жизни брачующихся; что касается новолуния, то оно имеет отношение к плодовитости жены. Собираясь на свидание со своей невестой, эстонец очень неохотно выезжает на кобыле, так как благодаря ей он должен потерять всякую надежду на мужское потомство. Он должен все время иметь в виду, что мальчиков он на свет Божий не произведет.— Лишь только брачная пара вступает после венчания в свой дом, то невеста прежде всего должна принести жертву: у очага—шуле-эма, а у колодца вете-эма. Это—старые богини воды и огня; в жертву они получают несколько медных монет, но этого вполне достаточно, чтобы расположить их в свою пользу. После этого обряда новобрачной подают ребенка, которого она сажает к себе на колени; кроме того ей подносят хлеб и соль—его она раздает всем присутствующим и затем сама берет себе. В ее доме пища должна быть всегда налицо, а плодовитость ее не должна знать никаких границ.

У литовцев существует обычай умывать ноги новобрачной, лишь только она после венчания вступила в свой дом. Этой водой окропляют всех присутствующих, весь семейный совет, скот и жениха. Затем завязывают ей глаза и подводят к дверям каждого сарая, к которым

она должна прикоснуться своей ногой. Тут же ее осыпают всевозможными зернами. Затем она идет к себе в комнату и подходит к кровати, на которой ждет ее муж. Лишь только они улеглись, им приносят воловьих почки, которые они съедают на следующий день. Это блюдо имеет своею целью привить новобрачной плодовитость.

Точно так же и в Англии невесту при выходе из церкви осыпали пшеничным зерном, чтобы Бог даровал ей плодовитость. Там же известны и свадебные круговые танцы, уже описанные нами.

В некоторых местах Скандинавии существует такой обычай: подъезжая верхом к церкви, чтобы повенчаться со своим женихом, невеста слезает с коня и снимает с него узду, расстегивает седельный ремень; все это, согласно народному поверью, дает ей легкие роды. Той же цели она может достигнуть пролезая сквозь лошадиную сбрую, но в таком случае ее ребенок будет выродком. Нередко невеста накануне венчания ложится спать вместе с мальчиком, с тем, чтобы она была плодovита в браке и рожала много мальчиков.

Русские вблизи Нерехты устраивают свое брачное ложе в специально приспособленной для этого комнате на хлебных снопах. Здесь бывает масса ржи, пшеницы, овса и т. д.; все это должно обозначать высокую плодовитость, желательную для брачующихся в их семейной жизни*.

В Славонии, в день свадьбы, невеста держит у себя за пазухой яблоко, чтобы заручиться плодовитостью в предстоящей жизни своей. Если ей по дороге в церковь попадетя мост, то она не перейдет его, а попросит себя перенести, так как только в таком случае она может рассчитывать на легкие роды. По тем же соображениям она при входе в церковь боится наступить на порог ее. При венчании брачующиеся стоят очень близко друг к другу. Люди думают, что это сблизит их в их семейной жизни.

В Далмации и Герцеговине мать жениха поджидает новобрачных на пороге своего дома с маленьким мальчиком на руках. Перед

* J. v. Düringsfeld u. O. v. Reinsberg—Düringsfeld, Hochzeitsbuch, Leipzig, 1871.

порогом разостлан громадный ковер. Гости, приглашенные на свадьбу, окружают со всех сторон этот дом. Невеста берет у своей свекрови этого мальчика и уносит его в дом. Она делает так с той целью, чтобы Бог даровал ей мужское потомство. В Мостаре мальчика приносят к новобрачной лишь тогда, когда она сидит у очага уже в доме своего мужа. Она берет его к себе на колени и поворачивает его три раза. В Бокке все это совершается в несколько ином виде; здесь мальчика подносят к ней на улице; она поднимает его три раза и всякий раз целует. Затем она дает ему какой-нибудь подарок*.

В Малороссии, на Волыни, существует такой обычай: главный распорядитель всей свадебной церемонии вносит в комнату большую словую ветку, украшенную белыми цветами. Когда вносят ветку, невеста должна скромно скрыть свое лицо. Жених тем временем обходит три раза вокруг стола, подходит к невесте, берет ее голову в свои руки и целует ее; затем он садится рядом с ней. Ель вместе с хлебом ставится на стол, а теща подходит к жениху и осыпает его орехами, чтобы он произвел на свет Божий много детей**.

У албанцев накануне свадьбы пекут свадебный пирог. В этот день соседки собираются в доме невесты; в руках они держат шесты, к которым прибиты куски красной материи.

В Сицилии брачную пару при выходе ее из церкви осыпают пшеницей. То же самое повторяется и после свадебного обеда; но тут уже бросают орехи и миндаль***.

Германский народ держится того мнения, что родильнице нельзя скрещивать руки, что на ней все до последней нитки должно быть свободно. Если в доме находится борсдорфское яблоко, то роды будут тяжелые. Если жена одевает туфли мужа или если жених в день свадьбы застегивает невесте ее подвязку, то роды у нее будут легкие. Если женщине не удастся родить, тогда удаляют из дома все предметы, которые являются препятствием к тихим, спокойным родам. Если и это не

помогает, тогда надевают на эту женщину рубаху или брюки мужа.

В Швеции беременные женщины в минуты сильных предродовых болей охватывают обеими руками стоящее перед их домом дерево. Это, по их мнению, даст им легкие роды****. И южные славяне развязывают беременной все узелки на ее платье; они даже расплетают ее волосы. Часто они курят вокруг нее различные масла, дают ей пить чистую холодную родниковую воду.

Колдовские церемонии, предпринимаемые с целью облегчить процесс родов, весьма распространены повсюду. Так, например, в Верхней Бурне прежде всего стараются умиловить гнев духов различными жертвоприношениями. Если это не помогает, то начинают бить копьями по стенам.

Когда южная славянка хочет отлучить своего ребенка от груди, она печет пирог, в котором замешивает свое молоко и дает его ребенку есть. Больше она не должна кормить его грудью. За пазухой у нее должна находиться иголка для того, чтобы молоко стекло вниз. Еще лучше, если она наденет рубаху так, чтобы спина рубахи приходилась у нее на груди, а грудь рубахи — у нее на спине; это тоже изменяет направление молока. После того, как все это сделано, она ни в коем случае не должна кормить ребенка грудью. Если она все же это сделает, то ребенок ее впоследствии станет опасным колдуном или ведьмой.

Большинство этих обрядов имеет отношение исключительно к любовной жизни молодежи, молодоженов и т. д. Эта сфера особенно богата; с этим согласны все народы, даже такие, которых меньше всего коснулись блага природы. Наш крестьянин до того занят своими делами, что ему некогда заниматься этими обрядами. Поэтому для описания этих обрядов нам нужно обратиться к народам, культурным лишь наполовину.

В некоторых южных местах, населенных славянами, существует такой обычай: в Юрьев день три взрослые девицы отправляются рано утром к реке и там занимаются колдовством.

* Krauss, Sitte und Branch der Jüdslaven, 428; 430/31.

** Mannhardt, a. a. O., 222.

*** Düringsfeld u. Reinsberg—Düringsfeld, a. a. O., 61 u. 96.

**** Mannhardt, a. a. O., 51/52.

Одна девица несет с собой просо, а другая — семена бука. Подойдя к реке, обе девицы останавливаются и предлагают третьей вопрос: «Куда идешь?» — Та отвечает: «Я иду к реке для того, чтобы меня, тебя и вот эту, которая стоит перед тобою, взяли из отцовского дома». Затем она в свою очередь спрашивает: «Что у тебя в руке?» — «Просо» — отвечает та. «Это я несу с собой, чтобы меня, тебя и вот ту, которая стоит перед тобою, выдали замуж». Затем, обращаясь к другой, она спрашивает: «А у тебя что в руках?» — «Семена бука». — «Я несу это с собой с тем, чтобы меня, тебя и вот ту, которая стоит перед тобой, взяли в жены». — Просо и семена бука употребляются в данном случае в силу созвучия, которое существует на хорватском языке между этими словами и словами «выдавать замуж», «уводить» и т. д. Такое же значение имеет и река в данном случае.

Такой же обряд существует и в Боснии. В то время, как перед домом идет хоровод, три или четыре девушки удаляются в одно место, где их, по их мнению, никак не могут увидеть. У одной в руках просо; она размахивает рукой, словно собирается сеять. На вопрос подруги: «Что ты сеешь, сестрица?» — та отвечает: «Я сею просо для того, чтобы увезли замуж меня, тебя и ту, которая стоит около тебя». А третья говорит: «Пусть вырастет твое просо, а нас пусть молодые люди возьмут себе в жены, аминь!»

В Крангоре молодые девушки в Юрьев день на рассвете идут к колодцу за водой и там подолгу смотрят в воду, надеясь увидеть образ своего жениха. В Крайне (Сербия) молодые девушки плетут букеты из полевых цветов; делают они это накануне Юрьева дня. Эти букеты предназначены для возлюбленного, желанного. Цветы эти на ночь остаются на крыше дома. Тот букет, который гуще всех покрыт росой, принадлежит будущему жениху.

Накануне Федорова воскресенья девушка обращается к знакомой старушке с просьбой принести ей пшеницу, освященную жрецом. Целый день девушка постится. Ночью перед сном она становится перед изображением покровителя отцовского дома, прося его отпу-

стить ей грехи. При этом она кладет пшеницу под подушку, крестит ее три раза, а затем, ложась в кровать, она беспрерывно молится, пока не засыпает*.

В некоторых местах девушка поступает таким образом: 1 мая на рассвете она, вымыв какой-нибудь сосуд, отправляется в уединенное место, к роднику. Там она опускается на колени и начинает набирать воду в сосуд. Едва только солнце появилось на горизонте, девушка начинает шептать слова: ами реби, бели; она произносит их девять раз, так что солнце успевает показаться полным диском. Затем она смотрит в воду и там видит образ своего прежнего жениха.

В первый день Троицы, когда церковь бывает украшена зеленью, девушка при первом коленопреклонении берет с пола зеленую траву и плетет из нее венок. Она надевает его на правую руку, выходит из церкви и, простирая этот венок на все четыре стороны, тихо говорит: «О ты, суженый мне Богом! Где бы ты ни был, приходи скорее, возьми венок, а то он завянет и мое лицо поблекнет!» Придя домой, она вешает венок на икону, а на ночь прячет его под подушку и снова закликает своего будущего мужа прийти до того, как успеет завянуть венок.

В Гелене молодые девушки накануне праздника св. Иоанна плетут венки из цветов девяти различных сортов и прячут их под подушку. Ночью во сне к ним появляется суженый. В Богемском лесу девушки, напротив, надевают венок на себя и отправляются против того места, где находится дерево; там они смотрят в воду и стараются разглядеть образ своего будущего мужа.

И огни Ивановы имеют некоторое отношение к плодородию. Согласно старому воззрению, пламя благодаря активной, глубоко заложенной в нем силе способствует физическому преуспеянию растений, скота и человеческого потомства. В некоторых местах разводят большие костры, причем самое главное участие в этом принимает наиболее молодая брачная пара.

* Krauss, a. a. O., 169/70 u. 175.

На эстонском острове Мооне существует обряд соложества в день Ивана Купалы. 23 июня или 1 июля, накануне дня св. Марии, разводят громадные костры, в центре которых находится высокое дерево. В эту святую ночь каждый моонец должен иметь подругу.

Женщины и девушки идут хороводом вокруг костра, а молодые люди тем временем внимательно присматриваются к ним; затем они уходят в гущу леса и поручают маленьким мальчикам, которые находятся тут же, привести избранниц их. Вот мальчики подходят к хороводу; один из них под тем или иным предлогом зовет какую-нибудь девушку. Мальчишки тотчас окружают ее и подводят ее к тому юноше, который избрал ее. Она ложится на землю рядом с ним и так они лежат до самого утра*. В Эстляндии Boeler и Kreuzwald еще в начале XIX столетия были свидетелями такого факта: толпы народа собрались в лесу у какой-то часовни. Перед куклой, изображавшей собою вегетационный дух, был разложен огонь, в который бросали различные жертвы. Обнаженные женщины танцевали вокруг огня, тогда как молодые люди и девушки совокуплялись в кустах.

В Кроации в 10 часов ночи маленькая компания, состоящая из двух девушек и одного молодого человека, зажигает Иванов огонь. Когда огонь разгорается ярким пламенем, все они скачут через него. Кто дальше подскочит, тот раньше женится.

В Кроации, Кронгоре и Сербии существует такой обычай: кто из молодых людей хочет увидеть свою будущую жену, тот должен поститься накануне дня св. Андрея и св. Люции. Ночью она во сне придет к нему. Или он может поститься в день св. Андрея и св. Варвары, а ночью положить к себе под подушку юбку. Во сне он увидит желанную.

В Буковине девушка, желающая выйти замуж, накануне дня св. Андрея проделывает следующее: под входной дверью она вешает зеркало, так что и дверь и все то, что появляется в ней, немедленно отражается в нем. Перед зеркалом она ставит две зажженных свечи.

* Der Esten abergläubische Gebräuche, Weisen und Gewohnheiten. Petersburg 1854.

Сама она становится между свечами и внимательно всматривается в зеркало. В полночь она слышит за дверью шум, словно кто-то страшится с себя снег. Вот перед ней является образ ее будущего мужа; при этом она ни в коем случае не должна оборачиваться**.

И рождественские обряды насквозь проникнуты сексуально-окультурными мотивами. В Провансе перед сожжением елки вся семья при звуках обрядовой песни собирается в кухне. Там самое младшее дитя льет на елку стакан вина и бросает ее в огонь. Пепел от елки сохраняется в течение целого года, как целебное средство. Он служит также для того, чтобы сделать людей и скот плодовитыми***.

В эту же ночь девушки занимаются гаданием: топят воск, бросают рубашки свои за дверь, накрывают на стол, приглашают к трапезе суженого и т. д.

В этот же вечер молодые люди совершают следующий обряд. Когда все уходит в церковь, молодой человек берет пепел и просеивает его сквозь сито. В это время появляется его невеста; она дает ему три щелчка в нос и моментально исчезает.

В ночь под Новый год снова проделываются те же церемонии, что и в ночь под Рождество; разница заключается лишь в песнях, распеваемых в том и другом случае.

В 12 часов ночи под Новый год девушка уходит к себе в комнату и, раздевшись догола, становится перед зеркалом. По обе стороны зеркала стоят зажженные свечи. Она смотрит внимательно и упорно думает о своем суженом.

В Саммандии это гадание совершается следующим образом. Сидя верхом на метле, девушка подбегает к воротам конюшни и внимательно прислушивается. Если конь в это время заржет, то она в этом же году выйдет замуж. Если же до уха ее доносится лишь слабый стон, то есть все основания думать, что она в этом году родит ребенка, не вступив в законный брак. В эту же ночь занимаются также библимантией. Девушка кладет себе под подушку какой-нибудь песенник. Ночью она совершен-

** Hovorka u. Kornfeld, a. a. O., II 176/77.

*** Mannhardt, a. a. O., 226 u. 228.

но бессознательно зачитает кончик какой-нибудь страницы. К утру она открывает это место в книге; если оно трактует о свадьбе, то в этом году ей суждено выйти замуж*.

Следует заметить, что подобные гадания совершаются не в одни только дни праздников. Большой частью вопрос становится таким образом: когда и за кого я выйду замуж. Если девушка хочет это узнать, она за ужином, в какой-нибудь вечер под вторник, пятницу или воскресенье, обмакивает в соль первый кусок хлеба, который попадет к ней в руки, берет его в рот и слегка надкусив его, прячет в передник. После ужина она заворачивает вилку, нож и ложку также в передник. Перед сном она берет маленькое зеркальце, смотрит в него и говорит: «Милое зеркальце! Благодаря тебе я вижу себя; покажи мне во сне и моего суженого!» Зеркальце она также заворачивает в передник и кладет туда же ткацкий челнок и гребенку; все это она до поры до времени держит на своей подушке. Затем она, стоя перед иконой, горячо молится Богу. Ложась в кровать, она кладет свой передник со всеми вещами под подушку, крестится три раза, читает «Отче Наш» и в заключение говорит: «Я прошу Тебя, Господи! Прикажи моему суженому явиться ко мне во сне! Если он находится где-нибудь за морями и реками, то пусть возьмет у меня челнок и весло (указание на ткацкий челнок и ложку); если он находится за лесами, то вот — топор (указание на нож); если же ему нужно проходить по колючим терниям и острым камням, то вот — вилы (указание на вилку). Пусть придет — здесь он найдет хлеб и соль, чтобы наестся, гребенку, чтобы причесаться, зеркало, чтобы посмотреть на себя и пойти под венец». Этот обряд очень распространен в Сирмии. По словам Краусса, нечто аналогичное существует в глухих углах Сербии и в Белграде. Разница заключается лишь в том, что девушка, уходя спать, не берет с собой ножа, а ограничивается лишь зеркальцем, куском хлеба и щепочкой дерева, которая, по видимому, должна заменять собою челнок. Или она словит паука, бросит его в трубку

и заткнет ее с обеих сторон. Перед сном она крестится три раза, вспоминает всех святых и приговаривает: «О паук! Ты всюду бываешь. Тебе доступны все глубины, низины — същи мне где-нибудь моего суженого и приведи его ко мне. Если ты это сделаешь, я завтра же утром отпущу тебя на волю, а не то — задавлю тебя!»

Накануне какого-нибудь праздника девушка берет семь серебряных монет, кладет их под подушку, крестит их и приговаривает: «Суженый мне Богом, не медли, приходи скорей; мы сочтем вместе деньги, чтобы я могла заказать себе подвенечное платье!»

Приведем еще один обряд, аналогичный только что описанному. Едва только начинает темнеть, девушка отправляется в лес и подходит к ефен, на котором еще еле заметны последние лучи заходящего солнца; она срывает с него несколько листьев и плетет из них венок. При этом она приговаривает: «О заходящее солнце! Как ты теперь видишь этот венок, позволь мне так же узреть моего суженого!» Надевая венок на голову, она говорит: «Зеленый венок, ты завянешь, если не приведешь ко мне моего жениха. Он придет и снимет тебя с моей головы!» Затем она заворачивает его в платок с тем, чтобы никто его не видел. Ночью она горячо молится Богу и с венком на голове уходит спать. Если девушка случайно увидит луну в полной ее фазе, то она останавливается, крестится три раза, произносит молитву и говорит луне: «О луна в небесах! Ты озаряешь весь мир, ты видишь также и моего жениха, дай и мне посмотреть на него, хотя бы во сне. Ведь должен же он быть где-нибудь на земле, которую ты озаряешь своим светом. Я беру кусок этой земли и кладу его под подушку». Затем она наклоняется, берет немного земли с того места, где находилась ее правая нога, держит при себе и кладет ее на ночь под подушку; затем, перекрестившись и помолившись Богу, она ложится в кровать и тихо, не говоря ни с кем слова, засыпает.

Можно было бы продолжить этот перечень обрядов до бесконечности. Но уже из приведенных примеров достаточно ясно, сколь причудливо сочетается в них половой момент

* Novorka u. Kornfeld, a. a. O., II, 174/75.

с оккультным. Все они рассчитаны на то, чтобы каким-нибудь оккультным образом узнать грядущую судьбу человека: каково будет потомство этого человека? с кем он свяжет свою дальнейшую жизнь? и т. д. Тем же оккультным образом они должны даровать легкие роды, богатое потомство и т. д. Если даже допустить, что внушение во всех этих обрядах играет далеко не последнюю роль, что материальное воплощение всех этих фантастических образов никогда на самом деле не наступает, то все же человек, совершающий подобный обряд, ждет оккультной помощи в осуществлении всех своих желаний, напра-

вленных на семейную жизнь и продолжительную половую потенцию. Ибо мораль этих обрядов такова: следуя вековой традиции, люди призывают на помощь высший духовный принцип, они преклоняются перед ним, приносят ему богатые жертвы с тем, чтобы он дал им счастье материального и физического благополучия. Судя по этим обрядам, мы ясно видим, что народ еще не успел подняться на высоту духовного бытия. Там же, где мы наблюдаем нечто обратное, перед нашими глазами стоит индивидуальная личность, которая принципу физического размножения противопоставляет возвышенные права духа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наша книга кончена. Однако мы не исчерпали всего; да это и невозможно. Область, подвергнутая нами исследованию, неисчерпаема: она вечно рождает новые вопросы, новые проблемы.

Разрешить все эти вопросы — дело нелегкое. Да это и не входило в наши планы. Наша задача была — показать то тесное взаимоотношение, которое существует между оккультизмом и сексуальностью. Правда, эта мысль не нова; с ней знаком всякий, кто хоть сколько-нибудь интересовался вопросами этого рода. Тем не менее большинство оккультистов обходило этот пункт глубоким, упорным молчанием. Благодаря именно этому замалчиванию некоторые явления оккультизма приобрели ту загадочность, которую ей совершенно неосновательно приписывают в настоящее время. На самом деле все это далеко не так таинственно, как обыкновенно думают. Я счел необходимым обратить внимание именно на эти пункты, ибо здесь перед нами должны были раскрыться и раскрылись причины самых загадочных явлений.

Но не одни только причины и не все причины. Ибо я должен тут же заметить: хотя теперь

нам представляется вполне ясной та роль, которую играет сексуальность в сфере оккультных явлений, тем не менее мы вовсе не склонны отрицать влияние оккультных, магических сил даже и в настоящее время.

Обращаясь к заветным целям оккультизма, мы тут очень часто находим один только эротический момент. Очень часто, пожалуй, эротикой проникнуты и те явления, которые, на наш взгляд, очень далеки от нее. Но разве мы тем самым отрицаем за этими явлениями оккультный характер? Разве цели эротики не являются до сих пор еще для нас скрытыми, оккультными? Нам часто кажется, что мы вполне постигли эротику, так как ее проявления мы ощущаем на себе самих. Но эти проявления суть не что иное, как телесная, видимая, осязаемая сторона эротики, за ней же скрывается нечто невидимое, неосязаемое — чувство, желание, сила. Тенденции этой силы, как мы уже знаем, лишены всякого полового оттенка. Сила эта — страсть, а не похоть. Любовная страсть это именно тот пункт, которого нам никогда не удастся раскрыть, здесь завесы нам никогда не поднять.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

3

ВВЕДЕНИЕ

4

СЕКСУАЛЬНОСТЬ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ,
ВОЛХВОВ И РОДСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРОВ

13

КУЛЬТ ПОЛА

33

ПОЛОВАЯ МИСТИКА

51

ПОЛОВАЯ МАГИЯ

75

КОЛДОВСТВО

97

ИНКУБАТ И СУККУБАТ

117

СЕКСУАЛЬНО-ОККУЛЬТНЫЕ
НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ

137

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

149

Научно-популярная литература

Ганс Фреймарк

ОККУЛЬТИЗМ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Лицензия ЛР № 063244 от 13.1.1994 г.

Редактор Лозина Г. В.

Художник Пчелкин А. А.

В оформлении использованы работы художника З. Мезла

Художественный редактор Тогобицкий В. А.

Технический редактор Голубева Ж. М.

Сдано в набор 14.02.94. Подписано в печать 30.03.94. Формат 84x108 1/16.
Тираж 50 тыс. экз. Бумага офсетная № 1. Усл.-печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 15,96.
Уч.-изд. л. 14,60. Заказ 314.

Издатель ТОО «КОНСТАНТА» 129301, Москва, ул. Ярославская, 14.

630048, Новосибирск, ул. Н.-Давиденко, 104

Издательско-полиграфическое предприятие «Советская Сибирь».

По вопросам приобретения книги Г. Фреймарка «Оккультизм и сексуальность» просим оптовых покупателей обращаться по адресу:

129301 Москва, ул. Ярославская, 14.

Проезд: станция метро ВДНХ.

Телефон: 283-46-64

ОККУЛЬТИЗМ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Отсканировано для сайта
<http://www.twirpx.com/>

АООБОУ aka BoROdA

